

ISSN 0321-0626

Исторический

ВОЕННО-

ИСТОРИЧЕСКИЙ

10 1993

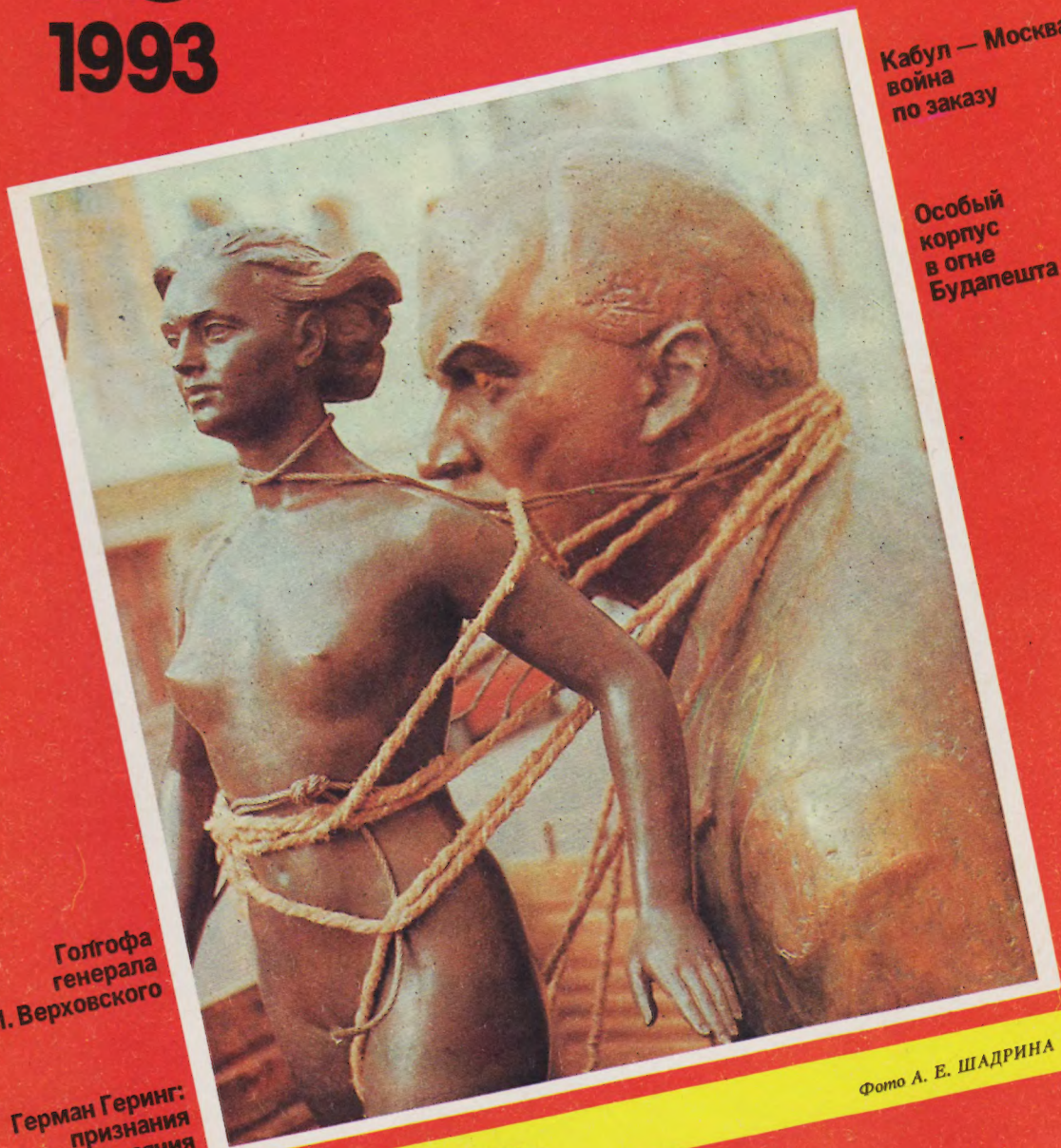
ЖУРНАЛ

"...ИСТОРИЯ
ПРЕДКОВ
ВСЕГДА
ЛЮБОПЫТНА
ДЛЯ ТОГО,
КТО ДОСТОИН
ИМЕТЬ
ОТЕЧЕСТВО".

Н.М. Карамзин

Кабул — Москва:
война
по заказу

Особый
корпус
в огне
Будапешта

Голгофа
генерала
А. И. Верховского

Герман Геринг:
признания
без покаяния

Фото А. Е. ШАДРИНА

Эпох связующая нить...

СИМВОЛЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Россійскій государственный гербъ

въ значеніи территоріи всей имперіи.

Высочайше утвержден 3 ноября 1882 года.

УЧРЕЖДЕН
МИНИСТЕРСТВОМ
ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ 10₁₉₉₃ ЖУРНАЛ

Ежемесячное издание Генерального штаба Вооруженных Сил России

Главный редактор
В. С. ЕЩЕНКО.

Редакционная коллегия:
Н. Т. АКСЕНОВ
(заместитель
главного редактора),
И. А. АНФЕРТЬЕВ
(ответственный
секретарь),
А. Д. БОРЦОВ,
В. А. ЗОЛОТАРЕВ,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. ИЩЕНКО,
Д. Ш. КАРИМОВ,
Г. И. КОРОТКОВ,
О. Ю. ЛАТЫПОВ,
Ю. К. ЛУГОВОЙ,
А. М. МАЙОРОВ,
Р. Г. ПИХОЯ,
А. Н. СЕНИЦЫН,
А. М. СОКОЛОВ,
В. А. ЧИРВИН,
В. И. ШЕРЕМЕТ.

Художественный редактор
Л. П. ДЕМАХИНА.

Адрес редакции:
103160, Москва, К-160,
редакция «Военно-
исторического журнала».
Тел.: 296-44-87, 296-45-08,
296-45-16, 296-45-35.

Сдано в набор 12. 08. 93.
Подписано к печати 15. 10. 93.
Бумага 70x108/16.
Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 11,3.
Усл. кр.-отт. 12,6.
Тираж 22 000 экз. Зак. 1444.
Цена 70 р. Регистр. № 01978.

Ордена «Знак Почета»
типография газеты
«Красная звезда».
123826, ГСП, Москва, Д-7,
Хорошевское шоссе, 38.

Компьютерный набор
Е. В. МЕЖЕВОВОЙ, И. В. КУЗИНОЙ,
В. Ю. БОГДАНОВОЙ.
Компьютерная верстка
В. Н. КУЦЕНКО.

© «Военно-исторический журнал»,
1993.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
Москва, 1993.

● ВПЕРВЫЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЕ

Отдали жизнь за Родину
(Публикация С. Д. АНДРЕЕВА)

2

● ИЗ ФОНДОВ ВОЕННЫХ АРХИВОВ

Судьбы генеральские...
(Публикация Л. Е. РЕШИНА, В. С. СТЕПАНОВА)

6

● АФГАНИСТАН: УРОКИ И ВЫВОДЫ

В. А. МЕРИМСКИЙ — Кабул — Москва: война
по заказу

11

● ВЕНГРИЯ, ГОД 1956-й

Е. И. МАЛАШЕНКО — Особый корпус в огне
Будапешта

22

● ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

Ю. В. ВОТИНЦЕВ — Неизвестные войска
исчезнувшей сверхдержавы

32

● ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Н. Г. КУЗНЕЦОВ — Крутые повороты
В. М. АЛЕКСЕЕВА-БОРЕЛЬ — Аргентинский
архив генерала М. В. Алексеева

43

50

● ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

Н. Н. ГОЛОВИН — Военные усилия России
в мировой войне
А. И. ВЕРХОВСКИЙ — Россия на Голгофе
М. М. БОНДАРЬ — Голгофа генерала Верховского

58

65

68

● ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

П. Н. СИМАНСКИЙ — События на Дальнем
Востоке...

74

● ЗА КУЛИСАМИ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»

Признания без покаяния
(Публикация В. А. ЛЕБЕДЕВА)

80

● ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ

Погибли в годы беззакония
(Публикация О. Ф. СУВЕНИРОВА)

87

● КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. А. АРТАМОНОВ — От Нарвы до Парижа

92

● СИМВОЛЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Н. М. КАРАСЬ — Государственный герб

94

● С ЮМОРОМ — К ПОБЕДЕ

Метким ударом
(Публикация А. Е. ВИХРЕВА)

95

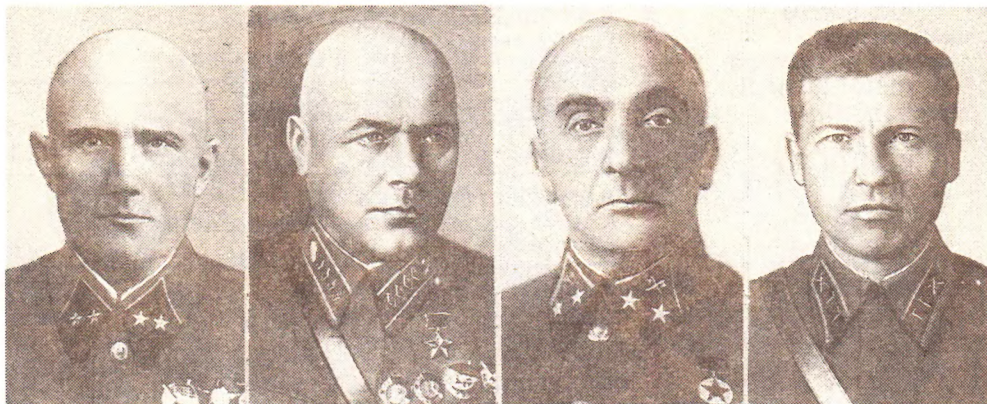
● ЭПОХА В ДОКУМЕНТАХ

96

Отдали жизнь за Родину

СПИСОК

генералов, адмиралов, корпусных и дивизионных комиссаров
Советской Армии и Военно-Морского Флота, погибших,
умерших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны
(22 июня 1941 г. — 9 мая 1945 г.)

В. Ф. Павлов

Д. Г. Павлов

П. М. Падосек

Д. И. Панихин

256. Генерал-майор Павлов Василий Федотович, 1895 года рождения. Командир 23-й стрелковой дивизии 11-й армии Северо-Западного фронта. Погиб 25 июня 1941 года под Кармелавой (бывш. Литовская ССР). Похоронен в Каунасе.

257. Герой Советского Союза генерал армии Павлов Дмитрий Григорьевич, 1897 года рождения. Командующий войсками Западного фронта. Репрессирован.

Расстрелян. Посмертно реабилитирован. Данных о месте захоронения нет.

258. Генерал-майор инженерных войск Падосек Павел Михайлович, 1893 года рождения. Начальник инженерных войск 50-й армии Брянского фронта. Погиб в бою в ноябре 1941 года. Данных о месте захоронения нет.

259. Генерал-майор артиллерии Панихин Даниил Игнатьевич, 1901 года рождения. На-

чальник артиллерии стрелково-тактического комитета. Умер от болезни 2 июня 1944 года. Похоронен в г. Семенове Горьковской области.

260. Генерал-майор артиллерии Панков Александр Никифорович, 1896 года рождения. Командующий артиллерией 13-й армии Центрального фронта. Погиб 14 сентября 1943 года. Похоронен в г. Кролевец Сумской области.

261. Генерал-майор Панкратов Иосиф Николаевич, 1897 года рождения. Командир 287-й

А. Н. Панков

И. Н. Панкратов

И. В. Панфилов

Т. М. Парафило

Н. В. Пастушихин

М. Ф. Пепеляев

С. П. Перков

М. А. Песочин

стрелковой дивизии 1-го Украинского фронта. Погиб 25 апреля 1945 года от взрыва фугаса. Похоронен в г. Новограде-Волынском Житомирской области.

262. Герой Советского Союза генерал-майор **Панфилов Иван Васильевич**, 1893 года рождения. Командир 8-й гвардейской стрелковой дивизии Западного фронта. Погиб 19 ноября 1941 года под д. Гуськово Волоколамского района Московской области. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

263. Генерал-майор **Парафило Терентий Михайлович**, 1901 года рождения. Командир 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Умер от ран 24 июня 1943 года в эвакогоспитале г. Липецка. Похоронен в г. Раменское Московской области.

264. Генерал-майор **Пастушихин Николай Васильевич**, 1900 года рождения. Начальник штаба Архангельского военного округа. Умер 1 января 1945 года. Похоронен в Москве.

265. Генерал-майор **Пепеляев Михаил Фе-**

досеевич, 1897 года рождения. Командир 71-й стрелковой дивизии Волховского фронта. Умер 3 января 1943 года. Похоронен в г. Волкове Ленинградской области.

266. Генерал-майор **Перков Степан Павлович**, 1901 года рождения. Командир 132-го стрелкового корпуса Карельского фронта. Погиб 27 сентября 1944 года (подорвался на mine). Похоронен в Архангельске.

267. Генерал-майор **Песочин Михаил Александрович**, 1897 года рождения. Командир 225-й стрелковой дивизи-

В. И. Пестов

К. И. Петров

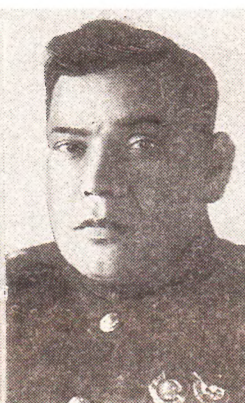
М. О. Петров

М. П. Петров

Л. Г. Петровский

А. П. Пилипенко

Д. С. Писаревский

И. П. Пичугин

Д. И. Побле

Д. Д. Погодин

Б. А. Погребов

К. П. Подлас

зии 1-го Украинского фронта. Умер от ран 3 мая 1945 года. Похоронен во Львове.

268. Генерал-полковник артиллерии **Пестов Владимир Иванович**, 1890 года рождения. Командующий артиллерией Закавказского фронта. Умер от болезни в апреле 1944 года. Похоронен в Тбилиси.

269. Генерал-майор **Петров Константин Иванович**, 1893 года рождения. Командир 6-й гвардейской стрелковой дивизии Юго-Западного фронта. Умер от ран 13 февраля 1942 года. Похоронен в г. Ельце Липецкой области.

270. Генерал-майор артиллерии **Петров Михаил Осипович**, 1898 года рождения. Командующий артиллерией 3-й ударной армии Калининского фронта. Захвачен в плен противником. Умер от ран в плену в ноябре 1943 года.

271. Герой Советского Союза генерал-майор **Петров Михаил Петрович**, 1898 года рождения. Командующий 50-й армией Западного фронта. Погиб 10 октября 1941 года при выходе из окружения. Похоронен в Брянске.

272. Генерал-лейтенант **Петровский Леонид Григорьевич**, 1897 года рождения. Командир 63-го стрелкового корпуса Западного фронта. Погиб 17 августа 1941 года. Похоронен в с. Старая Рудня Жлобинского района Гомельской области.

273. Генерал-майор **Пилипенко Антон Петрович**, 1903 года рождения. Начальник штаба 38-й армии 1-го Украинского фронта. Погиб 25 марта 1944 года в авиационной катастрофе. Похоронен в Киеве.

274. Генерал-майор **Писаревский Дмитрий Семенович**, 1898 года рождения. Начальник штаба 5-й армии Юго-Западного фронта. Погиб 20 сентября

1941 года в роше у совхоза Городище (в 15 км северо-восточнее г. Лубны Полтавской области). Данных о месте захоронения нет.

275. Генерал-майор **Пичугин Иван Павлович**, 1901 года рождения. Командир 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии 2-го Украинского фронта. Погиб 6 августа 1944 года при артиллерийском обстреле противника. Похоронен во Львове.

276. Генерал-майор танковых войск **Побле Дмитрий Иосифович**, 1895 года рождения. Старший преподаватель Военной академии бронетанковых и механизированных войск. Умер от болезни 28 октября 1944 года. Похоронен в Москве.

277. Герой Советского Союза генерал-майор танковых войск **Погодин Дмитрий Дмитриевич**, 1907 года рождения. Заместитель командира 1-го механизированного корпуса Калининского фронта. Погиб 13 сентября 1943 года. Похоронен во Владимире.

278. Генерал-майор **Погребов Борис Андреевич**, 1898 года рождения. Командир 7-го кавалерийского корпуса Брянского фронта. Погиб 27 марта в 1942 году. Данных о месте захоронения нет.

279. Генерал-лейтенант **Подлас Кузьма Петрович**, 1893 года рождения. Командующий 57-й армией Юго-Западного фронта. Погиб в мае 1942 года, будучи в окружении на харьковском направлении. Похоронен северо-западнее д. Копанки Изюмского района Харьковской области.

*Публикация
С. Д. АНДРЕЕВА*

*Фото предоставлены
А. А. СТЕПАНОВЫМ*

СУДЬБЫ ГЕНЕРАЛЬСКИЕ...

В марте 1942 года в составе имперского управления безопасности (РСХА) был создан специальный разведывательно-диверсионный орган, предназначенный для разложения тыла Советского Союза. Он получил условное наименование «Предприятие Цеппелин» и был подчинен VI управлению РСХА, которое возглавлял бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг. Предполагалось забрасывать в районы глубокого тыла хорошо обученную агентуру, вести сбор разведывательных данных о политической и экономической ситуации в СССР, осуществлять пропагандистские акции, террористические акты, организовывать повстанческое движение.

В это же время были организованы и специальные, предназначенные для подготовки агентуры лагеря: «СС-зондерлагерь Бухенвальд» — на территории концлагеря Бухенвальд, «СС-зондерлагерь Заксенхаузен» — на территории концлагеря Заксенхаузен, «СС-зондерлагерь Аушвиц» — на территории концентрационного лагеря, известного как Освенцим, «СС-зондерлагерь Легионово».

«Предприятие Цеппелин» должно было работать в тесном контакте с абвером, главным штабом верховного командования германской армии и с имперским министерством по делам восточных территорий, так называемым «Восточным министерством».

В начале 1942 года министерство организовало несколько учебных лагерей для подготовки агентов-пропагандистов: «Вустрау», «Циттенхорст», «Вульгайде». В августе 1942 года в городе Летцене был создан лагерь по подготовке офицерского состава для РОА. Правда, никакой РОА еще не было и в помине, но о будущих кадрах уже заботились.

Е. А. Егоров

Всех пленных советских генералов и многих младших и старших офицеров в марте 1942 года начали собирать в Хаммельбурге в лагере для военнопленных «ХIII-Д». Именно здесь «ловцы душ» предприняли первые шаги по вербовке советских военнопленных на службу германскому рейху. Прошедших начальную стадию отбора ожидали учебные лагеря «Восточного министерства», а самые способные и перспективные с точки зрения разведывательно-диверсионной деятельности попадали в специальные лагеря «Цепелина».

Несмотря на то, что статья 23 Гагской (1907 г.) конвенции о законах и обычаях

сухопутной войны прямо запрещала принуждать подданных противной стороны принимать участие в военных действиях против собственной страны, именно тогда в ход был пущен лозунг о создании «русского освободительного движения».

Теперь надо было подобрать достойных кандидатов для работы в «Цеппелине».

Командир 4 ск 3-й армии генерал-майор Евгений Арсеньевич Егоров, 1891 года рождения, попал в плен к исходу первой недели войны — 29 июня 1941 года. Как сам он показал на допросе в Главном управлении контрразведки «Смерш» 6 июня 1945 года, с началом войны соединения и части 4 ск, в состав которого входили 56 и 27 сд, под напором противника стали отходить от государственной границы западнее Гродно на восток. На третий день боев была потеряна связь с 56 сд, а еще через несколько часов — и со штабом 3-й армии. К исходу дня 28 июня в распоряжении Егорова осталось чуть больше полка. Присоединив к своим встретившиеся части 85 сд, Егоров занял оборону в районе местечка Деречин, после непродолжительных боев отдал приказ отходить на восток и занять оборону на реке Щара. Колонна штаба 4 ск попала под огонь противника, началась паника. В этой обстановке Егоров был ранен. Мимо упавшего советского генерала прошли немецкие танки. Сидевшие на броне танков автоматчики заметили красные лампасы на брюках Егорова, подобрали его и увезли в штаб, а оттуда — в слонимский госпиталь.

На вопрос следователя «Смерша»: «О чем вас допрашивали немцы?» — генерал Егоров ответил: «После пленения немцы меня не допрашивали. В госпитале один из офицеров задал ряд вопросов, однако они больше касались политики. В штабе армии, где я пробыл три дня, меня спрашивали о месте прохождения Сталинской линии обороны, но никаких показаний на этот счет я дать не мог». Следователь возразил: «Вы скрываете допросы вас немцами. Установив, что вы генерал, командир корпуса, немцы не могли не интересоваться данными о войсках Красной Армии».

Следователь был прав. В Потсдамском военном архиве хранится «Отчет о допросе генерал-майора Егорова Евгения, командующего 4-м стрелковым корпусом». Допрос производился в штабе группы армий «Центр» 4 июля 1941 года. Егорову было задано пятнадцать вопросов. Шесть из них относились к составу и оперативному применению советских танковых соединений. Ответы Егорова не содержали сколько-нибудь ценной информации. Он либо отговаривался незнанием, либо говорил заведомо

известное. Один вопрос относился к составу 3-й армии и 4 ск. Егоров перечислил входящие в эти объединения воинские соединения, воздержавшись от оценки их боеспособности и вообще от всяких подробностей.

Один из вопросов звучал так: «Существовали ли оперативные планы для нападения на Германию, а также для защиты от нападения Германии?»

Ответ был таков: «Планов нападения не было. В случае обороны корпус имел задачу удерживать линию Сопоткин — Липек — Августово — Райгруд — Граево. В последние две недели до начала войны войска были заняты оборудованием полевых позиций».

На вопрос о впечатлениях как командира и участника боевых действий с 22 июня и до момента пленения Егоров ответил: «Война началась неожиданно. Общего подъема по тревоге не было, каждая часть поднималась своим командованием. Никто не ожидал войны с Германией. Войска двигались в заданные пункты, не имея полного боевого снаряжения. Спусти полтора часа 4 ск уже не имел связи с армией, а к вечеру 22 июня была прервана связь с обеими дивизиями. 25 июня стало ясно, что 3-я армия и, вероятно, соседняя 10-я армия окружены. Через связного удалось получить приказ об отходе от находившегося при штабе 10-й армии заместителя наркома обороны Кулика. 29 июня штаб корпуса под Деречиным наткнулся на немецкое танковое соединение и был взят в плен».

Читатель может теперь сопоставить показания пленного советского генерала, сделанные в конце второй недели войны, с измышлениями Виктора Суворова — автора книги «Ледокол» — и убедиться, что Советский Союз не планировал нападения на Германию ни в июне, ни в июле 1941 года и агрессию Германии не провоцировал.

О линии Сталина генерал Егоров не смог сказать ничего, лишь высказал мысль, что, может быть, речь идет об оборонительных сооружениях, построенных вдоль прежней советско-польской границы.

Наконец, отвечая на вопрос о резервах, которыми может располагать Красная Армия, Егоров сказал: «В качестве резерва служат все военные округа центральной части России. Подтягивание войск с Урала представляется вполне возможным, а доставка сибирских частей вряд ли возможна из-за невероятного темпа продвижения немцев».

Вскоре после этого допроса Егорова доставили в лагерь для военнопленных в Бе-

ло-Подляску, а в августе 1941 года — в Хаммельбург, в офицерский лагерь «ХIII-Д».

На вопрос следователя, принимал ли Егоров участие в проводимой немцами в лагерях для военнопленных антисоветской работе, участвовал ли в формировании враждебных организаций и воинских частей из военнопленных, был получен ответ: «Должен признать, что, находясь в Хаммельбургском лагере военнопленных, я совершил преступление — вступил в существовавшую в лагере антисоветскую организацию и вместе с другими ее участниками проводил враждебную работу среди военнопленных».

По словам Егорова, организация эта называлась «Русская трудовая народная партия» (РТНП) и создана она была с санкции немецкого командования в сентябре 1941 года бывшим военным прокурором 100-й стрелковой дивизии Мальцевым. Егоров вступил в РТНП в конце декабря 1941 года по рекомендации бывшего начальника оперативного отдела штаба Северо-Западного фронта генерал-майора Ф. И. Трухина. В заявлении Егоров указал, что он разделяет программу РТНП, считает необходимым вести борьбу с Советской властью и в связи с этим просит принять его в РТНП.

Следователь задал вопрос: «Иначе говоря, в анкете и заявлениях вы изложили свои антисоветские взгляды?». Егоров ответил: «Нет, антисоветских взглядов у меня не было. Вступая в РТНП, я намеревался использовать свое пребывание в ней для побега из плена, поскольку члены этой партии имели некоторую свободу. Трухин, видимо, считал меня подходящим для вступления в РТНП, поскольку я неоднократно присутствовал на проводимых им беседах и никогда не возражал ему в его клеветнических выпадах против Советской власти».

Егоров пояснил, что руководство РТНП осуществлял Центральный комитет во главе с секретарем ЦК Мальцевым. В состав ЦК входили также Благовещенский, Трухин, Филиппов, Сверчков и Бартеньев — военнослужащие Красной Армии, попавшие в плен. Сверчков, выдававший себя за бывшего артиста МХАТа, руководил отделом пропаганды, Филиппов — разведывательным отделом, генерал-майор береговой службы Благовещенский — военным отделом. Сам Егоров был назначен начальником штаба военного отдела.

При РТНП существовала так называемая партийная комиссия, иначе партийный суд. Председателем суда Мальцев назначил Егорова.

Отделы Центрального комитета, как показал Егоров, не сидели сложа руки. Про-

пагандисты выпускали газету (типографию и бумагу, разумеется, предоставило немецкое командование), «разведчики» выявляли коммунистов и евреев, военный отдел разрабатывал предложения по созданию так называемой добровольческой армии — для борьбы с Красной Армией.

Из показаний Егорова видно, что он лишь номинально значился начальником штаба военного отдела РТНП, поскольку ни разу не упомянул о Трухине — истинном руководителе военного отдела, в ноябре 1941 года составившем «Положение о военном отделе РТНП», где ставились, в частности, и такие задачи:

«...необходимо всеми мерами усилить воинские части германской армии, ведущие войну на восточном фронте; для этого целесообразно было бы приступить к формированию частей и соединений всех родов войск из военнопленных... и использовать их для смены германских соединений, находящихся во Франции, Бельгии, Голландии и на Балканах. Сменные соединения усилят восточный фронт...».

«Положение» заканчивалось так:

«...план работы военного отдела поквартирно составляется его начальником и утверждается немецким командованием через президиум РТНП».

Егоров действительно ничего об этом не знал и считал, что руководителем военного отдела является Благовещенский.

В ноябре 1941 года военный отдел составил обращение к немецкому командованию с просьбой разрешить сформировать из военнопленных добровольческую армию и направить ее на фронт для участия в боях с Красной Армией. Егоров показал на допросе, что Мальцев предлагал подписать это обращение всем пленным советским генералам, находившимся в Хаммельбургском лагере «ХIII-Д», но почти все они отказались. Подписи поставили только генералы Благовещенский, Зыбин, Егоров и Куликов.

С целью вербовки военнопленных были созданы четыре комиссии, которые возглавили эти генералы. Но из нескольких тысяч военнопленных, находившихся в лагере, согласие вступить в «добровольческую армию» дали 450 человек.

Отвечая на дальнейшие вопросы, Егоров сообщил, что в январе 1942 года, меньше чем через месяц после вступления, он подал заявление о выходе из РТНП и никаких дел ни с ее руководством, ни с другими организациями такого же толка больше не имел.

В апреле 1943 года вместе со всеми пленными генералами Егоров был переведен в Нюрнбергский лагерь для военнопленных,

а в сентябре того же года — в крепость Вюсбург, где содержался до апреля 1945 года, когда всех пленных генералов отправили в город Мосбург, где они были освобождены американскими войсками и переправлены в Париж.

3 сентября 1946 года генерал Егоров, теперь уже как арестованный (постановление об его аресте было утверждено Абакумовым 28 декабря 1945 года), показал, что генерал Куликов, подписавший обращение к немецкому командованию вместе с Егоровым и другими, неоднократно выражал желание бежать из немецкого плена и в конце 1942 года был куда-то увезен немцами¹.

16 июня 1945 года был допрошен в качестве свидетеля бывший командующий 5-й армией генерал-майор Михаил Иванович Потапов. Отвечая на вопросы о деятельности Егорова в плену, М. И. Потапов сказал: «Участником РТНП Егоров был с начала ноября 1941 года по 10-11 февраля 1942 года, но затем он из нее вышел. 7 февраля 1942 года я и генерал-майор С. В. Вишневский, бывший командующий 32-й армией, были переведены из Шпандау в Хаммельбург. На другой день в нашу комнату зашел Егоров, который рассказал, что является участником РТНП и какие задачи она ставит. Мне удалось доказать Егорову всю преступность его участия в РТНП. Под влиянием этой беседы через два дня Егоров подал в РТНП заявление о выходе и 10 или 11 февраля был из нее исключен.

В дальнейшем никаких антисоветских проявлений за Егоровым я не наблюдал».

15 июня 1950 года заместитель министра госбезопасности генерал-лейтенант Огольцов утвердил обвинительное заключение по обвинению Е. А. Егорова в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 «б» УК РСФСР.

Следствие установило:

— Егоров, являясь командиром 4 ск, не обеспечил руководства подчиненными ему соединениями, в результате чего части корпуса были окружены немецкими войсками, а сам Егоров, не оказывая сопротивления, 29 июня 1941 года сдался в плен противнику;

— будучи водворен в Хаммельбургский лагерь военнопленных, Егоров установил там преступную связь с изменниками Родины Трухиным и Благовещенским и, разделяя их враждебные взгляды, принял участие в проводимой ими антисоветской деятельности — с антисоветских позиций обсуждал положение на фронтах и клеветал на Советское правительство, обвиняя его

руководителей в неспособности организовать отпор противнику;

— в сентябре 1941 года вступил в созданную немцами антисоветскую организацию РТНП, выразив готовность вести борьбу против Советской власти;

— в ноябре 1941 года при активном участии Егорова группа предателей — бывших военнослужащих Красной Армии — составила обращение к германскому командованию с просьбой разрешить им формирование из числа военнопленных «добровольческих отрядов» для вооруженной борьбы против Советского Союза;

— впоследствии при РТНП был создан военный отдел для антисоветской обработки военнопленных и вербовки их в «добровольческие отряды». Егоров являлся начальником штаба этого отдела и руководителем одной из вербовочных комиссий;

— наряду с этим по заданию германской разведки комиссия, возглавляемая Егоровым, выявляла среди военнопленных коммунистов, политработников, сотрудников особых отделов и лиц, ведущих антифашистскую работу, и выдавала их гестапо;

— в январе 1942 года Егоров по заданию германской разведки составил схему боевых порядков частей корпуса, которым он ранее командовал, и дал согласие написать военно-исторический обзор боевых действий этого корпуса;

— в апреле 1943 года вместе с другими военнопленными Егоров был переведен в Нюрнбергский лагерь, затем содержался в лагерях в Вейсенбурге, Мосбурге, а в апреле 1945 года был освобожден американскими войсками и передан советским органам.

Закрытое судебное заседание военной коллегии Верховного суда СССР состоялось 19 апреля 1950 года. Отвечая на вопросы председательствующего генерал-лейтенанта юстиции Чепцова, Егоров, в частности, сказал:

«...Антисоветские разговоры продолжались очень долго. Надоело их слушать... Я находился в ужасном положении и не мог привыкнуть к положению военнопленного. Я жалел, что не застрелился в момент пленения, и начал думать, как бы мне выйти из сложившегося положения и избежать плена... По лагерю прошел слух, что немцы формируют так называемые добровольческие отряды для вооруженной борьбы против Советского Союза в тылу советских войск. Это же подтвердил и генерал Куликов. Я принял решение вступить в этот отряд и при посредстве его уйти из плена, а отряд использовать против немцев. Для того чтобы немцы поверили в нашу искренность, я и Куликов решили вступить в ТОДТ. Эта фантазия привела меня к совершению следующих преступлений...».

¹ О судьбе генерал-майора К. Е. Куликова см.: Воен.-истор. журнал. 1993. № 7.

Председательствующий задал вопрос: «В своем заявлении вы писали, что разделяете программу РТНП и считаете необходимым вести борьбу с советской властью?».

Егоров ответил: «Да, писал. Если бы я это не написал, меня и не приняли бы в эту партию... А через некоторое время Мальцев предложил подписать обращение к немцам с просьбой разрешить нам формирование «добровольческих отрядов» из военнопленных...»

Егоров подтвердил свою работу в вербовочной комиссии, но наотрез отверг обвинения в выявлении и выдаче коммунистов, политработников, работников особых отделов и антифашистски настроенных лиц. «...Это совершенно не соответствует действительности... Я скрывал председателя военного трибунала 3-й армии Иванова, который находился в лагере под вымышленной фамилией, скрывал председателя военного трибунала 4 ск Ларченко, военкома Ероховича и других, — заявил он. — Я на такую подлость не становился и никого в лагере не предал. Члены комиссии полковник Василевский и еще один подполковник этого тоже не делали... Антисоветской обработкой военнопленных я не занимался, поскольку у штаба, как такового, не было и руководить было нечем. Вся моя работа как начальника штаба заключалась в том, чтобы достать бумаги... Что касается того, что я дал согласие написать военно-исторический обзор действий 4 ск, то дело обстоит так. В лагерь приехал немецкий капитан, представитель исторического отдела. Вызвали всех генералов, в том числе и меня, и предложили писать историю. Я отговаривался, но не настойчиво. Мне выдали топографические карты. Потом группа генералов, в том числе и я, в категорической форме отказалась от этой работы. На картах я отразил схему боевых порядков корпуса для себя лично, чтобы понять события, при которых были разгромлены наши части. Для немцев эта схема никакого интереса не представляла...» О работе в суде Егоров объяснил, что всего было рассмотрено два дела: о драке двух лейтенантов и краже часов.

Председательствующий спросил: «А разве то, что, находясь в лагере, вы вступили в созданную немцами контрреволюционную организацию и вели там антисоветские разговоры, — не переход на сторону врагов нашего государства?»

Егоров ответил: «Да, но прошу поверить мне, что все это было сделано с единствен-

ной целью — перейти на сторону советских войск. Меня потом вербовали в РОА, но я категорически отказался даже от разговора с вербовщиком. В январе 1942 года вся эта дурь стала выходить из головы. Я посмотрел трезво вокруг себя и спросил: А что же дальше делать? Немцы поняли нашу затею с организацией «добровольческих отрядов», и они не были созданы... Я тогда сам пошел к Мальцеву и заявил ему, чтобы он больше меня членом контрреволюционной организации не считал...»

В последнем слове Егоров заявил: «...я совершил преступления перед Родиной, за которые каюсь, хотя и поздно, и прошу суд иметь снисхождение. Я прошу дать мне возможность, хотя бы частично, честным трудом искупить свою вину и смыть то грязное пятно, которое я имею.

Е. А. Егоров был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу.

Его судьба во многом напоминает судьбу генерала Будыхо, да и ряда других пленных советских генералов и старших офицеров. Отступал, оказался в окружении, был ранен, попал в плен.

Известна судьба подполковника Гилля — «Родионова», сформировавшего из советских военнопленных «1-й русский национальный полк СС» и даже принимавшего с ним участие в операциях против партизан Белоруссии. В августе 1943 года полк во главе с Гиллем, перебив немецких офицеров и наиболее отъявленных немецких ставленников, в том числе и бывшего капитана Красной Армии Блажевича, захватив с собой начальника контрразведки, бывшего генерала Красной Армии Богданова, перешел на сторону партизанского отряда «Железняк». Гилль погиб в бою².

Можно предположить, что показания Егорова, когда он говорил о своем желании перейти на сторону Красной Армии, не были голословными. Кроме того, даже если Егоров и имел какое-то преступное намерение, то он от него добровольно отказался, выйдя по своему желанию из РТНП, прекратив все связи с изменниками, отказавшись от встречи с эмиссаром Власова. Ведь до конца плена Е. А. Егоров содержался в лагерях военнопленных на общих основаниях с другими генералами.

**Л. Е. РЕШИН,
В. С. СТЕПАНОВ**

² Об этом читайте в ближайших номерах.

Кабул — Москва: ВОЙНА ПО ЗАКАЗУ

Генерал-полковник в отставке Виктор Аркадьевич Меримский начал военную службу в 1937 году курсантом танкового военного училища. Участник советско-финляндской войны 1939-1940 гг., Великой Отечественной войны. За пятьдесят с лишним лет службы прошел ратный путь от командира взвода до заместителя главнокомандующего Сухопутных войск по боевой подготовке — начальника Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск, командующего Сухопутными войсками и Военную академию Генерального штаба. С 1979 по 1984 год неоднократно бывал в Демократической Республике Афганистан в составе оперативной группы Министерства обороны СССР и отвечал за подготовку и руководство боевыми действиями частей и подразделений ограниченного контингента Советской Армии и афганских войск.

ПЕРВЫЙ ВИЗИТ В АФГАНИСТАН

Солнечное августовское утро 1979 года. Я, как обычно, приехал на службу в Главное управление боевой подготовки Сухопутных войск. Ничто не предвещало каких-либо неожиданностей. И тем не менее именно этот день внес резкие перемены в мою жизнь, изменив ее на долгие годы.

От привычной работы меня оторвал настойчивый звонок аппарата ЗАС. Телефонистка предупредила:

— С вами будет говорить Маршал Советского Союза Сергей Леонидович Соколов.

И тут же я услышал знакомый басовитый голос:

— Виктор Аркадьевич, здравствуй, дорогой! Чем сейчас занят? Можешь ко мне приехать? Хочу с тобой посоветоваться.

С. Л. Соколов встретил меня сердечно. Улыбаясь, усадил за стол и после обычных расспросов о здоровье, службе и семье спросил:

— Что ты знаешь об Афганистане?

Я начал перебирать в памяти крупницы информации об этой стране и понял, что знаю о ней крайне мало.

— Рекомендую тебе внимательно ознакомиться с этой страной и происходящими там событиями, — посоветовал Соколов и продолжал. — Руководство Афганистана шлет нам непрерывные просьбы о поставках оружия, боевой техники и различного военного имущества, необходимых якобы для повышения боеспособности своей армии. И даже, более того, поднимает вопрос о вводе наших войск в Аф-

ганистан. Наши военные советники и посол также подтверждают необходимость оказания военной помощи, но в гораздо меньших размерах. Информация о боевых действиях афганской армии весьма разноречива. Поэтому принято решение направить в Афганистан нашу неофициальную военную делегацию во главе с главкомом Сухопутных войск Иваном Григорьевичем Павловским. Она должна разобраться во всем на месте. Ты включен в состав этой делегации. Подбери двух-трех ребят из своего управления и вместе с ними приступай к изучению обстановки в стране. Материалы возьми у наших операторов. После возвращения И. Г. Павловского из командировки я приглашу всех членов делегации и конкретно поставлю задачу.

Скоро вся наша делегация была приглашена в Генеральный штаб, где С. Л. Соколов достаточно подробно проинформировал нас о военно-политической обстановке в Афганистане и определил содержание нашей работы.

Нам предстояло определить степень боеспособности афганской армии, установить объем необходимой военной помощи для ее повышения, уточнить военно-политическую обстановку в стране, оказать содействие командованию афганской армии в планировании и подготовке боевых действий по разгрому мятежников в определенных районах.

В конце инструктажа Сергей Леонидович подчеркнул, чтобы в беседах с афганскими офицерами мы не давали им никаких обещаний, а на официальных встречах не вступали в обсуждение возможности ввода наших войск в Афганистан.

Меня несколько насторожило указание о помощи в планировании и подготовке боевых действий афганской армии. По сути дела, нас обязывали готовить, организовывать и, может даже, руководить боевыми действиями ее частей и подразделений. Кстати, впоследствии так и произошло.

После встречи с С. Л. Соколовым мы вместе с полковниками Л. К. Котляром, В. Я. Доценко и Р. Г. Дуковым, которые были включены в состав делегации от Главного управления боевой подготовки, начали готовиться к поездке.

Все участники делегации так же, как и я, имели весьма смутное представление об Афганистане и его армии. Наши познания ограничивались материалами газет и краткими видеосюжетами телевидения, которые скупно сообщали главным образом об успехах Апрельской революции. Истинного положения дел там мы не знали. И только в ходе нашей подготовки кое-что удалось выяснить. (Перед нами выступали работники Министерства иностранных дел и Министерства обороны. Их информация была менее радужной, чем нашей прессы.)

В Кабул мы прилетели в полдень. При выходе из самолета сразу как бы натолкнулись на

стену горячего сухого воздуха. В столице было около 35 градусов жары. На аэродроме нас встречали советский посол А. М. Пузанов, главный военный советник генерал-лейтенант Л. Н. Горелов, начальник генерального штаба афганской армии майор Мухаммед Якуб и другие официальные лица. Оттуда мы отправились в отведенную нам резиденцию, которая находилась рядом с министерством обороны.

Из окна предоставленной мне комнаты я увидел большой каменный столб, возвышающийся у подножия горного отрога. Позже узнал, что такими столбами обозначали свой маршрут движения войска Александра Македонского. Это была первая моя зримая встреча с древней историей.

После завершения официальной части наша делегация в сопровождении главного военного советника Л. Н. Горелова поехала в советское посольство. Размещалось оно на окраине города, в стороне от «посольского квартала» и занимало довольно большую территорию.

Расположившись в просторном зале, где кондиционеры создавали приятную прохладу, мы заслушали информацию нашего посла А. М. Пузанова, главного военного советника Л. Н. Горелова и представителя КГБ СССР Б. С. Иванова.

Из услышанного я понял, что проводимые правительством реформы в основном населением поддерживаются, хотя и встречают на своем пути определенные трудности.

Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА), которая возглавила Апрельскую революцию и находилась у власти, имела в составе две враждующие между собой фракции — Хальк (народ) и Парчам (знамя). Репрессии, применявшиеся правоохранительными органами (по сути, фракцией Хальк) против парчамистов, привели к осложнению отношений с интеллигенцией, духовенством и наиболее обеспеченным крестьянством. Это, в свою очередь, обусловило то, что правительственные реформы все чаще стали встречать сопротивление со стороны части населения.

В одиннадцати из двадцати шести провинций начали активизироваться мятежники, численность их никто не знал. Наиболее тревожное положение отмечалось на юго-востоке и юге страны. В провинциях Газни, Пактия, Пактика и Кунар произошли нападения мятежников на местные органы власти и небольшие военные гарнизоны.

В то же время правительство и армия занимали выжидательную позицию и активных действий против вооруженных отрядов оппозиции не предпринимали. Таким образом следовало, что впереди предстояла тяжелая борьба.

После беседы ко мне подошел Борис Семенич Иванович и сказал:

— Мы располагаем материалом, который, по нашему мнению, будет представлять для

вас определенный интерес. Если вы согласны с ним ознакомиться, то вам придется пройти ко мне.

Поданный мне материал касался Х. Амина — премьер-министра и министра обороны страны. В основном его содержание сводилось к тому, что Амин во время учебы в США состоял в руководстве землячества афганских студентов и это привлекало к нему внимание ЦРУ. Высказывалось предположение о возможности его вербовки. Обращалось внимание на то, что Х. Амин стремится к единоличной власти и рассчитывает на поддержку США.

Закончив читать, я посмотрел на Иванова, который тут же спросил:

— Каково ваше мнение?

— В чем-либо сомневаться, подтвердить или опровергнуть эти доводы у меня нет оснований. Вместе с тем мне не совсем понятно, почему вы сочли необходимым ознакомить с таким материалом только меня?

— Прошу вас пока не распространяться о прочитанном. А когда придет время, посвятим и остальных.

На этом беседа закончилась. Я уехал к себе. Рассказал лишь Павловскому о встрече с Ивановым, упомянув, что он просил никому не говорить о содержании доверенного мне материала.

— Прочел и молчи, — посоветовал Иван Григорьевич.

На следующий день я со своими офицерами приступил к работе. К нам присоединились другие военные советники: П. Г. Костенко, А. Д. Рябов, А. С. Рыков. Мы изучали организационно-штатную структуру частей и соединений афганской армии, степень их

Герат. На улицах древнего города советская боевая техника.

боеспособности, а также опыт вооруженной борьбы с отрядами мятежников и планами ее активизации. На второй или третий день после нашего прилета Павловский предупредил меня, что назавтра он, я и еще несколько товарищей приглашены на встречу с главой государства — генеральным секретарем НДПА Нур Мухаммедом Тараки.

Точно в указанное время мы прибыли в Дом Народов (бывший королевский дворец), нас провели в небольшой зал. Вскоре к нам вышел Тараки — плотный, коренастый человек. На его открытом, с правильными чертами, овальном лице играла доброжелательная улыбка. Редкие поседевшие волосы, посеребренные усы и усталый взгляд делали его старше своих лет.

Поздоровавшись с каждым из нас за руку и поинтересовавшись самочувствием, он пригласил всех к столу.

Общаясь с И. Г. Павловскому, Тараки сказал:

— Я рад вашему приезду в нашу страну. Обстановка у нас в последнее время значительно обострилась, что сильно осложнило практическое осуществление законодательных решений и во многом даже их приостановило.

В создавшейся ситуации для правительства Афганистана на первый план встала задача решительной вооруженной защиты революции. В связи с этим я обратился к правительству Советского Союза с просьбой оказать Афганистану помощь в его борьбе.

Афганскую армию нужно поставить на ноги.

Она сейчас очищена от враждебных элементов. Это ее одновременно укрепило и ослабило. Наша армия находится, если так можно выразиться, в послеоперационном периоде. Она нуждается в боевой технике, вооружении и организованном обучении. Большое значение мы придаем повышению морального духа личного состава.

Мы хотим в ближайшие два года создать самую сильную армию в данном регионе. В вас я вижу врачей, которые должны выписать нужный рецепт. Я еще раз выражаю удивление в связи с приездом такой высокой делегации.

Лидер НДПА произвел на меня двойное впечатление. С одной стороны, он, бесспорно, являлся одним из наиболее подготовленных в научно-теоретическом отношении людей среди высокопоставленных деятелей Афганистана. С другой же, следует признать, аргументация высказываемых им положений не всегда убеждала.

За короткое время, которое мы были в Афганистане, я успел послушаться, что у руководства партией и страной стоит «светлейший» и «мудрейший» с массой других превосходных эпитетов вождь.

Я же увидел недостаточно решительного человека. Бесстрастность его речи создавала впечатление, что беседу ведет посторонний, а не стоящий в центре бурных событий человек. В его поведении не чувствовалось уверенности в благополучном завершении происшедшей революции без всесторонней помощи извне. Очевидно, он понимал трагическую сложность ситуации, неготовность страны к радикальным революционным преобразованиям из-за отсутствия объективных и субъективных условий.

Для более тщательного анализа беседы требовалось время. В тот же день у нас состоялась встреча с премьер-министром и министром обороны Хафизуллою Амином.

В отличие от Тараки он был невысокого роста, быстр, энергичен, со спортивной фигурой. Глаза, устремленные на собеседника, буквально пронзали. Даже когда на его лице играла улыбка, глаза не улыбались, а чрезвычайно внимательно следили за происходящим.

После взаимных приветствий Иван Григорьевич поздравил Х. Амина с наступающим праздником (60-летием независимости Афганистана) и передал привет от министра обороны СССР Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова.

Х. Амин, приложив руку к сердцу, поблагодарил за поздравления, после чего произнес:

— Я рад вашему приезду. Я читал марксистские книги и утверждаю, что с помощью Советского Союза мы победим. Дружба наших народов существует давно, еще со времен Ленина. Мы рады, что ваша страна помогает нам.

Борьба, которую мы ведем с контрреволю-

цией, направлена на закрепление и развитие результатов революции. Мы возлагаем большие надежды на помощь вашей страны. Своих офицеров мы воспитываем в духе марксизма, стойкости и верности делу революции. Наша революция своими корнями уходит в Октябрьскую революцию, мы перенимаем опыт вашей партии. У нас с вами общие задачи, и мы в одних окопах будем защищать Апрельскую революцию, которая находится в зачаточном состоянии, как дитя в лоне матери.

Мы должны защищать эту революцию от внутренних и внешних врагов. Наши товарищи, воспитанные в духе советизма, будут оказывать вашей делегации всяческую помощь. Что касается решения вопросов, возникающих в ходе работы, то я всегда к вашим услугам.

— У меня нет военного образования, — продолжал Х. Амин, — и я учусь военному делу у ваших советников и наших офицеров. Мы создадим для вашей работы все условия. От вас я ничего не скрываю. Пропагандистская машина работает против союза Афганистана и СССР, но мы гордимся этой дружбой, которая перешла границу своего 60-летия.

В ходе этой беседы я обратил внимание на то, что если Тараки выступал как теоретик, пытаясь под каждый выдвинутый им тезис подвести свою теорию, то Амин подкреплял свои взгляды ссылками на труды В. И. Ленина и других классиков марксизма-ленинизма. Мне кажется, что, поступая так, он подчеркивал свою независимость от Тараки и в то же время показывал, что стоит с ним на одних позициях — марксизма-ленинизма.

В заключение Амин сказал:

— Было бы очень хорошо, если бы Советский Союз согласился ввести в Афганистан небольшой контингент своих войск. Это позволило бы освободить части афганской армии от охранных функций и использовать их для борьбы с контрреволюцией. Я могу вас заверить, что введенные войска не будут привлекаться для вооруженной борьбы с мятежниками.

— Наша делегация не имеет полномочий не только решать, но даже обсуждать вопрос о вводе советских войск в Афганистан, — ответил И. Г. Павловский.

После встречи я спросил Ивана Григорьевича, действительно ли будут вводиться наши войска. Он ответил, что такой же вопрос задавал перед отлетом Д. Ф. Устинову и тот его заверил: «Ни в коем случае...». Правда, тогда я еще не знал, что посол А. М. Пузанов и представитель КГБ СССР Б. С. Иванов поддерживали точку зрения Хафизуллы Амина.

Х. Амин произвел на меня впечатление волевого, властного и умного человека, обладающего большой энергией и знающего себе цену. Твердость и целеустремленность позволяли ему, в отличие от Тараки, чувствовать се-

бя уверенно. Все бразды правления страной находились у него в руках. Кроме того, он мог рассчитывать на поддержку своих сторонников, которые были во всех звеньях государственного аппарата, особенно в армии.

Этот деятель умел расположить к себе людей и подчинить их. Однако мне показалось, что ему в определенной степени свойственны авантюризм и интриганство. Он был вторым лицом в государстве, но отдельные штрихи в его поведении указывали на желание стать первым.

Таким образом, в течение дня мы встретились с двумя людьми, стоявшими у руководства государством и партией. Первый, опиравшийся главным образом на свою популярность и авторитет, избрал умеренный, порою компромиссный путь достижения цели. Второй, обладавший огромной реальной административной и военной властью, шел к достижению цели напролом, используя любые средства, вплоть до физического уничтожения своих политических противников.

Конечно, эти две силы не могли долго существовать параллельно, тем более каждая из них претендовала на единоличное лидерство. Рано или поздно они должны были сойтись в смертельной схватке...

Получив разрешение от высоких афганских инстанций, мы приступили к выполнению поставленных перед нами задач. В состав моей группы входили, кроме ранее указанных офицеров Главного управления боевой подготов-

ки, генерал-майор артиллерии Н. Ф. Алешенко и периодически подключавшиеся генералы А. П. Афанасьев и А. А. Драгун. Для своей работы мы избрали семь из одиннадцати пехотных дивизий. После ее завершения группа должна была не только определить степень боеспособности этих дивизий, но и предложить меры, которые следует принять, чтобы ее повысить. Решение перечисленных задач осложнялось ограниченностью времени, отпущенного на их выполнение. Тем не менее высокая профессиональная подготовка наших офицеров вселяла веру в успех.

Во время поездок и работы в афганских дивизиях меня поразила удручающая бедность и неустроенность личного состава. Казармы представляли собой невысокие глинобитные постройки, очень темные и неуютные. Кровати у большинства солдат отсутствовали. Спали они на полу или во дворе на матрацах, которые вместе с постельными принадлежностями, приносили из дома.

Столовая, кухня и баня отсутствовали. Пищу солдаты готовили себе сами на кострах в небольших котлах. Такие немыслимые, на наш взгляд, условия не могли не оказать негативного влияния на моральное состояние солдат и офицеров.

Вместе с тем везде нас принимали доброжелательно, стараясь подчеркнуть уважение к советскому народу. Нам было приятно, что в афганской армии были добрые чувства к нашей стране. Такая обстановка способствовала ведению откровенных разговоров, благодаря которым мы многое узнали.

Отношение различных категорий офицеров к Апрельской революции было неоднозначным.

Провинция Кунар. Июнь 1980 года.
Слева командир 108 мсд
полковник В. И. Миронов.

Большинство офицеров, особенно младшего звена, членов НДПА (фракции Хальк), о революции высказывались восторженно, безоговорочно поддерживали и возлагали на нее большие надежды.

Наиболее материально обеспеченная часть офицерского корпуса сразу же после совершения Апрельской революции оставила армию и заняла выжидательную позицию. Отдельные офицеры эмигрировали или перешли на сторону контрреволюции.

Бросалось в глаза, что очень часто старшие офицеры занимали хозяйственные или штабные должности, не соответствовавшие их чину. В беседе с одним из командиров дивизии майором Мухаммедом Джафаром я попытался выяснить, с чем это связано. Без особого желания он мне ответил:

— Они хотят обезопасить свои тылы, так как не очень уверены в победе Апрельской революции.

— Что вы подразумеваете под «обеспечением тылов»? — поинтересовался я.

— Видимо, они рассуждают так: если революция потерпит поражение, то у них будет возможность заявить, что в ее ходе они руководящих постов в армии не занимали. Более того, они даже пострадали от нее, так как были понижены в должности. В то же время, занимая невысокие посты, они как бы подчеркивают свое лояльное отношение к революции.

— Эти офицеры относятся к материально более обеспеченным слоям, и им безразлично, что они значительно теряют в своем окладе?

— Видите ли, система оплаты труда офицеров в нашей армии сильно отличается от принятой у вас. Офицерский оклад у нас определяется не занимаемой должностью, а званием. Поэтому, находясь на любой должности, офицер материально не страдает. Например, полковник — помощник начальника разведки нашей дивизии — получает значительно больше, чем я, командир дивизии, майор...

Малочисленность отрядов мятежников, их слабая вооруженность (преимущественно карабины английского производства и пулеметы) и разобщенность не представляли той организованной силы, которая могла бы противостоять армии. Однако эти преимущества не использовались. Достаточно привести только один пример. Работая в городе Гардезде (центр провинции Пактия), я был удивлен содержанием донесений, которые поступали оттуда в генеральный штаб.

Город периодически обстреливался мятежниками из артиллерийских орудий. В обстреле, как правило, участвовало два-три орудия, а городской гарнизон состоял из одной пехотной дивизии, штаба корпуса и корпусных частей. Командование корпуса вместо того, чтобы активными действиями частей пехотной дивизии уничтожить противника, непрерывно слало в Кабул тревожные телеграммы. В них

драматизировалась обстановка, численность мятежников указывалась в несколько тысяч человек и в ультимативной форме требовалось подкрепление, в противном случае предрекалось, что город будет сдан. Когда же удалось заставить пехотную дивизию перейти к активным боевым действиям, противник в районе города был разгромлен. Его численность, по показаниям пленных, оказалась всего 300-350 человек.

Аналогичная ситуация сложилась и в других гарнизонах. Создавалось впечатление, что регулярная армия (около 150 тыс. человек) перешла к обороне против разобщенных и слабо вооруженных отрядов оппозиции, насчитывающих около 25 тыс. человек.

Из бесед со многими солдатами выяснилось, что они почти ничего или очень мало знают о событиях, происходящих в стране. В то же время всевозможные домыслы, распространявшиеся недоброжелателями, воспринимались ими за истину, ибо сообщения официальных источников доходили до них с большим опозданием или не доходили вообще. А там, где отсутствует истинная информация, господствуют слухи.

Зачастую солдаты были очень откровенны. Так, некоторые из них говорили: «После земельной реформы мы жить стали хуже. Раньше наши отцы земли не имели, но, работая у феодалов, зарабатывали на хлеб. Сейчас же и земли у них нет, и работы нет, так как землю у феодалов отобрали». На мой вопрос, почему же их отцы-бедняки не получили землю, ни один из них вразумительно не ответил.

Работа в дивизиях афганской армии подошла к концу. Мы изучали не только степень укомплектованности частей личным составом, его политико-моральное состояние и уровень обученности. Серьезное внимание уделялось также определению наличия и технического состоянию вооружения и боевой техники.

Афганская армия была основательно оснащена боевой техникой советского производства. Однако при проверке на функционирование оказалось, что значительная ее часть неисправна. Одной из причин этого являлось грубое нарушение правил эксплуатации и периодичности технического обслуживания.

Обращало на себя внимание и пренебрежительное отношение личного состава к бережливости вооружения и техники. При малейшей неисправности боевой техники она оставлялась без присмотра, мер к ее восстановлению не принималось, она разукрупнялась, разворовывалась и к дальнейшей эксплуатации оказывалась уже непригодна.

Такое положение, по моему мнению, объяснялось не только низким уровнем технической подготовки личного состава. Главную причину я усматривал в том, что афганцы зна-

ли: Советский Союз поставляет технику за символическую плату или бесплатно, а значит, она для него никакой ценности не представляет. Если так, то зачем заниматься ремонтом. Лучше попросить — пришлют новую.

Через некоторое время И. Г. Павловского вновь пригласил к себе Амин. Иван Григорьевич взял меня с собой. Наши соображения и пожелания он доложил Амину. Тот с ними согласился, а предложения одобрил, за исключением прекращения демобилизации и досрочного присвоения воинских званий офицерам, сказав, что ему с этими вопросами нужно разобраться более детально, после чего он и примет решение.

В ходе беседы вновь был затронут вопрос о возможности ввода наших войск в Афганистан. Амин говорил:

— Вы, дав оценку положения в армии, подтвердили, что вооруженная борьба мятежников против существующего строя обостряется и принимает более организованный характер. По вашему заключению, наша армия значительно ослаблена. Мне трудно что-либо возразить, и я согласен с вашей оценкой. Мы примем все зависящие от нас меры, чтобы ее усилить. Но нам нужна помощь не только материальная, но и Советских Вооруженных Сил.

Перебивая его Павловский ответил:

— Я уже вам говорил и должен повторить, что вести такие переговоры не уполномочен.

— Тогда я прошу вас проинформировать ваше правительство о моей просьбе, — настаивал афганский руководитель.

— Это мною будет обязательно сделано. Я доложу министру обороны СССР.

В заключение беседы Амин вдруг спросил:

— Скажите, почему ваше правительство не соглашается на встречу со мной для решения неотложных вопросов? На неоднократные мои просьбы об этом я, к сожалению, не получил ответа.

— Очевидно, наше правительство обеспокоено широким применением репрессий над инакомыслящими, но это мое личное мнение, — нашелся Павловский.

— Уважаемый генерал, у нас есть враги революции, но их не так много. Если мы их уничтожим, то и вопрос будет решен, — прозвучало в ответ.

Наше предложение об активизации вооруженной борьбы с мятежниками было одобрено руководством страны. Мне было поручено совместно с начальником оперативного управления генерального штаба афганской армии генерал-лейтенантом Бабаджаном и его советником определить, по каким вооруженным группировкам оппозиции наиболее целесообразно нанести удары.

Прежде чем приступить к работе, я ознакомился с материалами о действиях мятежников,

которые имелись в разведывательном управлении генерального штаба.

Особый интерес вызвала захваченная у них инструкция, выдержки из которой я привожу:

«...Среди населения создавать атмосферу животного страха, парализуя нормальную работу властей... Основой боевых действий считать перекрытие дорог путем минирования и завалов, разрушение линий электропередачи и связи, захват объектов, нападение на воинские подразделения, уничтожение охраны и конвоя.

Организационной основой моджахедов («борцов за веру») считать небольшие отряды — от отделения до батальона. В районах боевых действий использовать население в своих интересах. Без поддержки народа действия моджахедов бессмысленны.

Местное население рассматривать как основной источник пополнения отрядов борцов за ислам. Общность интересов и идей моджахедов и народа обеспечивает эффективность действий. Пропаганда в этом деле имеет решающее значение... Не допускать действий, которые могли бы привести к ненависти народа...»

Интересная деталь: в справке об использованной при разработке данной инструкции литературе указан и «Опыт вооруженной борьбы советских партизан против немецких войск».

Существование подобной инструкции доказывает, что руководство оппозиции серьезно готовилось к вооруженной борьбе и афганской армии нельзя было рассчитывать на легкий успех.

Вместе с генералом П. Г. Костенко, советником при генеральном штабе афганской армии и начальником оперативного управления генерал-лейтенантом Бабаджаном мы изучили обстановку и пришли к заключению, что боевые действия по разгрому мятежников наиболее целесообразно провести в провинциях Пактика и Пактия.

Предусматривалось нанести два последовательных удара. Вначале силами двух пехотных дивизий разгромить отряды мятежников в провинции Пактия, освободить Зурматскую долину, затем деблокировать гарнизон города Ургун силами одной дивизии.

Наши предложения были одобрены И. Г. Павловским и утверждены начальником генерального штаба афганской армии. Мы приступили к разработке плана боевых действий и подготовке привлекаемых к ним частей и подразделений.

Моей группе была поручена подготовка 14-й пехотной дивизии, которая дислоцировалась в г. Газни (120-130 км юго-западнее Кабула). В г. Гардесе (80-90 км южнее Кабула) располагалась 12-я пехотная дивизия, подготавливаемая нашими советниками.

Когда мы прилетели в 14-ю пехотную дивизию, нас встретили уже знакомый нам ее ко-

мандир майор Мухаммед Джафар и военный советник подполковник Леонид Кириллович Лошухин.

Майор Джафар, молодой, энергичный человек, всем поведением подчеркивал преданность революции и Амину. Свободно владел русским языком. Окончил у нас военное училище воздушно-десантных войск. Имел небольшой боевой опыт, чувствовал себя уверенно.

Свою работу мы начали с расстановки личного состава по должностям и укомплектования офицерским составом подразделений и частей.

С определенными трудностями встретились при укомплектовании офицерских должностей. При назначении офицера на должность афганские товарищи руководствовались не его деловыми качествами, а главным образом принадлежностью к фракции НДПА Хальк.

Еще более сложным оказался вопрос о восстановлении неисправной бронетанковой техники. В дивизии, несмотря на наличие технической службы, никто не мог сказать, сколько танков на ходу, в чем заключается неисправность той или иной машины, какие запасные части или агрегаты нужны для их восстановления и имеются ли они в наличии. Эту задачу помог решить член нашей делегации — генерал Павел Иванович Баженов.

С присущей ему оперативностью он создал ремонтные бригады из рабочих кабульского ремонтного завода, привез их в дивизию, где они продефектировали каждую машину, уточнили содержание склада бронетанкового имущества, а затем уж приступили к ремонту.

Благодаря энергии П. И. Баженова и его организаторским способностям к началу боевых действий почти вся бронетанковая техника дивизии была восстановлена. Используя полученный опыт, П. И. Баженов организовал ремонт боевых машин и в других дивизиях. За время нашего пребывания в Афганистане ему удалось восстановить до 75 проц. машин, требовавших среднего и текущего ремонта, что в определенной степени повысило боеспособность афганской армии.

До нашего приезда дивизия вела боевые действия эпизодически и небольшими силами. Ее подразделения выполняли в основном охранные функции на большом удалении от мест дислокации. Указанные силы нужно было собрать. Для этого потребовалось затратить много времени, так как штабы не всегда знали места расположения своих отдельных подразделений.

Не менее важной задачей являлось проведение боевого слаживания подразделений и частей и помощь в создании воинских коллективов.

Я уже говорил, что в афганской армии не существовало столовых, кухонь и спальных помещений в нашем понимании. Солдат очень

мало времени находился в составе подразделения. Значительное время он бывал предоставлен самому себе. Конечно, такой порядок мало способствовал формированию коллектива, а его требовалось создать, привить дух товарищества, веру друг в друга, уверенность, что в трудную минуту товарищ поможет, и т. п.

После этих организационных мероприятий полки приступили к боевому слаживанию. Главное внимание уделялось тактической, огневой, инженерной и санитарной подготовке.

Затем были проведены контрольные занятия, на которых определялась степень слаженности подразделений. И мы с командиром дивизии пришли к заключению, что завершить подготовку полков нужно проведением боевых действий по разгрому одного из отрядов мятежников, действовавшего вблизи г. Газни.

Командир дивизии предложил нанести удар по душманам в районе населенного пункта Танги (в 15-20 км юго-восточнее г. Газни). Я не возражал, так как он лучше меня знал этот район.

Не буду подробно описывать бой, потому что он малопоучителен. В ходе его было допущено много ошибок, над устранением которых нам предстояло работать. Тем не менее полк выполнил задачу, уничтожил около 80 и захватил в плен 25 мятежников. Его потери составили семь человек ранеными. В результате личный состав обрел некоторую веру в свои силы и убедился, что может не только вести бой с мятежниками на равных, но и побеждать их. Среди личного состава царил приподнятое настроение, возбуждение, появились улыбки, в чем и заключалась основная ценность полученного опыта. Боевое крещение состоялось.

Интересно оценили бой мятежники. Я присутствовал на допросе захваченного в плен командира одного из небольших подразделений душманов. В ходе допроса он сказал:

— Нам было известно о подготовке дивизии к бою.

— А как вы об этом узнали?

— У нас расставлено много наблюдательных постов вокруг дивизии. Мы видели все, что в ней делается. Кроме того, в дивизии у нас есть свои люди, от которых нам поступает информация. Мы знали не только то, что дивизия готовится к бою, но и возможное направление удара — по нашему отряду.

— Почему же вы не ушли из-под удара?

— Наш отряд не раз вступал в бой с подразделениями дивизии. Раньше было так: как только мы открывали огонь, солдаты ложились, не целясь отстреливались, а затем уходили. Мы считали, что и на этот раз все повторится. Но солдаты не ушли, действовали решительно, смело, и мы понесли большие потери. Противник стал другим.

Параллельно с работой в дивизии мы завершили планирование боевых действий в про-

винциях Пактия и Пактика, решали другие вопросы.

13 сентября вечером я вылетел в Кабул для доклада о результатах боевых действий и уточнения дальнейшей задачи.

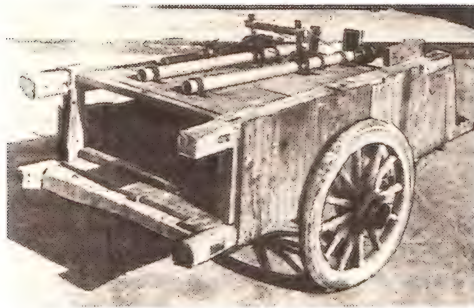
Прибыв в свою резиденцию, я почувствовал какую-то напряженность среди наших товарищей. Ситуацию прояснил В. Д. Мазирка, который неофициально исполнял обязанности начальника штаба нашей делегации. Оказывается, утром Амин после длительного перерыва приехал к Тараки с жалобой на министров МВД, связи, ОКСА (государственной безопасности) и по делам границ. Суть его жалобы заключалась в том, что эта «четверка», особенно двое из нее, открыто выражает недовольство его деятельностью. Они намерены принять любые меры, вплоть до физического уничтожения, чтобы сместить его с поста премьера. Поэтому Амин настаивал на удалении этих людей из состава политбюро и правительства. Если же Тараки, заявил он, не согласен с его мнением, то в крайнем случае необходимо отстранить от дел двух наиболее «оппозиционных» министров — ОКСА и МВД. Амин предъявил Тараки обвинение в том, что он больше доверяет «четверке», чем ему.

Тараки успокаивал Амина, пытаясь убедить, что не нужно прибегать к крайним мерам. Он уверял, что заставит министров извиниться перед ним публично. Однако это не удовлетворило премьера, и он заявил, что будет вынужден уйти в отставку, после чего уехал.

Прибыв в резиденцию, Амин стал поочередно вызывать к себе министров правительства, чтобы проконсультироваться и выявить позицию каждого из них. Одновременно министр внутренних дел (снятия которого Амин особенно добивался) начал отдавать частям Кабульского гарнизона распоряжения о приведении их в повышенную боевую готовность. В свое время он был министром обороны, и его в войсках помнили. Осведомленный об этом начальник генерального штаба майор М. Якуб после консультации с главой государства запретил командирам соединений и частей предпринимать какие-либо действия без личного разрешения генсека.

Узнав о происходящих событиях, Павловский и советский посол Пузанов поехали к Тараки в надежде помирить двух лидеров. Они попросили его пригласить к себе Амина. Вскоре тот прибыл. Оба выглядели уставшими. Посол СССР передал им просьбу руководства нашей страны об их примирении, подчеркнув, что сейчас не время для ссор и раздоров и нужно стремиться к единству внутри партии и ее руководителей.

Как один, так и другой заверили Пузанова, что примут все возможные меры для сохранения единства. Амин заявил, что если он уйдет из этого мира раньше Тараки, то уйдет как верный его ученик. Если же, не дай бог, про-

Орудие моджахедов. Самодельный противотанковый гранатомет, замаскированный под тележку для перевозки фруктов.

изоидет иначе, он будет верным последователем Тараки. На этом разговор был закончен.

Утром 14 сентября я работал в генеральном штабе над уточнением плана предстоящих боевых действий. Ничто не предвещало неприятностей. Но после обеда события стали развиваться с головокружительной быстротой.

Вначале поступило сообщение об убийстве в своем кабинете заместителя министра госбезопасности (ОКСА), который поддерживал четырех опальных министров и был связующим звеном между ними и нашим посольством. Последние исчезли, и место их нахождения было неизвестно. Затем прошли слухи, что на Амина совершено покушение, но он не пострадал, а убит его адъютант — подполковник Тарун. Вечером Кабульское телевидение передало сообщение об отставке четырех министров. Посол СССР в Афганистане и И. Г. Павловский непрерывно курсировали между резиденциями Амина и Тараки. Обстановка оставалась неясной, а город был заполнен войсками. Мы тоже пребывали в неведении, так как Иван Григорьевич ночевал в посольстве.

Наступило утро 15 сентября 1979 года. Вернулся Павловский и рассказал о событиях, происходивших накануне. Утром он вместе с послом прибыл к Тараки, стараясь уладить конфликт. После продолжительных переговоров Тараки вновь согласился встретиться с Амином. Позвонив ему, он пригласил его к себе, сказав, что предложение исходит от советских товарищей.

Во второй половине дня подъехал Амин, но, когда он в сопровождении адъютанта стал подниматься по лестнице, раздалась автоматная очередь. Подхватив своего смертельно раненного адъютанта, премьер сел в машину и уехал.

В комнату вбежала перепуганная жена Тараки и сообщила о происшедшем. Побледневший Тараки, видя в окне отъезд Амина, сокрушенно произнес: «Это все, это конец...» Чему конец, было неясно.

Амин, прибыв в министерство обороны и от-

правив своего адъютанта в госпиталь, где тот вскоре скончался, отдал распоряжения командирам 7-й и 8-й пехотных дивизий, 4-й и 15-й танковых бригад войти в город, занять свои районы ответственности и блокировать резиденцию Тараки, а начальнику генерального штаба — содержать под домашним арестом офицеров, не внушающих доверия, и отключить всю связь с резиденцией Тараки, кроме одного прямого телефона. Связавшись по нему с Тараки, он сказал: «Я избежал твоей мести потому, что у меня быстрые ноги».

Последующие попытки А. М. Пузанова и И. Г. Павловского примирить Амина и Тараки успеха не имели. Амин категорически отказался идти на уступки, заявив, что соберет пленум ЦК НДПА и Революционный совет, на которых лишит Тараки всех занимаемых им постов.

Несмотря на напряженность обстановки, внешне в Кабуле было спокойно. Никаких выступлений населения и войск не отмечалось. Армия в своем большинстве поддерживала Амина.

Вечером 15 сентября по телевидению было передано сообщение о состоявшемся пленуме ЦК НДПА, на котором Амин был избран генеральным секретарем, а Тараки снят с этого поста и исключен из партии. На заседании Революционного совета Амин был назначен его председателем вместо Тараки. Таким образом, вся партийная, государственная и военная власть сосредоточились в одних руках. Амин стал главой государства, генеральным секретарем партии, премьер-министром и министром обороны.

Происшедший переворот совершился фактически бескровно, и открытых выступлений против него не было.

До стабилизации обстановки нам не разрешалось покидать Кабул. Мы собирались вместе, не раз обсуждали факт покушения на Амина и пришли к заключению, что покушение было инсценировано им самим. Об этом свидетельствовал целый ряд фактов.

Зачем, к примеру, Тараки, если он хотел избавиться от соперника, нужно было осуществлять покушение в собственном доме, когда это можно сделать в другом месте? Тогда бы ведь пришлось искать организатора покушения и вряд ли обвинение пало бы на Тараки.

Как могло произойти, чтобы, стреляя в упор, автоматчик не попал в намеренную жертву? Нужно быть очень метким стрелком, чтобы в этих условиях не поразить Амина, а убить шедшего рядом с ним человека. И зачем вообще оказалось нужно кого-то убивать? Достаточно было симитировать покушение, чтобы дать повод к попытке свержения руководства. Вероятно, адъютант Амина подполковник Тарун многое знал. Может быть, он являлся организатором инсценировки покушения, а в политических играх не нужны много знающие приближенные.

С целью завоевания авторитета у народа и укрепления власти Амин освободил из тюрьмы часть ранее арестованных лиц и объявил о начале разработки новой конституции.

В то же время репрессии против инакомыслящих не прекращались, а разрастались. Чтобы подчинить себе руководящие органы партии, Амин на очередном пленуме ЦК НДПА вводит в их состав преданных ему людей, в том числе родственников.

События тех дней создали определенные трудности и для советского руководства. Ему нужно было решить, как поступить, но прежде оно ожидало предложений от представителей ведомств СССР в Кабуле. Посол А. М. Пузанов сообщил в Москву общее с И. Г. Павловским мнение: на данном этапе идти на сотрудничество с Амином. На это А. А. Громыко сказал: «Ну, это уже кое-что». Последовало указание: всячески поддерживать связь с Амином, оказывая на него соответствующее влияние, а также стремиться выяснить его истинные намерения, поведение наших официальных представителей не должно давать повода этому лидеру думать, что мы не доверяем ему.

В последующем позиция руководства нашей страны резко изменилась. Если раньше в своих действиях оно ориентировалось на фракцию Хальк, то затем сделало ставку на фракцию Парчам НДПА во главе с Б. Кармалем.

Несмотря на происшедшие в столице события и смену руководства страны, задача по деблокированию Ургунского гарнизона не была снята. Начальник гарнизона продолжал настойчиво просить о помощи.

По данным генерального штаба, группировка мятежников в провинции Пактика насчитывала около 1000 человек. Основные ее усилия были направлены на блокирование гарнизона в г. Ургун.

Из Шерана на Ургун вело два маршрута: северный — более короткий и трудный (пролегал через горные ущелья и был удобен для обороны); южный — более длинный, но он прокладывался по сравнительно открытой местности и требовал больше сил для обороны.

Мною было принято решение наступать вдоль более трудного — северного маршрута. Эту задачу удалось успешно решить, но впереди вставали еще более сложные проблемы.

14 октября в 16 ч 30 мин в 7-й пехотной дивизии вспыхнул мятеж. Пять танков, подыдя на близкое расстояние к зданию штаба, расстреляли его из пушек. В мятеже участвовали все отдельные батальоны. Подробности мы узнали не сразу. Конечно, мятеж был обречен. Тем более, что моторизованный полк 7-й пехотной дивизии и 8-я пехотная дивизия, дислоцировавшаяся в Кабуле, мятежников не поддержали.

Утром 15 октября обстановка прояснилась. Ранее опубликованное постановление плену-

ма ЦК НДПА об освобождении со всех постов Тараки было воспринято в армии как должное. Амин направил во все партийные (в том числе армейские) организации письмо, в котором Тараки объявлялся врагом революции, народа и награждался другими ярлыками. Это послание породило у многих членов партии недоумение и вопросы. Как же так, вчера Тараки был «умнейшим» и «светлейшим», а сегодня стал непримиримым врагом?

В том же письме часть вины за покушение на Амина возлагалась на Советский Союз, что, естественно, вызвало нездоровую реакцию некоторых офицеров Вооруженных Сил Афганистана.

Сообщение, переданное по Кабульскому радио, о смерти Тараки и его жены подлило масла в огонь.

И вот 14 октября, спустя месяц после свержения Тараки, его сторонники решили выступить с целью отстранения от власти Амина. Следует заметить, что в генеральном штабе и политическом управлении 7-я пехотная дивизия ранее считалась оплотом Амина.

Мятежники заявили, что они стоят на марксистских позициях, выступают не против правительства, а лишь против Амина, которого считают деспотом и узурпатором.

Возглавил мятеж командир комендантской роты, объявивший себя командиром дивизии. В нем должны были участвовать артиллерийский полк и отдельный танковый батальон, но утром они убыли в Пуло Алам. К вечеру того же дня командир артиллерийского полка пытался и там поднять мятеж, но его поддержала только одна артиллерийская батарея, которая сделала шесть бесприцельных выстрелов, но после двух ответных — из танковой пушки — разбежалась. Ответный огонь открыл наш советник, так как экипаж покинул танк. В этой ситуации наши военные советники не растерялись. Они изъяли из затворов танковых пушек и пулеметов ударники. Когда же танковые экипажи, пытаясь поддержать восставшую артиллерийскую батарею, убедились, что стрелять они не могут, то сдались без сопротивления.

На гвардейскую роту, которая охраняла генеральный штаб, возлагалась задача уничтожения Амина и начальника генерального штаба, но она мятеж не поддержала.

К исходу 15 октября мятеж был подавлен. Офицеры и солдаты, принимавшие в нем участие, разбежались. Эти события использовала в своих целях и некоторая часть личного состава, не участвовавшего в указанной акции и просто дезертировавшего. В итоге значительно снизилась боеспособность ряда частей дивизии. К примеру, в артиллерийском полку остался боеспособным только один дивизион.

Через несколько дней нам разрешили вылететь в Пуло Алам для уточнения состояния полков и стоявших перед ними задач. Еще до вылета я был уведомлен, что 75-й пехотный и 37-й парашютно-десантный полки участвовать в боевых действиях не будут.

Конечно, такое ослабление группировки в корне меняло содержание ранее поставленных задач. Если раньше ее действия были направлены на уничтожение основных сил мятежников, то теперь они ограничивались разгромом незначительной их части — в предгорье. Резко бросалась в глаза подавленность личного состава. Да и командиры не возлагали особых надежд на достижение успеха. С таким настроением не следовало идти в бой, о чем я и доложил начальнику генерального штаба майору М. Якубу.

Однако, как я узнал позже, после нашего возвращения в Москву, операция все же проводилась, но своей цели не достигла.

В конце октября 1979 года поступило указание на возвращение нашей делегации в Москву.

Во время полета Иван Григорьевич Павловский ознакомил меня с содержанием своего доклада министру обороны СССР о результатах работы нашей делегации. Происшедшие события, их оценка и проделанная нами работа были изложены весьма объективно. Я обратил внимание на то, что в докладе была четко выражена мысль о нецелесообразности ввода наших войск в Афганистан.

После возвращения в Москву я и мысли не допускал, что мне еще когда-нибудь придется побывать в Афганистане. Но судьба распорядилась иначе.

**Генерал-полковник в отставке
В. А. МЕРИМСКИЙ**

Фото из архива автора

(Продолжение следует)

ОСОБЫЙ В ОГНЕ

Узнал, что скоро мы сможем прочитывать воспоминания Е. И. Малашенко о венгерских событиях 1956 года. Не знаю, что написал генерал Малашенко, но в воспоминаниях военачальников, которые в последнее время увидели свет, слишком много извинений. В 1956 году я служил не генералом, а рядовым. Много наших ребят тогда погибло от рук варваров, наподобие тех, что уничтожают в наши дни мирных жителей в Югославии, нападают на наших пограничников в Таджикистане, грозят резней в Бендерах. Да, по нашим воинам стреляли студенты, иногда даже рабочие, но целеуказание давали бывшие хортисты, те, кто эскапировал во время войны советских военнопленных в Воронежской области, помогая Гитлеру устанавливать «новый порядок». В начале июля 1942 года венгерские каратели в один день уничтожили около 600 человек детей, женщин и стариков в селе Новая Свобода Путивльского района Сумской области. И таких случаев сотни!

Катынь поляки давно и успешно используют в своих интересах. Но почему с них никто не спросит за то, что плененные Пилсудским красноармейцы использовались как живые мишени на стрельбищах. А может, жизнь большевиков (так их называли белополяки, а ведь это были наши соотечественники) ничего не стоила!?

Н. КОВАЛЕНКО

(с. Козиевка

Харьковской области)

НАС ПРЕДУПРЕЖДАЛИ О КРОВАВОЙ РАСПЛАТЕ

После войны советские войска на территории Венгрии находились на основе соглашения союзных держав, вытекавшего из Акта о капитуляции вооруженных сил фашистской Германии, затем — в соответствии с Мирным договором между СССР и Венгрией 1947 года с целью обеспечения коммуникаций для наших войск в Австрии. Мирный договор, заключенный с Австрией в 1955 году, предусматривал вывод с ее территории советских войск. Но в Венгрии наши войска продолжали оставаться в соответствии с Варшавским Договором.

После расформирования Центральной группы войск, в подчинении которой находились советские войска в Венгрии, для руководства ими первоначально намечалось создать небольшое управление группы войск или отдельной армии. Наименования «Группа войск» и «Отдельная армия» не понравились руководству Министерства обороны СССР. Могло сложиться впечатление, что группу вывели из Австрии и разместили в Венгрии. А управление отдельной механизированной армии уже имелось в Румынии.

Маршал Г. К. Жуков¹ предложил называть новое управление Особым корпусом по аналогии с Особым корпусом советских войск в Монголии, которым он командовал в 1939 году.

В сентябре 1955 года такое управление было создано. В состав Особого корпуса вошли четыре дивизии (2-я и 17-я гвардей-

Предлагаем читателям журнала убедиться в том, что автор воспоминаний «Особый корпус в огне Будапешта» генерал-лейтенант в отставке Е. И. Малашенко правдиво, без умолчаний описал драматические события, вокруг которых в последнее время не затихают споры.

Сообщаем также, что в ближайших номерах будет опубликован материал «Красноармейцы в аду польских концлагерей».

КОРПУС БУДАПЕШТА

Полковник Е. И. Малащенко. 1956 г.

Генерал-лейтенант в отставке Евгений Иванович Малащенко родился в 1924 году. С 1941 года в Вооруженных Силах СССР. Во время Великой Отечественной войны в действующей армии — командир взвода, разведывательной роты, начальник разведки морской стрелковой бригады, стрелковой и воздушно-десантной дивизий. После войны окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и Военную академию Генерального штаба. Служил на должностях заместителя начальника штаба корпуса, армии и округа. Возглавлял оперативную группу штаба Особого корпуса в Будапеште в 1956 году и штаб Главного военного советника в Египте после шестидневной арабо-израильской войны 1967 года.

В последующем занимал должности начальника штаба Прикарпатского военного округа, заместителя начальника штаба Объединенных вооруженных сил государств-участников Варшавского Договора, работал в центральном аппарате Министерства обороны, являлся консультантом Центра оперативно-стратегических исследований Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

ские механизированные, 195-я истребительная авиационная, 177-я бомбардировочная авиационная), 20-й понтонно-мостовой полк, зенитно-артиллерийские и различные части и учреждения тыла. Они дислоцировались в городах Дьер, Сомбатхей, Керменд, Кечкемет, Сольнок, Цеглед, Дебрецен, Папа и других. В Будапеште размещались наша военная комендатура, политотдел спецчастей, госпиталь и управление военной торговли. Управление корпуса находилось в городе Секешфехерваре.

Особый корпус предназначался для прикрытия совместно с венгерскими частями границы с Австрией и обеспечения коммуникаций на случай выдвижения наших войск с территории страны.

Управление Особого корпуса по численности примерно соответствовало полковому управлению армии, но в его состав входили отдел и службы авиации, а также различные специальные и тыловые службы, обеспечивающие наши части и учреждения в Венгрии.

Особый корпус подчинялся министру обороны СССР через Генеральный штаб.

Командиром Особого корпуса был назначен генерал-лейтенант П. Н. Лашенко². В годы войны он командовал стрелковой дивизией и в Венгрию прибыл с должности командира стрелкового корпуса из Прибалтики. Он был требовательным командиром, хорошим организатором и быстро наладил сложную работу управления.

Начальником штаба был генерал-майор Г. А. Шелбанин.

Из-за отсутствия штатной должности заместителя начальника штаба корпуса и солидного возраста Шелбанина мне, в то время его заместителю по разведке, поручались различные оперативные и организационные вопросы. Летом 1956 года в связи с отпуском, а затем болезнью Шелбанина на меня было возложено временное исполнение обязанностей начальника штаба Особого корпуса.

Находясь в Венгрии, мы собирали и получали данные об обстановке и знали, что политическая атмосфера в стране обострилась. Крупные ошибки руководства Ракоши³ — Гере⁴, слепо копировавшего советский опыт без учета венгерских особенностей, задержка реабилитации невинно осужденных по делу Ласло Райка⁵ и других, сокращение зарплаты, рост цен вызывали серьезное недовольство в стране. Усилилась оппозиция, крепла группа Имре Надя — Гезе Лошонци⁶, сыгравшая решающую роль в будущих событиях.

Центром недовольства и сопротивления режиму стал Союз венгерских писателей. В кружке «Петефи» под видом литературных дискуссий проводилась идеологическая работа против существующего строя. Определенные круги на Западе оказывали активную поддержку в подготовке антиправительственного выступления. Радиостанции «Свободная Европа» и «Голос Америки» способствовали усилению недовольства и призывали к выступлениям против народной республики.

Антисоветские настроения усиливались, об этом свидетельствовали незначительные на первый взгляд факты. Случалось, что в магазинах отказывались продавать товары нашим военнослужащим и членам их семей. На улицах все чаще звучали антисоветские высказывания, распространялись вымыслы. Отмечались и антисоветские действия. Так, в общежитии советских офицеров в Сомбатхее ночью камнями были разбиты окна. На одном из железнодорожных переездов группу наших солдат забросали кусками угля из проходящего поезда. На аэродроме Папа у лошади, принадлежавшей нашей авиационной части, выкололи глаза.

Комендант Будапешта полковник М. Я. Кузьминов сообщал, что неизвестные лица звонили по телефону в комендатуру, угрожали и предупреждали, что нас ждет кровавая расплата.

Информацию о внутривнутриполитической обстановке в Венгрии мы иногда получали и от советского посла Юрия Владимировича Андропова⁷. Выступая перед руководящим составом наших войск в Секешфехерваре накануне июльского пленума ЦР Венгерской партии трудящихся, он рассказал о сложной обстановке в партии и в стране, о наличии оппозиции и враждебных настроений. Ориентируя нас в развитии событий, сказал, что венгерское руководство может обратиться к нам за помощью. Теперь, через много лет, мне кажется, что некоторые инициативы в оказании помощи венгерскому правительству исходили именно от Ю. В. Андропова.

УТВЕРЖДЕНИЕ ПЛАНА «КОМПАС»

В июле из Москвы было получено распоряжение разработать план действий войск Особого корпуса по поддержанию и восстановлению общественного порядка в Будапеште и на территории Венгрии. Обеспечение нас данными о важнейших государственных и военных объектах и согласование действий с венгерскими войсками было возложено на нашего старшего представителя в министерстве обороны ВНР генерал-лейтенанта М. Ф. Тихонова⁸.

Разработка плана была поручена мне, и я прибыл к генералу Тихонову, чтобы уточнить ряд вопросов. Ни на один из них он ответить не смог и попросил приехать через два-три дня. Я постарался использовать это время для изучения города и расположения важнейших объектов. Через два дня вновь прибыл к генералу Тихонову. Он достал из сейфа три толстых тома документов и сказал: «Смотрите все, что вас интересует». Это был план, разработанный венгерским Генштабом, о совместных действиях венгерской армии, органов госбезопасности и полиции по восстановлению общественного порядка в Венгрии.

М. Ф. Тихонов мне сказал, что венгры, имея сильные органы госбезопасности, полицию и армию, сами справятся с наведением порядка и наша помощь не требуется. Тем не менее я продолжал выполнять полученное задание и через несколько дней завершил разработку плана действий Особого корпуса по восстановлению совместно с частями венгерской армии общественного порядка на территории Венгрии.

План был отработан на карте, к нему

прилагался перечень важнейших объектов столицы, подлежащих охране нашими частями, и специальная инструкция.

Восстановление порядка в Будапеште возлагалось на 2-ю гвардейскую механизированную дивизию генерал-майора С. В. Лебедева. Дивизия должна была выдвинуться из района Кечкемет и взять под охрану важные объекты столицы. Были определены основные объекты города, которые частям дивизии необходимо было взять под охрану в первую очередь, и силы и средства для их удержания.

17-я гвардейская механизированная дивизия генерал-майора А. В. Кривошеева основными силами должна была прикрыть границу с Австрией и поддерживать общественный порядок в пунктах постоянной дислокации в городах Дьер, Кесег, Керменд, Сомбатхей.

Части дивизии, дислоцировавшиеся в Хаймашкере, составляли резерв и предназначались в основном для использования в Будапеште.

Авиационные дивизии, зенитно-артиллерийские, инженерные и другие специальные части Особого корпуса должны были поддерживать порядок в пунктах постоянной дислокации, а также удерживать и оборонять свои военные городки, аэродромы, позиции, склады и другие объекты.

Была разработана специальная инструкция, в которой указывались: порядок действий частей и подразделений в городе, задачи по охране и обороне объектов, порядок взаимодействия с венгерскими частями, а также поддержания связи с их командирами и местными органами власти. Особо оговаривались случаи, когда разрешалось применять оружие.

План был утвержден командиром Особого корпуса генерал-лейтенантом Лашенко и получил условное наименование «Компас». Командирам дивизий были поставлены задачи и даны указания о порядке использования частей в Будапеште и других городах. Обращалось внимание на необходимость тщательного изучения охраняемых объектов, а также поддержания контактов с партийными и местными органами и командирами венгерских частей для получения информации об обстановке. Другие мероприятия и специальная подготовка частей и подразделений не проводилась.

О событиях в стране, партии и армии, настроениях интеллигенции и студентов нас информировали военный комендант Будапешта, командиры наших соединений и частей, а также некоторые венгерские офицеры. Нередко такую информацию получали в советском посольстве. В обработке информации, распространявшейся в

Генерал-полковник П. Н. Лашенко. 1960 г.

газетах и радиопередачах, нам помогали инструктор по спецпропаганде политотдела капитан В. И. Фомин и переводчик штаба лейтенант В. Я. Соколов.

Тем временем напряжение в Венгрии росло. Похороны Л. Райка в октябре 1956 года в Будапеште были использованы для нового витка в разжигании страстей. Углублялся духовный кризис в обществе и партии, росло недоверие масс к руководителям страны. Лидеры партии и члены правительства не принимали мер, необходимость которых диктовалась сложившейся обстановкой. Многие из них даже не были способны реально оценить положение дел. Так, представитель Центрального руководства ВПТ на партийном активе Чепельского металлургического комбината 21 октября заявил, что «любое выступление мы сможем пресечь за 30 минут».

Накануне событий в Генеральный штаб в Москву было направлено донесение, в котором излагались данные об обстановке в Венгрии и указывалось на возможность отдельных вооруженных выступлений. В последний момент П. Н. Лашенко слово «отдельных» вычеркнул, и донесение стало более объективно отражать состояние дел.

Учитывая обстановку, в середине октября генерал Лашенко прервал сбор командиров соединений и частей с тем, чтобы они возвратились на места и могли срочно принять необходимые меры.

22 октября я выехал в Будапешт, чтобы

уточнить обстановку, побывал в посольстве, в нашей комендатуре. Стало известно, что на следующий день намечается демонстрация.

В ряде высших учебных заведений проводились митинги, на которых раздавались призывы к демонстрации, звучали подстрекательские националистические лозунги. Руководители кружка Петефи на своем заседании, в присутствии представителей вузов, приняли решение о проведении демонстрации и приступили к ее подготовке, выдвинув требования из 16 пунктов. Таким образом, в те дни мы в общих чертах знали о назревающих в Будапеште и в Венгрии событиях, однако случившееся превзошло наши предположения и ожидания.

Утром 23 октября было сообщено, что правительство запретило демонстрацию в Будапеште. Студенты многих учебных заведений продолжали требовать ее проведения. В 2 часа дня стало известно, что демонстрация разрешена, а руководство ВПТ дало членам партии указание принять в ней участие.

ТЕЛЕГРАММА В МОСКВУ

Так в Будапеште 23 октября 1956 года в 15 часов началась демонстрация. В ней участвовали десятки тысяч человек, в подавляющем большинстве студенты, были также рабочие и служащие. Колонны направлялись к памятникам генералу Бему и Петефи. Виднелись красные флаги, транспаранты с лозунгами о советско-венгерской дружбе, о необходимости включить Имре Надя в состав правительства. Однако вскоре демонстрация приобрела антиправительственный характер, ее участники скандировали лозунги (большая часть в духе программы из 16 пунктов, выдвинутой членами кружка Петефи), требуя восстановления венгерской национальной эмблемы и старого венгерского национального праздника, отмены военного обучения и уроков русского языка, проведения свободных выборов, вывода из страны советских войск.

В толпе раздавались свист и выкрики: «Нам не нужны гимнастерки», «Долой красную звезду», «Долой коммунистов», «Вон евреев». Демонстранты срывали изображения государственного герба с национальных флагов ВНР, сжигали красные флаги.

Все происходящее было использовано враждебными элементами как повод для начала активных действий. Прикрываясь настроением ослепленных, взбудораженных людских масс, на арену выступили вооруженные отряды и группы.

Примерно в 19 часов 23 октября Ю. В. Андропов позвонил по телефону ВЧ генералу Лашенко. Информировав его об обстановке в Будапеште, спросил, может ли тот направить войска для ликвидации беспорядков в столице. Лашенко ответил, что наводить порядок должны венгерская полиция, органы госбезопасности и венгерская армия. Не в его компетенции да и нежелательно привлекать советские войска к выполнению подобных задач. Кроме того, наши войска могут быть направлены в Будапешт только по решению советского правительства и соответствующему распоряжению министра обороны СССР.

Через час последовало распоряжение из Генерального штаба Вооруженных Сил СССР о приведении соединений и частей Особого корпуса в боевую готовность.

Тем временем вооруженные группы в Будапеште с целью захвата оружия совершали нападения на районные центры союза защиты родины, полицейские управления, казармы и воинские склады. Комендант Будапешта полковник Кузьминов сообщил, что начался захват важных объектов столицы. На улицах и площадях города появились грузовые автомобили, из которых раздавали оружие. В центре города с пьедестала сбросили статую Сталина.

В 20 часов по радио выступил первый секретарь ЦР ВПТ Эрне Гере, заявивший, что начавшиеся события носят контрреволюционный характер. Всех, кто вышел на улицы Будапешта, он назвал врагами, хотя, кроме открытых противников режима, здесь были и находящиеся к нему в оппозиции, и просто недовольные. Пути выхода из кризиса он не указывал. В результате это выступление еще больше дестабилизировало обстановку.

Вечером по городу распространялись слухи о том, что сотрудники госбезопасности стреляют в демонстрантов у здания Радио. В действительности же с 21 часа здание Радио находилось под обстрелом восставших. И только когда несколько его защитников было убито и ранено, охрана получила разрешение открыть огонь. Некоторое время спустя здание Радио было захвачено нападавшими.

Так началось вооруженное выступление в Будапеште.

В ночь на 24 октября Имре Надь стал главой правительства, вошел в состав Политбюро ЦР Венгерской партии трудящихся, а его сторонники получили важные посты в государственном и партийном аппарате. На состоявшемся в ту же ночь экстренном заседании ЦР Венгерской партии трудящихся были выработаны рекомендации правительству о принятии решительных мер для восстановления по-

защита и защиты народной республики. Предлагалось вооружать рабочих и с оружием в руках выступить против контрреволюции, а также обратиться за помощью к командованию советских войск, находившихся в стране. Намечалось также объявить чрезвычайное положение.

В соответствии с этим решением венгерское правительство (за подписью А. Хегедюша⁹⁾) направило советскому правительству телеграмму: «Совет министров Венгерской Народной Республики просит правительство Советского Союза прислать на помощь советские войска в Будапешт для ликвидации возникших беспорядков, быстрого восстановления порядка и создания условий для мирного созидательного труда».

ОСОБЫЙ КОРПУС В БУДАПЕШТЕ

В 23 часа 23 октября начальник Генерального штаба маршал В. Д. Соколовский¹⁰ по телефону ВЧ отдал командиру Особого корпуса распоряжение о выдвижении советских войск в Будапешт для оказания помощи венгерским войскам и силам безопасности в восстановлении порядка.

Главными силами Особый корпус должен был захватить важнейшие объекты столицы и восстановить в ней общественный порядок, а частью сил обеспечить прикрытие границы Венгрии с Австрией.

В полночь 24 октября наши соединения и части начали выдвижение в Будапешт из районов Кечкемет, Цеглед, Сольнок, Секешфехервар, Шарбогард. Им предстояло совершить 75 — 120-километровый марш.

Командир Особого корпуса генерал Лашенко с оперативной группой штаба из Секешфехервара выехал в Будапешт. Наша колонна состояла из нескольких легковых автомобилей, радиостанции, бронетранспортера и двух танков. Когда прибыли в Будапешт, увидели, что на улицах, несмотря на позднее время, очень оживленно. Встречались грузовые автомобили с вооруженными людьми в гражданской одежде. Ближе к центру города во многих местах проходили митинги. Люди держали в руках факелы, флаги и транспаранты. Со всех сторон доносились звуки выстрелов и автоматные очереди.

По центральным улицам было невозможно проехать. У парламента, в городском саду, у музея были толпы митингующих. Двигаясь по узким улицам и переулкам, наша колонна с трудом пробилась к зданию министерства обороны.

В Будапеште имелось много автомобилей советского производства. Поэтому на наши легковые машины мало кто обратил внима-

Демонстранты на улицах Будапешта.
Октябрь 1956 г.

ние. Однако, когда одна из радиостанций отстала в Буде от нашей колонны, то сразу подверглась нападению. Начальник радиостанции был ранен в голову, один из радистов убит. Машину с радиостанцией опрокинули и сожгли. И только благодаря тому, что подошли два наших танка и бронетранспортер, оставшихся членов экипажа удалось спасти.

В министерстве обороны ВНР в 2 часа 24 октября нам сообщили, что накануне вечером, 23 октября, совершено вооруженное нападение на здание Радио, центральную телефонную станцию, редакцию газеты «Сабад неп», аэродром Фарихедь, вокзалы, оружейные склады, полицейские управления, некоторые казармы воинских частей, зенитные батареи в Буде и базы автотранспорта. Центр города охвачен восстанием, в западной части (в Буде) — относительно спокойно.

Наш командный пункт расположился в здании министерства обороны, где имелась правительственная связь с Москвой. Облегчалась и организация взаимодействия с венгерским командованием.

Генерал Лашенко поручил мне руководить оперативной группой в Будапеште и одновременно исполнять обязанности начальника штаба Особого корпуса.

В венгерском министерстве обороны царил нервозность и неразбериха. Сведения о действиях восставших, венгерских частей и полиции поступали самые противоречивые. Министр обороны Иштван Бата¹¹ и особенно начальник генерального штаба

Лайош Тот были в панике, оказались не в состоянии отдавать толковые распоряжения. Так, при нападении на оружейные склады из Генштаба был передан приказ не стрелять. В то же время, когда нападавшие уже вели огонь, некоторые венгерские воинские подразделения направлялись для охраны объектов без боеприпасов и у них отбиралось оружие.

Нам сообщили, что здание Радио удерживается правительственными войсками, а для усиления охраны высланы танки и подразделения пехоты. В действительности, как выяснилось, там оставалась небольшая группа сотрудников госбезопасности и военнослужащих, и здание вскоре оказалось захваченным. Никто из нас не понимал, почему полиция и венгерские воинские части ничего не делают для наведения порядка.

Как только мы прибыли в Генеральный штаб, на нас сразу же посыпались просьбы из Центрального руководства партии, от венгерского правительства, министерства обороны и наших военных представителей: усилить охрану важнейших объектов, взять под охрану здания райкомов партии, полицейских управлений, казарм, различных складов и даже квартиры отдельных лиц. Естественно, что для всего этого требовалось большое количество войск, которых у нас не было, а главное, это не решало основной задачи — разгрома вооруженных отрядов и восстановления общественного порядка.

На вопрос, почему полиция и венгерские части не могут защитить свои здания и казармы, вразумительного ответа мы не получили.

В министерстве обороны обстановку знали плохо. В Будапеште к тому времени находилось около 7 тысяч венгерских солдат и 50 танков. Их рассредоточили на десятках объектов, и никто не знал, где и сколько находится сил. В борьбе с вооруженными группами эти силы не использовались. Данные от венгерских офицеров продолжали поступать противоречивые.

Сложившаяся в Будапеште обстановка потребовала уточнения прежнего плана наших действий, так как рассчитывать на помощь венгерской полиции и армии и совместные с ними действия не приходилось. Необходимо было в первую очередь выбить вооруженные группы из захваченных объектов, взять все важные объекты города под охрану и разоружить повстанцев в центре города.

В связи со сложной обстановкой в центре города, а также задержкой подкрепления задачи 2-й гв. механизированной дивизии были уточнены. 37-й танковый и 4-й механизированный полки были направлены в

центральную часть города. Для встречи и уточнения задач выехали начальник артиллерии Особого корпуса полковник С. Е. Кузьмин и заместитель начальника оперативного отдела полковник А. А. Рукавцев.

При входе в город советские части подвергались обстрелу и забрасывались камнями. На улицах находилось много народу, на окраинах уже сооружались баррикады. Несмотря на обстрел, наши воины огня не открывали, но сами уже несли потери. Одним из первых погиб командир роты мотоциклетного батальона капитан Петроченков. Особенно сильный огонь велся на улицах Юлери, Маркушовски, проспекте Хунгария.

Первыми в Будапешт к 4 часам утра 24 октября прибыли танковый полк во главе с заместителем командира 2-й гвардейской мехдивизии полковником Бичаном и мотоциклетный батальон подполковника Г. Т. Добрунова. Командиру батальона была поставлена задача вести разведку в центре города, установить места действий вооруженных групп, их силы, а также характер действий населения, полиции и венгерских частей. Огонь разрешалось открывать только при нападении.

37-й танковый полк получил задачу взять под охрану здания ЦР ВПТ, парламента, советского посольства, мосты через Дунай и освободить здание Радио. Для сопровождения наших подразделений были выделены венгерские офицеры. Правда, один из них, проводник к дому Радио, по пути сбежал.

Главные силы 2-й гвардейской мехдивизии подошли к Будапешту только к 5 часам. Задержка объяснялась сильным туманом и отчасти нераспорядительностью генерала С. В. Лебедева и полковника И. Ф. Олешко.

Подошли 5-й механизированный полк полковника Пилипенко из Кечкемета, 6-й механизированный полк полковника Маякова из Сольнока, затем 87-й тяжелый танко-самоходный полк Никовского из Цегледа.

Частям дивизии ставилась задача усилить охрану ЦР, парламента, взять под охрану министерство иностранных дел, банк, аэродром, склады оружия, освободить центральную телефонную станцию, редакцию газеты «Сабад неп», разоружать вооруженные группы и передавать их полиции. Подошедшие части с ходу вступили в бой, очистили от вооруженных групп ряд объектов, захватили вокзалы, мосты и некоторые склады. Подразделениям танкового полка удалось очистить от повстанцев только одно из зданий Радио. Отсутствие пехоты не дало возможности

очистить все здания Радио. Четыре наших танка были подбиты.

К полудню 24 октября в основном стала ясна обстановка в городе. Ряд важных объектов оказался в руках вооруженных групп. Полиция бездействовала. Венгерские части задач на ведение активных действий не получали. Многие военнослужащие и некоторые подразделения перешли на сторону восставших.

Были обнаружены места и районы действий вооруженных групп. Общая численность вооруженных повстанцев составляла примерно 2 тысячи. Особенно активно они действовали в VIII и IX районах города.

Надо сказать, что сбор данных об обстановке шел трудно, не хватало разведподразделений. В комендатуре города и некоторых штабах не сразу поняли новые задачи и важность сбора сведений. Пришлось проявить настойчивость в получении информации, ее анализе и обобщении, в усилении действий разведподразделений.

В течение дня 24 октября были взяты под охрану все важнейшие объекты: здания ЦР, ЭПТ, парламент, горсовет, горком, госбанк, главпочтамт, вокзалы и мосты через Дунай. Продолжались бои в центральной и юго-восточной частях города, у здания Радио, в районе кинотеатра «Корвин», прилегающих к ним кварталах и на улице Юллен. Были захвачены и разоружены около 300 вооруженных повстанцев. Их передали венгерской полиции.

Подходящим во второй половине дня из района Хаймашкера 83-му танковому и 57-му механизированному полкам 17-й гвардейской мехдивизии были поставлены задачи обеспечить поддержание порядка в западной части города — Буде и охранять мосты через Дунай.

В полдень 24 октября по венгерскому радио объявили о введении в Будапеште чрезвычайного положения и установлении комендантского часа. Жителям города запрещалось выходить на улицы в ночное время до 7 часов утра, проводить митинги и собрания, вводились военно-полевые суды. Восставшим предлагалось 24 октября прекратить вооруженную борьбу и сложить оружие.

Мы надеялись, что эти меры будут способствовать скорой ликвидации вооруженных групп и восстановлению порядка. По радио выступил секретарь Центрального руководства Венгерской партии трудящихся Янош Кадар¹². Он говорил, что демонстрация студентов, начавшаяся с приемлемых в значительной своей части требований, быстро превратилась в вооруженное выступление против народно-демократического строя...

Новое венгерское партийное руководство

и правительство Имре Надя, признавая справедливые требования восставших, вооруженное выступление расценивали как контрреволюционное по своему характеру, призывали их сложить оружие, восстановить спокойствие и нормальную жизнь в стране.

К 19.00 24 октября наши части в Будапеште имели 20 убитых и 48 раненых, были сожжены два танка, два автомобиля. Два танка и четыре бронетранспортера — подбиты.

Сложившаяся к исходу дня обстановка дала возможность прессе ряда стран заявить, что выступление в Будапеште потерпело неудачу. Мы считали, что чрезвычайные меры и помощь наших частей не позволят вооруженным группам вновь вернуть активные действия.

Однако в ночь на 25 октября продолжали поступать тревожные доклады: венгерские части и полиция бездействуют, из многих тюрем выпущены заключенные, через австрийскую границу, не встречая сопротивления пограничников, хлынули эмигранты, некоторые из них с оружием.

Начались беспорядки в ряде других городов.

Имре Надь без ведома партийного руководства и согласования с советским командованием утром 25 октября отменил комендантский час, запрещение собираться группами и устраивать демонстрации. Это препятствовало ликвидации вооруженных очагов и дало возможность организовать новые демонстрации. Многочисленные группы из переулков устремились к главным магистралям. Толпа в несколько тысяч человек с национальными знаменами двинулась к парламенту. Венгерские офицеры, охранявшие парламент, призывали собравшихся разойтись, но тщетно. Людская лавина напирала и смешалась с нашими офицерами и солдатами из охраны. Многие подошли к стоявшим здесь танкам, забирались на них и втыкали знамена в стволы орудий. С чердаков зданий, находящихся на площади против парламента, был открыт огонь по демонстрантам и советским военнослужащим. Два венгерских танка, сопровождавшие демонстрантов, сделали несколько выстрелов и исчезли. Командир одного из наших подразделений был убит. Советские солдаты и сотрудники госбезопасности, охранявшие парламент, открыли ответный огонь по крышам зданий, откуда стреляли. На площади Лайоша Кошута возникла паника. Люди с первыми же выстрелами стали разбегаться в поисках укрытия. Когда перестрелка утихла, многие поспешили покинуть площадь. Двадцать два демонстранта были убиты, многие ранены. Погибли несколько наших военнослужащих и венгерских полицейских.

А в городе из уст в уста передавалась весть: «Работники госбезопасности и советские войска стреляли в демонстрантов у парламента!»

Эта провокация была устроена, чтобы использовать ее против советских войск и венгерских органов безопасности. Преувеличив число убитых и раненых, обвинив в случившемся венгерские органы безопасности и советские войска, противники режима начали подстрекать будапештцев к активной борьбе и разгрому органов госбезопасности.

В городе продолжали действовать вооруженные группы. В их составе уже насчитывалось около 3 тысяч человек. Разгромить их без участия полиции и венгерских частей не представлялось возможным. Необходимых для этого сил у нас не было.

Численность наших частей, подошедших 24 октября в Будапешт, не превышала одной дивизии (около 6 тысяч человек, 290 танков, 120 бронетранспортеров и 156 орудий). Для поддержания порядка в огромном городе с населением в 2 млн. человек этих сил было недостаточно.

В венгерском министерстве обороны продолжалась неразбериха. Когда венгерское правительство приняло решение вооружить рабочих, руководители министерства сообщили, что не имеют возможности обеспечить их оружием. Позднее, когда оружие нашлось, не обеспечили его доставку. Много оружия попало в руки восставших. Венгерские воинские части на периферии никаких задач, в том числе по охране важных объектов, не получали.

Во многих городах и населенных пунктах начались волнения. В Секешфехерваре, Кечкемете, Сексарде для поддержания порядка мы были вынуждены оставить подразделения артиллерийских и зенитных частей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Жуков Георгий Константинович (1896-1974) — Маршал Советского Союза. В годы войны командовал войсками ряда фронтов. С августа 1942 г. — заместитель Верховного Главнокомандующего. В 1945-1946 гг. — главнокомандующий Группой советских войск в Германии, главнокомандующий Сухопутными войсками. С 1953 г. — первый заместитель министра обороны. В 1955-1957 гг. — министр обороны СССР.

²Лашенко Петр Николаевич (1910-1992) — генерал армии. В годы войны — заместитель начальника штаба армии и командир стрелковой дивизии. После войны командовал стрелковым и Особым корпусами, армией и войсками Прикарпатского военного округа. В 1967-1968 гг. — главный военный советник в Египте. С 1968 по 1976 г. — первый заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками.

³Ракоши Матьяш (1892-1971) — деятель венгерской компартии. С 1945 г. — генеральный секретарь ЦР ВКП, заместитель председателя и председатель Совета министров ВНР, первый секретарь ЦР ВПТ. В июле 1956 г. освобожден от всех постов. Выхал в СССР.

⁴Гере Эрне (1898-1988) — деятель венгерской компартии, член центрального руководства и политбюро ВКП. С 1945 г. занимал посты министра и заместителя председателя Совмина ВНР. В 1953-1954 гг. — министр внутренних дел. С июля по октябрь 1956 г. — генеральный секретарь ВПТ. В октябре 1956 г. уехал в СССР, в 1960 г. возвратился в Венгрию.

⁵Видного деятеля венгерской компартии Ласло Райка, необоснованно арестовали в 1949 г. По приговору суда он был казнен. Это послужило сигналом к репрессиям в стране. 6 октября 1956 г. состоялось перезахоронение праха Ласло Райка и его товарищей, которое вылилось в демонстрацию протеста против существующего строя.

⁶Надь Имре (1896-1958) — деятель венгерской компартии. В 1953-1955 гг. — председатель Совета министров ВНР, член ЦР ВПТ. В 1955 г. снят с партийных постов и исключен из партии. В октябре 1956 г. восстановлен в партии. Избран членом политбюро ВПТ, назначен председателем Совета министров ВНР. 4 ноября 1956 г. получил убежище в посольстве Югославии. 24 ноября арестован советскими военными властями. Находился в Румынии. В июне 1958 г. по обвинению в организации и руководстве контрреволюционным заговором, направленным на свержение народно-демократического строя, а также за измену родине приговорен к смертной казни. 16 июня 1958 г. приговор приведен в исполнение.

Лошонци Геца (1917-1957) — деятель венгерской компартии, кандидат в члены центрального руководства партии, политический госсекретарь Совмина. В марте 1951 г. арестован, осужден на 15 лет, в июле 1954 г. освобожден. Ближайший соратник И. Надя. 24 октября 1956 г. избран кандидатом в члены политбюро ЦР ВПТ. В ноябре 1956 г. арестован. В декабре 1957 г., находясь в предварительном заключении, погиб при невыясненных обстоятельствах.

⁷Андропов Юрий Владимирович (1914-1984) — чрезвычайный и полномочный посол СССР в ВНР в 1954-1957 гг. С 1957 г. — заведующий отделом ЦК КПСС. С 1962 г. — секретарь ЦК КПСС. В 1967-1982 гг. — председатель КГБ СССР. С ноября 1982 г. — Генеральный секретарь ЦК КПСС.

⁸Тихонов Михаил Федорович (1900-1971) — в Советской Армии с 1918 г. В годы войны командовал дивизией и корпусом. Генерал-лейтенант. Герой Советского Союза. Был первым заместителем начальника Военной академии им. М. В. Фрунзе, затем на военнодипломатической работе. С 1962 г. в отставке.

⁹Хегедуш Андраш (род. в 1922 г.) — деятель венгерской компартии. С 1949 до октября 1956 г. — член ЦР и политбюро ВПТ. С 1953 г. — первый заместитель председателя Совета министров, с 1955 по 24 октября 1956 г. — председатель Совета министров ВНР. 28 октября 1956 г. выехал в Советский Союз. В 1958 г. возвратился в Венгрию и работал в различных научных учреждениях.

¹⁰Соколовский Василий Данилович (1897-1968) — Маршал Советского Союза. В годы войны — начальник штаба и командующий войсками Западного фронта. После войны — главнокомандующий СВВГ. В 1952-1960 гг. — начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

¹¹Бата Иштван (1910-1982) — деятель венгерской компартии. С 1954 г. — генерал-полковник, кандидат в члены политбюро. Министр обороны ВНР до 25 октября 1956 г. Выехал в СССР. В 1958 г. возвратился в Венгрию.

¹²Кадар Янош (1912-1989) — деятель венгерской компартии. В 1943-1945 гг. — секретарь нелегальной компартии Венгрии. В 1945-1951 гг. — член ЦР и политбюро ВКП, заместитель генерального секретаря. В 1948-1950 гг. — министр внутренних дел. В 1951 г. приговорен к пожизненному заключению, в 1954 г. освобожден. С июля 1956 г. вновь член ЦР и политбюро, с 25 октября — первый секретарь ЦР ВПТ. С 4 ноября 1956 г. — глава Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства. В 1961-1965 гг. — председатель Совета министров ВНР. До 1988 г. — первый секретарь ЦК ВСРП.

*Генерал-лейтенант в отставке
Е. И. МАЛАШЕНКО*

Фото из архива автора

(Продолжение следует)

В номере пятом вашего журнала за 1993 год опубликована весьма актуальная, интересная и полезная статья полковника В. Б. Маковского «Прикрытие госграницы накануне войны». В статье, вероятно впервые, приведена достаточно подробная схема положения войск 8А и 11А на 3 часа 22. 6. 1941 года. О начале войны в Прибалтике написано немало мемуаров, в учебниках по истории военного искусства изложены боевые действия фронта, армий, корпусов и сделаны выводы, однако ни одной глубокой разработки архивных материалов о том, что же действительно происходило в Прибалтике, до сих пор нет.

Желательно, чтобы автор статьи продолжил работу в этом направлении, рассмотрев архивные документы дивизионного и полкового звена.

Конечно, в каждом новом деле (имеется в виду указанная выше схема) возможны опечатки и ошибки. По-моему, исправления можно внести в виде короткой поправки.

А. Г. СОЛЯНКИН
(Москва)

Уважаемый Александр Георгиевич!

При отработке схемы я в основном стремился показать группировку немецко-фашистских войск, расположенных в первом эшелоне. В результате отдельные соединения второго эшелона армий, танковых групп, механизированных корпусов не были обозначены: в 18-й армии — 38 ак, в 16-й армии — соединения 281-й и 285-й охранных дивизий и 253-й пехотной дивизии, в 4-й танковой группе — соединения механизированной дивизии СС «Мертвая голова». По этой же причине на схеме отсутствуют указанные вами соединения 20-й механизированной и 19-й танковой дивизий 39 и соответственно 57 мк 3-й танковой группы. Более подробная схема группировки немецко-фашистских войск у меня имеется и при необходимости Вы можете с ней ознакомиться. Кстати, на ней отчетливо видно, что 3 ТП входила в состав 9 А группы армий «Центр».

Что же касается 3 тд 56 мк 4 ТП, то в схеме допущена опечатка. В действительности в составе этого корпуса была 3-я механизированная, а не танковая дивизия. Кроме того, в 10 сд 8-й армии ПриОВО входил 204 сп (ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 242, приложение 1), а не 264 сп, как это показано на схеме.

В. Б. МАКОВСКИЙ

В пятом номере вашего журнала за 1993 г. опубликована статья В. Б. Маковского «Прикрытие госграницы накануне войны», поданная в разумном, здравом тоне и содержащая ценный фактический материал. Правда, то, что автор полемизирует с В. Резуном — «Суворовым», сочинителем «Ледокола», вызывает легкую досаду. На мой взгляд, творение В. Резуна вообще этого не заслуживает.

Ознакомившись с объемистым списком первоисточников, на которые ссылается В. Резун, поражаешься тому, что он не упоминает широко известный даже непрофессионалам «Дневник» начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера за период с августа 1939 г. — по сентябрь 1942-го. Скорее всего, такая забывчивость не случайна, ведь причины и «механизм» зарождения агрессии Гитлера в Европе и против СССР в документах Ф. Гальдера просматриваются достаточно ясно. Вот почему исторические фантазии В. Резуна питают такие авторитеты, как П. Григоренко, А. Авторханов, Б. Бажанов и пр.

Послужной список автора «Ледокола» столь же определенно говорит сам за себя. Позорна биография военнотружущего, изменившего воинской присяге, коммуниста, предавшего свою партию. Предательство, бегство... Кажется очевидным, что перед нами уродливая личность, для которой ложь, в том числе литературная, стала средством существования. Кощунственно присвоение им литературного псевдонима Суворов — имени, символизирующего воинскую честь, героизм, преданность Родине. Ведь сочинитель «Ледокола» издевается над Отечеством, его живых и мертвых защитников.

К сожалению, трудно избавиться от мысли, что популяризация прессой, телевидением и радио «Ледокола» и «Аквариума» В. Резуна является своего рода знаменем времени!

А. Л. ДМИТРИЕВ,
доктор технических наук
(Санкт-Петербург)

НЕИЗВЕСТНЫЕ ИСЧЕЗНУВШЕЙ

Система предупреждения о ракетном нападении

Для военно-политического руководства Соединенных Штатов Америки старт первой советской баллистической ракеты 18 октября 1947 года оказался полной неожиданностью. А двумя годами позже, когда в СССР было создано и успешно испытано первое ядерное устройство, мы тем самым решительно перечеркнули монополию американцев на это оружие.

В США ускоренными темпами приступили к созданию средств предупреждения о ракетно-ядерном ударе. В 60-е годы они начали их развертывать на своей территории и за ее пределами. Первый эшелон составили искусственные спутники Земли (ИСЗ) «Имеюс», предназначенные для обнаружения старта ракет и засечки ядерных взрывов. Экспериментальный запуск «Имеюс-1» был произведен в 1968 году, а к 1970-му уже была развернута космическая система из шести «Имеюс-2» на орбитах высотой 35-40 тыс. км, размещенных по два над акваториями Атлантического, Индийского и Тихого океанов. Эта система до сих пор контролирует всю поверхность нашей планеты, обеспечивает обнаружение любого ракетного старта, определяет время запуска, координаты, направление полета и выдает информацию на командные пункты не более чем за 3-5 минут.

Второй эшелон — на базе надгоризонтных РЛС «Бимьюс» — был создан в 1960-1963 гг. для прикрытия основных ракетноопасных направлений — северо-восточного, северного и северо-западного (с территории Советского Союза). Эта система включает три модернизированных в последние годы поста, развернутых в Фойлингдейлз-Муре (Великобритания), Туле (Гренландия) и Клире (Аляска). В этой же системе используется многофункциональная станция «ПАР» из состава системы ПРО «Сейфгард».

Увеличение количества наших атомных подводных лодок, оснащенных баллистическими ракетами, вынудило США в 80-е гг. создать и развернуть новые мощные узлы надгоризонтных станций «Пейв Пос» на восточном и западном побережье, а также у своих южных границ.

Оперативное управление системой предупреждения о ракетно-ядерном ударе осуществляет КП НОРАД, расположенный в горе Шайен в Колорадо — Спрингс в штате Колорадо. С этого же КП оповещаются высшие национальные пункты управления США и вооруженных сил.

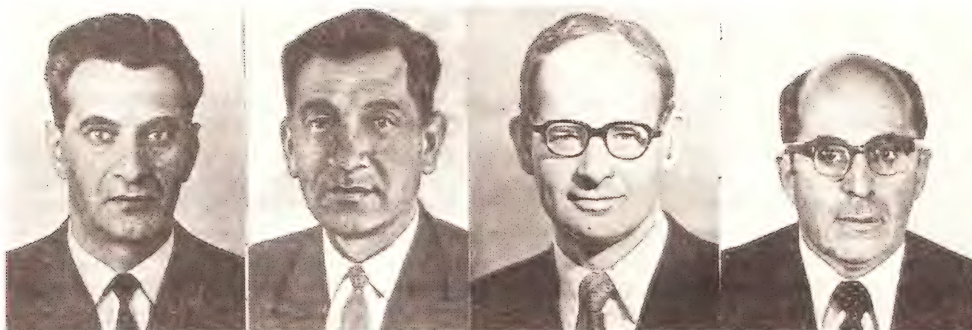
В нашей стране разработка и создание надгоризонтных РЛС для предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства выполнялись в Научно-исследовательском радиотехническом институте Академии наук СССР под руководством академика А. Л. Минца (главный конструктор — Ю. В. Поляк). Первые станции «Днестр» были развернуты в Казахстане и Сибири. В совокупности они образовали сплошной радиолокационный барьер протяженностью 5 тыс. км, который обеспечивал точное обнаружение и сопровождение космических объектов.

Одновременно, начиная с 1961 года, в этом же институте разрабатывались модернизированная РЛС надгоризонтного обнаружения «Днестр-М» и проект головного комплекса системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) на основном северном ракетноопасном направлении (с территории США) с размещением этих станций в районах Заполярья, Латвии и командного пункта в Подмоскowie.

Работы на этих узлах и КП были начаты в 1963-1964 гг. Формирование воинских частей для них было возложено на начальника управления генерал-лейтенанта М. М. Коломийца, непосредственно подчиненного начальнику 4-го Главного управления Министерства обороны (4 ГУМО) генерал-полковнику авиации Г. Ф. Байдукову.

ВОЙСКА СВЕРХДЕРЖАВЫ

Генерал-полковник в отставке
Ю. В. ВОТИНЦЕВ

Н. П. Бусленко

Ф. А. Кузьминский

В. Г. Репин

Ю. В. Поляк

Примечательно, что летом 1967 года недавно назначенный первым заместителем министра обороны генерал армии С. Л. Соколов² счел необходимым вместе с Г. Ф. Байдуковым и со мной посетить строившиеся и находившиеся на этапе монтажа и настройки технологической аппаратуры узлы в Латвии и Заполярье. Не обращая внимания на то, что к его прибытию, как было принято, «марафет» на узлах не навели, он обстоятельно, спокойно и на удивление компетентно вник в состояние дел, узнал, что нужно, обещал помочь. И обещание выполнил.

В конце 1968 года комиссия под председательством первого заместителя начальника Главного штаба ПВО генерал-полковника В. В. Дружинина провела государственные испытания РЛС «Днестр-М» на узле в Заполярье. На Крайнем Севере радиолокационные станции работали в чрезвычайно сложной помеховой обстановке, обусловленной постоянным хаотическим возмущением ионосферы, приводившим, правда к кратковременным, завязкам отметок, совпадавших по характеру с отрезками траекторий баллистических ракет. Это не исключало формирование и выдачу ложной информации предупреждения.

В 1970 году А. Л. Минц по поводу моих опасений сказал: «Юрий Всеволодович, ва-

ше беспокойство небезосновательно. Но помните: я и ведущие конструкторы нашего института всегда будем с войсками. Мы сделаем все необходимое, чтобы обеспечить гарантированное исключение выдачи ложной информации предупреждения о ракетном нападении».

И действительно, боевые программы по мере набора статистики постоянно дорабатывались. Главные конструкторы Ю. В. Поляк и В. М. Иванцов³ систематически работали на узлах, а другие специалисты находились на них постоянно. Случаев выдачи ложной информации предупреждения на северном и северо-западном ракетноопасных направлениях не было.

Уже в 1976 году мне довелось завершить испытания головного комплекса в полном составе: радиотехнических узлов в районах Заполярья, Латвии и КП под Москвой, ставшего командным пунктом системы предупреждения о ракетном нападении (КП СПРН). В дальнейшем удалось технически подключить к КП СПРН узлы дальнего обнаружения системы ПРО «А-35» (впоследствии сняты с вооружения и демонтированы), «Дунай-3» и «Дунай-3У», доработать боевые программы, обеспечив взаимный обмен информацией о баллистических ракетах и космических объектах.

Однако это было не просто. Надгоризонтные средства системы предупреждения

(А. Л. Минц) и средства дальнего обнаружения системы ПРО (Г. В. Кисунько) создавались независимо друг от друга. И это привело к тому, что средства работали в различной системе координат, определяющих параметры траектории баллистической ракеты. Использовались и разные вычислительные машины. У Минца — машины главного конструктора М. А. Карцева⁴ «5Э-73», а у Кисунько — главного конструктора В. С. Бурцева. Различными были и автоматизированные системы передачи данных. Подобная несогласованность потребовала существенно доработать боевые алгоритмы и программы вычислительных машин на командных пунктах СПРН и ПРО, которые заняли около 30 проц. их памяти и быстродействия. В дальнейшем именно эти обстоятельства вызвали необходимость увеличить количество вычислительных машин и заменить их на ЭВМ нового поколения. А следствие — немалые дополнительные затраты.

Допущенная Минрадиопромом «самостоятельность» различных фирм, отсутствие требований на стандартизацию и унификацию вооружений неоправданно дорого обошлись как войскам, так и налогоплательщикам, затормозили ввод в строй новых объектов.

Эта разобщенность в начале 70-х гг. была в значительной мере преодолена. Главным конструктором СПРН назначили В. Г. Репина⁵. Под его руководством в 1972 году был разработан и одобрен эскизный проект комплексной СПРН. В нем осуществились увязка и распределение требований к характеристикам надгоризонтных, загоризонтных и космических средств предупреждения, определялись принципы объединения и взаимного контроля их данных, правила формирования и выдачи выходной информации. Позже вся работа по созданию системы проходила в соответствии с этим проектом. Уточнения же вносились в процессе разработки новых предложений по средствам обнаружения.

Первым этапом было упомянутое выше сопряжение на едином командном пункте радиолокационных узлов предупреждения и системы ПРО «А-35», осуществленное в 1973 году, а вторым — создание модернизированного командного пункта и первой очереди системы предупреждения в 1976 году. В ходе этих работ были подтверждены разработанные в проекте комплексной системы принципы, приобретен опыт создания и ввода в эксплуатацию сверхсложных информационных систем. Коллективом главного конструктора В. Г. Репина, его заместителями и ближайшими помощниками докторами технических наук А. В. Меньшиковым, Б. А. Головкиным, В. П. Траубенбергом впервые и задолго до американцев были решены сложнейшие задачи полной автоматизации получения, обработки и объединения данных от разнотипных средств обнаружения баллистических ракет, формирования и выдачи информации предупреждения. Одновременно удалось справиться и с проблемой высокоскоростной и высокодостоверной передачи данных о баллистических ракетах и космических объектах с помощью систем, созданных под руководством главных конструкторов Ф. М. Липсмана, В. И. Шварцмана и И. М. Мизина. Непосредственно участвовал в этой работе старший офицер управления Б. А. Полуэктов.

Нужно отметить, что, несмотря на определенные сложности в отношениях с главными конструкторами отдельных средств предупреждения А. И. Савиным⁶, Ф. А. Кузьминским⁷, Ю. В. Поляком, В. М. Иванцовым, главному конструктору системы В. Г. Репину удавалось достаточно четко определять требования к средствам и добиваться, в основном, их выполнения. В тех же случаях, когда основные параметры новой техники не соответствовали заданным, путем умелого использования резервов, системного подхода, характеристики системы в целом удавалось довести до требуемого уровня.

В. К. Стрельников

В. М. Смирнов

В. М. Иванцов

М. М. Коломиец

В создании первой и последующих очередей системы особенно следует отметить роль офицеров отделов боевых алгоритмов и программ, должностных лиц боевых расчетов, многие предложения которых были приняты главными конструкторами системы и средств, способствовали улучшению их качества.

В 1968-1972 гг. разрабатывается проект сплошного непрерывного поля надгоризонтного обнаружения на западном, юго-западном и южном ракетопасных направлениях. Новые узлы создаются на Украине, в Казахстане и Сибири на базе РЛС «Днепр». В то время А. Л. Минц и В. М. Иванцов работали над принципиально новой станцией надгоризонтной радиолокации «Дарьял», имевшей фазированную антенную решетку. Сокращенный образец приемной части этой станции был успешно испытан на узле в Заполярье.

В 1984-1985 гг. узлы со станцией «Дарьял» начали ставиться на боевое дежурство на Севере и в Азербайджане, на пять-шесть лет позже первоначально установленных сроков. Это происходило из-за издержек строительных организаций, срывов поставок оборудования заводами и главным образом из-за неготовности программно-алгоритмического обеспечения. Несмотря на неоднократные требования главнокомандующего Войсками ПВО страны, Главного заказывающего управления и мои, в конструкторских бюро и НИИ Минрадиопрома вычислительной базы так и не было создано. Это приводило к тому, что практически на завершенных и готовых к эксплуатации объектах приходилось в течение трех-четырех лет отлаживать программно-алгоритмическое обеспечение с использованием штатных ЭВМ.

Я был погрешил против истины, если бы не рассказал правды о том, как создавался узел надгоризонтной радиолокации на северо-восточном ракетопасном направлении. Он должен был замкнуть непрерывное радиолокационное поле по внешней грани-

це СССР. По нашему прогнозу, вблизи западного побережья США именно на этом направлении должны были базироваться американские атомные подводные лодки с ракетами «Трайдент», а затем и «Трайдент-2», способные простреливать всю территорию Советского Союза, что в дальнейшем и подтвердилось.

По проработкам и моделированию научно-исследовательского управления Института Войск ПВО страны, руководимого доктором технических наук, профессором генерал-майором авиации Е. С. Сиротининым, такой узел мог быть размещен в районе Норильска или Якутска. Из-за недостатка электроэнергии Якутск отпал. А вот руководство Норильского горно-обогатительного комбината гарантировало содействие в создании узла. Однако при этом возрастали затраты, так как доставка строительных материалов и оборудования шла кружным морским путем.

Вопрос о месте дислокации узла несколько раз рассматривался у начальника Генерального штаба Н. В. Огаркова. Я хорошо знал Николая Васильевича как человека высокой культуры, разумного, способного глубоко вникнуть в суть проблемы, принять правильное решение. Поэтому был поражен, когда он при поддержке заместителя министра обороны по строительству генерал-полковника-инженера Н. Ф. Шестопалова не согласился с норильским вариантом, а потребовал создавать новый узел только в районе Енисейска. В проекте Минрадиопрома этот пункт упоминался, но был нами сразу же отвергнут из-за того, что грубо нарушались положения Договора с США по ограничению систем ПРО (1972 г.), согласно которому надгоризонтные средства СПРН могли размещаться в непосредственной близости от государственной границы с антенной, обращенной вовне. Енисейск же расположен в глубине страны на расстоянии порядка 3 тыс. км от нашей морской границы.

К сожалению, взяли верх доводы работ-

Ю. Г. Ерохин

И. М. Пенчуков

В. П. Панченко

А. С. Шаракшанз

В. В. Рожков

Г. И. Бутко

М. В. Кислик

Г. С. Батырь

ников Генерального штаба о том, что этот объект можно считать не узлом предупреждения, а средством обнаружения спутников (ОС-3). Несмотря на все наши возражения, Д. Ф. Устинов на очередном большом совещании во всеуслышание заявил, что если кто-нибудь в ПВО еще посмеет возразить против Енисейска, то простится с должностью.

Американцы средствами космической разведки буквально ежедневно фиксировали ход работ на узле. И когда обозначились его основные сооружения, заявили протест, который в конечном счете наше правительство приняло.

Урок, преподанный нам американской стороной, оказался весьма дорогостоящим, и не только в материальном отношении. Естественно, что он отразился и на оборонспособности страны.

В настоящее время часть уже возведенных сооружений демонтируется и приспособляется под мебельную фабрику. Будем довольствоваться тем, что хотя бы она начнет выпускать продукцию. А вот средств надгоризонтного обнаружения на северо-восточном направлении страны как не было, так и нет.

На других ракетоопасных направлениях станции «Днепр» работают непрерывно уже более 20 лет, технически и морально они устарели. В середине 80-х гг. на узлах в Латвии, Белоруссии, на Украине, в Казахстане и Сибири было развернуто строительство на тех же позициях новых станций «Дарьял-У» и «Волга».

К 1992 году было освоено более 50 проц. отпущенных ассигнований. Сейчас же финансирование объектов, дислоцированных в ближнем зарубежье, прекращено, работы свернуты. В указанных республиках, особенно на Украине, принимаются меры по приватизации объектов предупреждения о ракетном нападении.

Устаревшие станции «Днепр» смогут работать еще два-три года, максимум пять лет, а потом все Содружество останется без

части наиболее точных средств обнаружения атакующих ракет на траекториях их полета с определением района старта, места и времени до падения.

В 1972 году, когда шла реализация проекта СПРН, предложенного В. Г. Репиным, стало очевидно, что ее высокая надежность может быть достигнута только благодаря применению комплекса средств, использующих различные физические принципы. К ним относятся загоризонтная радиолокация и космические аппараты, способные обнаруживать старт ракет и выдавать информацию через две-три минуты после их запуска.

В 1970 году на опытном образце станции загоризонтной радиолокации «Дуга-2» на Украине при обнаружении пусков отечественных ракет из районов Дальнего Востока и акватории Тихого океана по полигону на Новой Земле были получены положительные результаты. Это обстоятельство позволило Минрадиопрому представить проект НИИ дальней радиосвязи (НИИДАР) на создание двух узлов на Украине и Дальнем Востоке (главный конструктор Ф. А. Кузьминский). В проекте утверждалось, что эти узлы способны обнаружить старт межконтинентальных баллистических ракет с баз на территории США. Решение было принято и узлы созданы, но был допущен просчет, заведший дальнейшую работу в тупик.

И моя вина как председателя комиссии, рассматривавшей проект и поддержавшей создание узлов, состоит в том, что эффективность загоризонтной радиолокации оценивалась с учетом результатов, полученных на опытном образце станции, обнаруживающей ракеты в условиях среднеширотной трассы и относительно спокойной ионосферы. В условиях же североширотных трасс, при наличии полярной шапки и постоянного хаотического возмущения ионосферы, вероятность обнаружения старта одиночных и небольших групп ракет на этих узлах оказалась весьма малой. А

Н. Г. Завалий

Н. И. Родионов

В. М. Ковтуненко

Г. А. Вылегжанин

массовый их запуск с территории США достоверно обнаруживается лишь при благоприятном состоянии ионосферы. Важным условием объективной оценки эффективности этих узлов явилось использование математической модели, разработанной в СНИИ под руководством доктора технических наук генерал-майора авиации А. С. Шаракшанэ⁸. Эта сложнейшая модель содержала параметры ионосферы, где всесторонне учитывался 11-летний цикл солнечной активности в различные времена года и суток.

Несмотря на длительный и дорогостоящий процесс испытаний, доработок, узлы на вооружение приняты не были. Объект на Украине, по существу, был возвращен промышленности, и на нем выполнялась «Полярная программа» доработок технологической аппаратуры и программ, рассчитанная на существенное улучшение характеристик обнаружения. Из-за интриг в Минрадиопроме в самый ответственный момент Ф. А. Кузьминский был снят. Программа выполнялась под руководством нового главного конструктора Ф. Ф. Евстратова⁹.

В ходе выполнения указанной программы и внедрения ряда доработок коллектив НИИДАР под руководством Ф. Ф. Евстратова и Г. А. Лидлейна добился устойчивого обнаружения узлом на Украине запусков космических станций США типа «Шаттл» на дальности 9 тыс. км.

Катастрофа «Шаттла» 28 января 1986 года наблюдалась в реальном времени яркой вспышкой на экранах индикаторов, срывом сопровождения траектории в момент взрыва и прекращения работы двигателей ракеты-носителя. Немедленно главнокомандующему Войсками ПВО страны А. И. Колдунову и министру обороны СССР Д. Ф. Устинову мною были доложены результаты работы, что подтвердило сообщение из США.

Тяга двигателей ракеты-носителя «Шаттл» значительно превышает тягу двигателей баллистических ракет «Минит-

мэн», что приводит к увеличению размеров ионизированного следа, а следовательно, и величины эффективной отражающей поверхности стартующей ракеты. Рассмотрев эти результаты, комиссия согласилась с расчетами на математических моделях возможностей узлов загоризонтной радиолокации по обнаружению групповых и массированных стартов баллистических ракет с территории США.

Работы же на узле продолжались вплоть до катастрофы на Чернобыльской АЭС. Узел оказался в зоне отчуждения и был законсервирован.

Несколько раньше, в 1978 году, главнокомандующий Войсками ПВО страны П. Ф. Батицкий обусловил начало совместных испытаний узла на Дальнем Востоке требованием реального и достоверного обнаружения стартов баллистических ракет типа «Минитмэн» с Западного полигона США Ванденберг по полигону на острове Кваджелейн в Тихом океане.

После неоднократного переноса старта ракеты «Минитмэн» по техническим причинам 24 февраля 1980 года факт автоматического обнаружения состоялся, и комиссия под моим руководством, проведя детальную проверку полученного результата, приступила к работе. Однако дальнейшие испытания показали, что узел был способен достоверно обнаруживать старты баллистических ракет с территории США лишь в благоприятных геофизических условиях.

Узел на Дальнем Востоке после значительных доработок 30 июня 1982 года был поставлен на боевое дежурство. Он периодически привлекался к обнаружению старта ракет с Западного полигона США в Ванденберге. Сейчас и этот узел снят с боевого дежурства.

Тогда многие считали, что путь, который я прошел вместе с разработчиками средств загоризонтной локации, был и неизведанным, и ошибочным, применительно к североширотным трассам. Что ж, это следует

признать. Однако нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что в период функционирования узлов все девять ракетных баз, расположенных на территории США, постоянно ощущали их воздействие. Другими словами, находились под «колпаком» нашего электромагнитного излучения. Мечта Ф. А. Кузьминского, говорившего: «Мы наденем наручники на американский империализм», к сожалению, в полной мере не осуществилась. Дальнейшие работы показали, что загоризонтная радиолокация в условиях среднеширотных трасс и более спокойной ионосферы, несомненно является эффективным средством дальнего обнаружения стартов ракет, самолетов и надводных кораблей на дальностях порядка 3 тыс. км.

Более успешно, хотя и не без трудностей, шла разработка космической системы, генеральным конструктором которой был А. И. Савин. Нарушение установленных сроков определялось главным образом отработкой программно-алгоритмического обеспечения и низкой надежностью первых космических аппаратов (главный конструктор В. М. Ковтуненко)¹⁰.

В 1978 году в сокращенном составе, а в 1982-м — в полном, система была поставлена на боевое дежурство, однако ее боевые возможности оставляли желать лучшего как по тактико-техническим, так и по эксплуатационным характеристикам. К примеру, в июле 1983 года по информации, поступившей с борта космического аппарата КП этой системы, был сделан ложный вывод о массовом старте ракет с территории США. Нетрудно представить, перед принятием какого решения могло быть поставлено руководство страны и Вооруженных Сил. Причина — недоработка боевой программы для условий повышенной солнечной активности. К счастью, в то время обязанности оперативного дежурного на КП системы выполнял настоящий профессионал, заместитель начальника отдела боевых алгоритмов и программ подполковник-инженер С. Е. Петров¹¹. Мгновенно проанализировав и оценив обстановку и ситуацию, он не допустил выдачи ложной информации на КП СПРН. Приказом министра обороны по этому чрезвычайному факту была назначена комиссия под председательством первого заместителя начальника Генерального штаба генерал-полковника В. И. Варенникова. Его заместителями были А. И. Савин и я.

С Валентином Ивановичем мне довольно часто доводилось встречаться по делам службы. В моем представлении это интеллигент, широко образованный, с твердой волей, мужественный, по натуре доброжелательный. Человек долга, чести и совести.

А. П. Блинов

Ф. Ф. Евстратов

Расследование он провел объективно и компетентно.

Главнокомандующему Войсками ПВО страны А. И. Колдунову и мне довелось присутствовать при его докладе Д. Ф. Устинову о результатах, полученных комиссией. Судя по атмосфере совещания, взаимоотношения министра обороны с руководством Генерального штаба обострились. Но, несмотря на это, Дмитрий Федорович принял доклад Варенникова без вопросов, замечаний и оргвыводов. Скорее всего, Д. Ф. Устинов хорошо знал генеральных конструкторов А. И. Савина и В. М. Ковтуненко и относился к ним уважительно и с доверием.

А. И. Савин, безусловно, талантливый ученый и конструктор, вместе с коллективом ЦНИИ «Комета» взялся за решение задачи обнаружения старта баллистических ракет с территории континентов, акваторий океанов и морей. Сложность заключалась в том, что космические аппараты (КА) с орбит на высоте 35–40 тыс. км должны были с высокой достоверностью обнаруживать старт ракет через две-три минуты после их запуска и выдавать информацию на КП космической системы.

Не стоит говорить о том, как сложно распознать старт ракет в темное время суток с территории США, буквально озаренной мощными источниками освещения. КА ежесуточно наблюдали буквально тысячи взлетов самолетов на форсаже. Не были еще до конца известны электромагнитные возмущения в космосе в результате непрогнозируемых вспышек на Солнце, а также при переходе КА так называемого «терминатора», когда из пространства, освещенного Солнцем, он уходит в тень от Земли.

Отладка системы проводилась методом экспериментов, разработанных для наиболее критических ситуаций, с целью выявить и устранить недостатки в аппаратуре обнаружения КА, программы ЭВМ на его борту, в аппаратном комплексе, особенно в боевой программе КП.

Руководящий состав Министерства обороны СССР, Минрадиопрома и Военно-промышленной комиссии. После рассмотрения состояния работ на КП СПРН. 11 февраля 1969 г. Снимок с группой офицеров командного пункта.

В первом ряду слева направо: главнокомандующий Войсками ПВО страны Маршал Советского Союза П. Ф. Батицкий, главнокомандующий РВСН Маршал Советского Союза Н. И. Крылов, министр радиопромышленности В. Д. Калмыков, министр обороны Маршал Советского Союза А. А. Гречко, председатель ВПК Л. В. Смирнов, директор Радиотехнического института АН СССР А. Л. Минц, заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант В. В. Дружинин, начальник 4-го ГУМО генерал-полковник авиации Г. Ф. Байдуков.

Каждая работа детально анализировалась А. И. Савиным непосредственно на КП. Поражала его выдержка, интеллигентность, способность принципиально и критически анализировать собственные просчеты. Кстати, это было поучительным для некоторых других генеральных и главных конструкторов, которые при неудачах безосновательно пытались свалить вину на кого угодно, в том числе и на боевой расчет, считая себя безгрешными.

Нам, военным, импонировало, что А. И. Савин всегда сначала выслушивал мнение должностных лиц боевого расчета, специалистов СНИИ Войск ПВО страны, а затем своих заместителей и ближайших помощников — К. А. Власко-Власова, В. Г. Хлибко, Ц. Г. Литовченко. Советовался с М. И. Ненашевым и со мной. Вдумчиво вырабатывались предложения, вносились доработки, многократно проверявшиеся.

В. М. Ковтуненко обстоятельства, связанные с отказом КА, предпочитал рассматривать в своем кабинете в НПО имени С. А. Лавочкина, так как там находился макет космического аппарата, на котором можно было воспроизвести ситуацию, воз-

никшую при отказе, а затем многократно проверить эффективность рекомендованных доработок. Ковтуненко работалось не просто, приходилось вести ожесточенную дискуссию с руководителями и конструкторами многих КБ и заводов-изготовителей, комплектующих для КА. Каждый из них считал виновным в отказе КА кого угодно, кроме своей фирмы. К тому же нужно учесть: жесткие требования генерального конструктора системы А. И. Савина, которого всегда поддерживали военные — начальник заказывающего управления М. И. Ненашев, специалисты СНИИ,

А. И. Савин

С. Е. Петров

После встречи руководящего состава отдельной армии предупреждения о ракетном нападении с ветеранами войск ПРО и ПКО. 12 июня 1993 г.

В первом ряду слева направо: полковник Л. Б. Малашин, генерал-майор С. С. Мартынов, генерал-майор Г. А. Вылегжанин, генерал-лейтенант А. В. Соколов, генерал-полковник Ю. В. Вотинцев, полковник В. И. Пронов, генерал-майор Н. Н. Собинов, генерал-майор Ю. В. Кабаков.

войск и представители Главного управления космических систем. Постоянно возникал вопрос о рекламации, виновные обязаны были выплатить Министерству обороны примерно 3 млн. рублей за отказ КА.

Замечу, что для генеральных конструкторов, да и для меня, неудачный запуск или преждевременный отказ КА были не только трагедией, но и полезным опытом. При отрицательном результате после тщательного анализа появлялась возможность определить причины и принять меры по существенному повышению надежности.

По-другому к этому относился главнокомандующий Войсками ПВО страны А. И. Колдунов. Ему приходилось подписывать доклады министру обороны, и, естественно, нелицеприятные. Сколько раз в грубой форме он учинял разносы и мне, и, правда реже, А. И. Савину.

К середине 80-х гг. усилиями А. И. Савина и коллектива ЦНИИ «Комета», В. М. Ковтуненко, его ближайших помощников А. Г. Чеснокова и А. Л. Родина космическая система была доведена до требуемых характеристик и стала основной, наиболее надежной и эффективной в комплексной системе предупреждения о ракетном нападении. Это имеет особо важное значение в связи с серьезным снижением боевых возможностей средств надгоризонтного радиолокационного обнаружения бал-

листических ракет на траекториях их полета, размещенных теперь уже в странах СНГ на нескольких основных ракетоопасных направлениях.

Важнейшим звеном в комплексной СПРН являются несколько территориально разнесенных, синхронно работающих командных пунктов. КП в полностью автоматическом режиме получают обширные сведения о техническом состоянии всех средств системы, а информация предупреждения так же автоматически выдается на оповещаемые пункты управления Верховного Главнокомандования и командования видов Вооруженных Сил на специальное табло «Крокус». Помню, мы вторым — главный конструктор СПРН В. Г. Репин, командующий отдельной армией особого назначения генерал-полковник В. К. Стрельников¹² и я изобразили на листе бумаги эскиз лицевой панели, по-нашему, «крокусенка», для специальных чемоданчиков высшего руководства страны и Вооруженных Сил, содержащих информацию предупреждения.

Несомненно, следует отдельно сказать о такой яркой личности, как В. К. Стрельников. В 1967 году по окончании Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР имени К. Е. Ворошилова он был назначен командиром впервые формируемой дивизии предупреждения о ракетном нападении. Командовал ею 10 лет. С

его именем связано становление соединения, целенаправленное воспитание воинских коллективов, нацеленное на безусловное выполнение боевой задачи государственной важности.

Он задавал тон в освоении новой боевой техники.

Первым из числа строевых командиров стал кандидатом военных наук. И вполне заслуженно — первым командующим отдельной армией предупреждения о ракетном нападении.

Успешно была решена задача надежности и живучести системы и ее средств. Каждый объект имеет тройное резервирование технологической аппаратуры и специального оборудования, несколько разнесенных вводов электроснабжения. Созданы и автономные источники на базе МГД-генераторов. Проводная и кабельная связь также имеет несколько вводов. Объекты оснащены космической, радио- и факсимильной связью.

Неоценимый вклад в создание, развитие и совершенствование эксплуатации системы внесли: М. М. Коломиец, В. В. Рожков¹³, В. К. Стрельников, И. А. Слухай¹⁴, В. М. Смирнов¹⁵, А. В. Соколов¹⁶, В. П. Панченко¹⁷, Н. В. Кисляков¹⁸, А. Б. Новицкас¹⁹, Н. И. Родионов, В. И. Моторный²⁰, Г. А. Вылегжанин²¹, А. К. Михайлов, Н. Г. Завалий²², А. П. Блинов, В. М. Шумилин и многие другие.

При создании и особенно при испытании и эксплуатации системы ПРО и СПРН следует отметить коллектив Специального научно-исследовательского института, созданного в 60-е гг., который мною уже упоминался. Его возглавляли в то время И. М. Пенчуков²³ и его заместитель по научной работе Н. П. Бусленко²⁴. В последующие годы институтом руководил Ю. Г. Ерохин²⁵, а в настоящее время — Г. С. Батырь²⁶. Заместитель по научно-исследовательской работе — М. Д. Кислик²⁷. Этот институт являлся научным штабом при рассмотрении возглавляемыми мною комиссиями ряда эскизных проектов. Создавались благоприятные условия для выполнения возложенных на комиссии задач. Я об этом говорю с большим удовлетворением — ведь в течение долгих лет был постоянно связан с этим замечательным коллективом.

В СНИИ плодотворно трудились более 20 докторов и около 100 кандидатов наук. Ведущими учеными института были: по системе ПРО — Г. И. Бутко²⁸, по системе ПРН — Г. В. Кононенко, Б. С. Скребушевский, Г. С. Суворов, В. В. Огнев, А. М. Цейтленок. Институт первым в Министерстве обороны успешно решил про-

блему оценки боевой эффективности сложных, по существу уникальных, полностью автоматизированных комплексов и систем вооружения. Задача решалась как по результатам натурных испытаний, так и путем математического моделирования. Разрабатывались научно-методические основы испытаний и ввода в строй этих комплексов и систем. Более того, специалисты института, постоянно работая непосредственно на объектах, тщательно анализировали опыт эксплуатации и вырабатывали соответствующие рекомендации войскам и требования к разработчикам. Плодотворный труд ученых и специалистов института трудно переоценить. Забегая вперед, отмечу, что за выполненные и внедренные в практику войск исследования ведущие ученые были удостоены двух Государственных и нескольких премий Ленинского комсомола.

О чем бы хотелось сказать в заключение. С превеликим трудом, максимальным использованием интеллектуального и экономического потенциалов Советского государства создана комплексная система предупреждения о ракетном нападении... Она была, есть и, надеюсь, будет решающим сдерживающим фактором в развязывании ракетно-ядерной войны. Ибо любой агрессор всегда получит гарантированный уничтожающий встречный или ответный удар.

Мы не можем, не имеем права закрывать глаза на то, что великого Советского Союза больше нет. Амбициями политиков, получивших суверенитет, система предупреждения о ракетном нападении, особенно ее средства надгоризонтной локации, существенно ослаблена. Необходимы безотлагательные меры по восстановлению системы и ее совершенствованию под руководством и контролем правительства и Вооруженных Сил России. Ведь в США все компоненты системы предупреждения о ракетно-ядерном ударе непрерывно совершенствуются.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Поляк Юлий Владимирович (1922-1993) — ученый и конструктор в области прикладной радиотехники. Начальник отдела радиотехнического института (РТИ) АН СССР. В 1963 г. главный конструктор РЛС «Днестр», «Днепр». Доктор технических наук, профессор. Лауреат Государственной премии.

²Соколов Сергей Леонидович (р. 1911) — Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. В 1964 г. первый заместитель командующего войсками Московского военного округа. В 1965 г. командующий войсками Ленинградского военного округа. В 1967 г. первый заместитель министра обороны, с декабря 1984 по 30 мая 1987 г. министр обороны СССР.

³Иванцов Вячеслав Михайлович (р. 1933) — ученый и конструктор в области радиолокации. Герой Социалистического Труда. В РТИ АН СССР заместитель главного конструктора по РЛС «Днестр» и «Днепр». В 1971 г. главный конструктор РЛС «Дарьял» — первой

с фазированной антенной решеткой. Доктор технических наук. Лауреат Государственной премии.

⁴Каршев Михаил Александрович (1923-1983) — ученый и конструктор в области вычислительной техники. В 1969 г. директор НИИ вычислительной техники, главный конструктор ЭВМ: «ЭЭ-71», «ЭЭ-73», «ЭЭ-66», «М-13». Лауреат Государственной премии.

⁵Репин Владислав Георгиевич (р. 1935) — ученый и конструктор в области информационных систем и радиоэлектроники. Герой Социалистического Труда. В 1962 г. руководитель научной лаборатории в ОКБ «Вымпел». В 1970 г. главный конструктор СПРН. Доктор технических наук, профессор. Лауреат Государственной премии.

⁶Савин Анатолий Иванович (р. 1920) — ученый и конструктор в области радиотехнических систем. Герой Социалистического Труда. С 1973 г. директор ЦНИИ «Комета», генеральный конструктор космической системы предупреждения и системы противокосмической обороны. Академик АН РФ. Лауреат Ленинской и четырех Государственных премий.

⁷Кузьминский Франц Александрович (1922-1991) — ученый и конструктор в области загоризонтной радиолокации. Главный инженер Научно-исследовательского института дальней радиосвязи (НИИДАР) и главный конструктор РЛС загоризонтной радиолокации. В 1973 г. директор НИИДАР.

⁸Шаракшанз Або Сергеевич (р. 1922) — генерал-майор авиации. В 1958 г. заместитель главного инженера Государственного полигона Войск ПВО страны по испытаниям. В 1961 г. начальник управления на этом полигоне. В 1962 г. начальник управления СНИИ Министерства обороны. Доктор технических наук, профессор. Лауреат Государственной премии.

⁹Евстратов Федор Федорович (р. 1937) — полковник, ученый и конструктор в области радиолокации. В 1981 г. начальник научно-исследовательского отделения НИИДАР. В 1979 г. главный конструктор РЛС загоризонтной радиолокации. Кандидат технических наук.

¹⁰Ковтуненко Вячеслав Михайлович (р. 1921) — ученый и конструктор в области баллистики, прочности и аэродинамики баллистических ракет. Герой Социалистического Труда. Генеральный конструктор НПО имени С. А. Лавочкина. Член-корреспондент АН СССР. Действительный член Международной Астрономической академии. Лауреат Ленинской и Государственной премий.

¹¹Петров Станислав Евграфович (р. 1939) — подполковник. В 1972 г. старший инженер отдела боевых алгоритмов и программ космической системы предупреждения, с 1974 г. заместитель начальника этого отдела.

¹²Стрельников Владимир Константинович (р. 1925) — генерал-полковник. В 1967 г. командир дивизии предупреждения о ракетном нападении (ПРН). В 1977 г. командующий отдельной армией ПРН. С 1980 г. начальник Военной инженерной радиотехнической академии ПВО. Кандидат технических наук.

¹³Рожков Вадим Владимирович (р. 1928) — генерал-майор. С 1976 г. главный инженер управления по созданию объектов ПКО. Лауреат Государственной премии.

¹⁴Слухай Иван Андреевич (р. 1924) — генерал-майор. В 1969 г. начальник политотдела корпуса ПВО, старший инспектор политуправления Войск ПВО страны по войскам ПРО и ПКО.

¹⁵Смирнов Виктор Михайлович (р. 1939) — генерал-лейтенант. В 1977 г. командир радиотехнического узла ПРН. В 1985 г. начальник оперативного отдела — заместитель начальника штаба. В 1986 г. первый заместитель командующего, в 1988 г. командующий отдельной армией ПРН. С 1991 г. командующий войсками ракетно-космической обороны Войск ПВО страны.

¹⁶Соколов Анатолий Васильевич (р. 1946) — генерал-лейтенант. В 1982 г. командир радиотехнического узла ПРН. В 1985 г. командир дивизии, с 1991 г. командующий отдельной армией ПРН.

¹⁷Панченко Виктор Павлович (р. 1934) — генерал-майор. В 1977 г. заместитель командующего отдельной армией ПРН, с 1977 г. начальник управления вооружения. Кандидат технических наук.

¹⁸Кисляков Николай Владимирович (р. 1929) — генерал-майор. В 1965 г. заместитель командира радиотехнического узла ПРН по вооружению. В 1970 г. заместитель командира дивизии по вооружению. В 1982 г. главный инженер службы вооружения управления командующего войсками ПРО и ПКО Войск ПВО страны.

¹⁹Новицкас Альбертас Болеславо (р. 1936) — полковник. В 1958 г. командир радиолокационной роты в отдельном Туркестанском корпусе ПВО. В 1972 г. заместитель по боевому управлению начальника штаба радиотехнического узла ПРН. В 1977 г. командир радиотехнического узла ПРН.

²⁰Моторный Всеволод Иванович (р. 1930) — полковник. В 1973 г. начальник отдела боевых алгоритмов и программ радиотехнического узла ПРН. В 1974 г. начальник отдела дивизии. В 1977 г. начальник отдела оперативного и боевого применения — заместитель начальника штаба отдельной армии ПРН.

²¹Вылегжанин Геннадий Александрович (р. 1927) — генерал-майор. В 1967 г. заместитель командира дивизии. В 1972 г. командир дивизии ПРН. В 1977 г. первый заместитель командующего отдельной армией ПРН.

²²Завалий Николай Григорьевич (р. 1924) — генерал-лейтенант. В 1965 г. начальник отдела боевой и оперативной подготовки управления по созданию системы ПРО. В 1971 г. начальник штаба отдельного корпуса ПРО. В 1977 г. начальник штаба отдельной армии ПРН.

²³Пенчук Иван Макарович (р. 1920) — генерал-лейтенант. В 1957 г. первый заместитель начальника Государственного полигона Войск ПВО страны. Первый начальник и создатель Специального Научно-исследовательского института (СНИИ) Министерства обороны. Доктор технических наук, профессор. Лауреат Государственной премии.

²⁴Бусленко Николай Пантелеймонович (1922-1977) — полковник-инженер. В 1960 г. заместитель начальника СНИИ по научной работе. Член-корреспондент АН СССР.

²⁵Ерохин Юрий Гаврилович (1934-1990) — генерал-лейтенант. В 1969 г. заместитель начальника испытательного управления. В 1971 г. начальник научно-исследовательской части Государственного полигона Войск ПВО страны. В 1976 г. заместитель начальника СНИИ по научно-исследовательской работе. В 1978 г. начальник СНИИ. Доктор технических наук, профессор.

²⁶Батырь Геннадий Сергеевич (р. 1939) — генерал-майор. В 1971 г. начальник комплексного отдела исследований управления Государственного полигона Войск ПВО страны. В 1986 г. заместитель начальника СНИИ по научно-исследовательской работе. С 1990 г. начальник СНИИ. Кандидат технических наук.

²⁷Кислик Михаил Дмитриевич (р. 1922) — полковник. В 1965 г. заместитель начальника СНИИ по научно-исследовательской работе. Доктор технических наук, профессор. Лауреат Ленинской и двух Государственных премий.

²⁸Бутко Гелиос Иванович (1930-1990) — полковник. В 1967 г. начальник отделения СНИИ. В 1985 г. начальник управления по проблемам ПВО в этом же институте. Доктор технических наук, профессор. Лауреат Государственной премии.

Фото из архива автора

(Окончание следует)

Н.Г. КУЗНЕЦОВ

КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ

ИЗ ЗАПИСОК АДМИРАЛА

В рабочем кабинете.
1949 г.

Фактический мой уход или, вернее, отстранение от должности состоялось в первой половине октября без объяснения причин, и, когда я еще не успел пережить это, во второй половине октября¹ произошло крупное несчастье — в Севастополе, стоя на бочке, подорвался, а потом и затонул, перевернувшись, линейный корабль «Новороссийск».

Еще накануне, уезжая из Симферополя, я увиделся с командующим Черноморским флотом В. А. Пархоменко и членом военного совета флота Н. М. Кулаковым. Я понимал, что мне предстоит новая работа, считал правильным, что к руководству флотом должны прийти новые люди, но не ожидал, что на меня свалится такое несчастье.

Когда поезд подошел к перрону в Москве, меня встретили работники аппарата с печальными лицами. «Что-то неладное», — пронеслось у меня в голове. Я еще не оправился от перенесенного инфаркта, и

мое сердце нервно забилося. «В Севастополе подорвался «Новороссийск», — были первые фразы встречавших. Они еще не знали подробностей и только постепенно, не желая сразу огорчать меня, доложили, что корабль перевернулся и, «кажется, много жертв».

Естественным желанием было как можно скорее отправиться на место катастрофы. Хотя формально я уже в течение полугода не выполнял обязанности заместителя министра, но считал себя ответственным за все, что происходит на флотах. Личной ответственности я никогда не боялся и поэтому тут же заказал самолет, чтобы вылететь в Севастополь.

Первое сообщение из Севастополя говорило, что корабль подорвался на магнитной mine, стоя на бочке. «Как это могло случиться?» — думал я, вспоминая все меры, которые были приняты после освобождения Севастополя во избежание неприятностей из-за выставленных противником мин. Там было и обычное траление, и контрольное в местах стоянки кораблей, и, наконец, на

¹ Продолжение. См.: Воен.-истор. журнал. 1992. № 12; 1993. № 1-4, 6, 7.

всякий случай — механическое уничтожение мин в более ответственных местах. С тех пор прошло уже более 10 лет. В Северной бухте на этой бочке плавали и стояли сотни раз различные корабли, и вероятность взрыва старой неприцельной мины была уже исключена. Но факт оставался фактом — крупный корабль Черноморского флота подорвался и затонул.

Мысли о причинах трагедии временно отошли на второй план, когда я, пролетая мимо бухты, издали заметил перевернувшийся линкор и около него скопление различных спасательных средств.

На месте уже работала правительственная комиссия. Я формально в нее не входил и присутствовал в ходе расследования как наблюдатель. Председателем был В. А. Малышев, тогдашний зампредсовмина. От Военно-Морского Флота в комиссию входил С. Г. Горшков, который уже в течение нескольких лет являлся командующим Черноморским флотом², а в последние месяцы — фактическим главнокомандующим ВМФ³.

Я ознакомился с обстоятельствами катастрофы. Почти в полночь, когда команды линкора спали, произошел сильный взрыв под килем корабля. По тревоге прибыл командующий флотом. После некоторой растерянности, как докладывал комфлот, у него создалось впечатление, что личный состав полностью контролирует положение. Корабль находится почти на ровном киле. Комфлот и командир корабля настолько успокоились, что даже отправились пить чай. Но самое страшное, оказывается, было впереди.

Накопившаяся вода в какой-то момент прорвала переборки и, распространяясь по кораблю, резко и быстро увеличила крен на правый борт. А когда этот крен достиг известного градуса, то уже никакие силы не смогли удержать корабль на плаву и он стал быстро переворачиваться. Личный состав старался удержаться на борту и на верхней палубе. Это усугубило положение — возникла паника, которая унесла множество человеческих жизней.

Если взрыв под кораблем никто не мог предвидеть и тут нельзя усмотреть чьей-то халатности, то потеря людей и корабля после прибытия командующего флотом — явление из ряда вон выходящее и непросительное.

До сих пор для меня остается загадкой: как могла остаться и сработать старая немецкая мина, взорваться обязательно ночью и в таком самом уязвимом для корабля месте? Уж слишком невероятное стечение обстоятельств. Что же тогда могло произойти? Диверсия? Да, диверсия. «Но-

вороссийск» — трофейный итальянский корабль, а итальянцы — специалисты в такого рода делах. В годы войны они подрывали английские корабли в Александрии, техника позволяла это делать и сейчас. Пробраться в Севастопольскую бухту трудностей не представляло. Ведь мирное время, город открытый. К тому же патристические чувства итальянских моряков могли толкнуть их на это. Значит, ничего невозможного здесь нет. Ну а как доказать? И доказательств нет! Обычно подобные факты становятся достоянием всего мира спустя много лет. А в данном случае никакие сведения еще не просочились. Во всяком случае до меня не доходили⁴.

Пусть я в течение шести месяцев до этого уже не исполнял обязанности главноком ВМФ и не контролировал деятельность Черноморского флота, но я должен был нести долю ответственности. На строгость по уставу жаловаться не положено. Но не в этом дело. Мне пришлось рассчитаться за все одному, хотя формально моей вины там немного: за траление несет ответственность командующий флотом. Им являлся с 1951 по 1955 год С. Г. Горшков. За поведение после подрыва нужно взыскивать с непосредственных виновников (комфлот и командир корабля), которые были наказаны, но не прошло и года, как наказания с них сняли. Но в эту область я вторгаться уже не хочу.

Мутная волна всяких небезлиц нахлынула на меня. Жуков рассчитался со мной сполна. Сначала я был освобожден. Этого показалось мало, и меня уволили из Вооруженных Сил, снизив в звании.

Конечно, взрыв на линкоре «Новороссийск» явился только поводом для расправы со мной. А в чем заключаются истинные причины? Этот вопрос сложный и требует серьезного анализа⁵.

Я не особенно был удивлен (но возмущен!) тем, что вопреки всякой логике, когда у бывшего комфлота С. Г. Горшкова погиб «Новороссийск», меня за это наказали, а его повысили. Удивлен тем, что никто не захотел потом разобраться в этом или даже просто вызвать меня и поговорить. Больше всего я удивлен и даже возмущен тем, что для своего личного благополучия и карьеры Горшков подписал вместе с Жуковым документ, в котором оклеветаны флот в целом и я. Но больше всего не укладывается в голове тот факт, что С. Г. Горшков не остановился перед тем, чтобы возвести напраслину на флот в целом, лишь бы всплыть на поверхность при Хрущеве. Мне думается, нужно иметь низкие моральные качества, чтобы в погоне за своим благополучием не постесняться

оклеветать своего бывшего начальника, который когда-то спас его от суда после гибели эсминца «Решительный» на Дальнем Востоке.

Я возмущался тем, что решение приняли, не вызвав меня, не заслушав моих объяснений и даже не предъявив документа о моем освобождении от должности. А происходило это так. Накануне одного из заседаний правительства, когда Хрущев и Булганин находились в Индии, мне позвонил В. Д. Соколовский, остававшийся за министра обороны: «Если можете, приезжайте завтра в Кремль, будет обсуждаться ваш вопрос», — и тут же добавил, что фактически уже все решено еще до отъезда Хрущева в Индию. Я все же поехал, но решил не выступать, чтобы не отнимать времени зря у членов правительства, коль скоро все равно «все решено». Председательствующий Микоян объявил решение и, не спрашивая моего мнения, поспешно перешел к другому вопросу. Я откланялся и вышел...

Приближался XX съезд партии. Еще накануне его открытия я присутствовал на пленуме ЦК КПСС и по обыкновению (как член ЦК) получил на него приглашительный билет. В конце первого дня заседания съезда в раздевалке к моему адъютанту подошел И. А. Серов (телохранитель Хрущева) и громко, с расчетом, чтобы слышал и я, произнес: «А вы что тут делаете?» Понимая, что это сказано не по его личной инициативе, я решил больше на заседания не ходить. С трибуны же съезда Хрущев разоблачал в те памятные дни «культ личности» Сталина.

На переднем плане слева направо:
Ю. А. Пантелеев, Р. Я. Малиновский,
А. И. Микоян, Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин,
Н. Г. Кузнецов. Тихоокеанский флот. Декабрь
1954 г.

Вечером позвонил Горшкову и спросил, нет ли каких-либо решений относительно меня. Как потом оказалось, Жуков уже послал в правительство доклад с вымышленными фактами. Об этом Горшкову, конечно, было известно, но, якобы не зная, в чем дело, он уклончиво посоветовал мне обратиться к Жукову.

События опередили меня. В тот же вечер я получил приказание «явиться к министру ровно в 9 часов утра».

Вот я и подошел к своей последней официальной встрече с Г. К. Жуковым⁶. 15 февраля 1956 года в течение пяти — семи минут в исключительно грубой форме мне было объявлено о решении снизить меня в воинском звании и уволить из армии без права на восстановление. На мой вопрос, на основании чего это сделано, к тому же без моего вызова, Жуков, усмехнувшись, ответил, что это, дескать, совсем не обязательно. Хрущев уже делал все, что ему велела «левая нога». Жуков импонировал ему грубостью и стремлением к единоличной власти. После этого меня никто не вызвал для формального увольнения — какой-то представитель Управления кадров (даже без меня) принес и оставил на квартире мои увольнительные документы.

Лишь значительно позднее я узнал от

А. М. Василевского, что решение принималось по записке Жукова. Что он написал, я не ведаю до сих пор. Как мне говорили, какое-то решение ЦК КПСС состоялось и специальное письмо за подписью Жукова было послано на места. Я не мог не удивляться, почему ни одно из решений не было предъявлено мне, не говоря уже о нарушении формальностей, когда это делалось без подписей Председателя Президиума Верховного Совета и Предсовмина. В дальнейшем я пытался получить объяснение, но так и не получил.

Не будучи официально извещенным о причинах своего наказания — лишения звания и увольнения в отставку, я просил Жукова хотя бы принять меня и ознакомиться с документами, меня касающимися, тем более что они принимались, когда я еще был членом ЦК. Но он не сделал этого.

В июле 1957 года я написал письмо Жукову с просьбой принять меня, и хотя в нем ясно указывал, что разговор будет касаться не каких-то личных дел или просьб, а определенных документов, которые я там перечислил, однако принят я не был и ответа не получил. Так как этому письму предшествовали мои неоднократные просьбы принять меня и выслушать, то я решил больше нигде не обращаться...

Я был убежден, что об этом не знал Президиум ЦК КПСС. 8 ноября 1957 года я счел своим долгом в изменившейся обстановке⁷ изложить Президиуму ЦК КПСС свою точку зрения на обвинения, брошенные мне Жуковым, подтверждая ее документами и фактами в том порядке, в каком министр обороны мне их перечислил:

1. Якобы я «нагородил» много различных окладов сверхсрочникам. Последнее рассмотрение окладов сверхсрочникам по поручению ЦК состоялось у А. А. Жданова в 1946 году. Решение тогда было принято, и больше я ничего не предлагал. Ссылка Жукова на большое жалование сверхсрочникам на Камчатке не имеет ко мне отношения, так как это было сделано без меня (я служил в то время на Дальнем Востоке). Моя же точка зрения, когда устанавливались эти оклады, была такой: лучше прибавлять служившим в отдаленных местностях питание и хорошее обмундирование, а не жалованье.

2. Дисциплина на флоте исключительно низкая. Да, я также не был удовлетворен дисциплиной на флоте, но, зная цифры проступков, утверждаю, что она не отличалась сколько-нибудь от дисциплины в округах (факты же можно было надергать).

Кроме того, когда вопрос идет о таком суровом наказании, нельзя не считаться с законной стороной дела: в какой степени я

отвечаю за это лично? У меня никогда не было мысли не считать себя ответственным за дисциплину, но ведь после слияния министерств флоты даже не были мне официально подчинены — я управлял ими как заместитель министра; флоты же по приказу были подчинены прямо министру. Это нетрудно проверить по документам.

3. «Вообще начальство вами очень недовольно и на флотах вы никаким авторитетом не пользуетесь». Так как этот вопрос больше не разъяснялся и не уточнялся, я не мог понять, что конкретно имеется в виду, не могу ничего сказать и сейчас.

4. Последнее обвинение, высказанное мне уже после прощания («Можете идти»), заключалось в том, что у меня «были крупные недостатки в судостроении».

Этот вопрос, исключительно важный, имеющий большое значение для будущего Военно-Морского Флота в системе Вооруженных Сил, и заставил меня написать письмо Г. К. Жукову с просьбой ознакомиться с рядом документов, в которых я изложил свою точку зрения, подтверждая ее фактами и документами. Желая все объяснить министру, я вовсе не руководствовался какими-либо личными мотивами.

Решение вопросов по судостроению за весь послевоенный период

После окончания войны в 1945 году мною был представлен десятилетний план проектирования и судостроения. В этом плане основными классами боевых кораблей были: а) авианосцы (большие и малые); б) крейсера с 9-дюймовой артиллерией (чтобы поражать все крейсера противника); в) подводные лодки; г) эсминцы и т.д.

Споры в процессе обсуждения касались авианосцев, на которых я настаивал и которые к постройке не принимались. По крейсерам больших разногласий не было. Относительно эсминцев разгорелась острая полемика: я категорически возражал против строительства большого количества старых эсминцев проекта № 30, потому что на них не было универсальной артиллерии, и соглашался только на несколько единиц, чтобы быстрее оживить работу судостроительной промышленности и собрать кадры. Что касается подводных лодок, то много говорили об их новых типах, которые нам уже были известны. Вопрос о тяжелом крейсере с 12-дюймовой артиллерией при мне даже и не поднимался, хотя Министерство вооружения не раз, как я помню, рекомендовало 12-дюймовую пушку.

Я был снят с должности, когда споры о новой программе были в самом разгаре, и в окончательном виде она принималась без меня. Это легко проверить по документам. Я же лично до последних дней считал

самыми крупными ошибками в послевоенном судостроении: решение о строительстве тяжелого крейсера, строительство такого большого количества эсминцев проекта № 30, продолжение строительства старых подводных лодок проекта № 15 и ряд других вопросов. По всем ним имеется большая переписка, особенно о неполноценности эсминцев проекта № 30. Я поднимал этот вопрос после возвращения на работу в Москву в 1951 году.

Со своей стороны, получив в 1951 году назначение в Москву, я принял все меры, чтобы скорее перейти на новые эсминцы и категорически возражал против продолжения строительства эсминцев проекта № 30. Несколько раз докладывал о необходимости оснащения флота десантными судами и авианосцами.

В докладе от 1 сентября 1951 года, т. е. сразу после прихода на должность министра Военно-Морского Флота, я написал, какими старыми кораблями мы обладаем, и просил принять ряд срочных мер.

Таким образом, ни формально, ни по существу меня нельзя обвинять в качестве тех кораблей, которые были построены в период с 1947 по 1951 год, потому что программа послевоенного судостроения была принята без меня, против моих предложений и вопреки моему мнению, а строительство этих кораблей в основном велось также в мое отсутствие.

Не утверждаю, что в то время я стоял на самых правильных позициях и ориентировался на все самое новое. Но я уверен, что если бы были приняты мои предложения, то к 1952-1953 гг. мы имели бы авианосцы, подводные лодки, десантные корабли, крейсера, сильные в зенитном отношении, которые сейчас было бы нетрудно переделать в реактивные, имели бы самые современные эсминцы и т. д.

По моему предложению принято решение о проектировании новой техники.

Когда у Сталина разбирался вопрос относительно управляемых с самолетов снарядов, я всеми силами настаивал и настоял, чтобы как можно скорее был установлен один опытный образец в береговом варианте для моряков.

Вопрос о реактивном оружии впервые мною был поставлен еще в 1951 году⁸. На крейсере «Адмирал Нахимов» и кораблях береговой обороны флота еще при мне в 1954-1955 гг. закончили установку опытных образцов этого нового оружия, а береговая установка «Стрела» уже была испытана и на стрельбах. Я показывал Хрущеву выстрел ракеты по щиту в Крыму в 1955 году и представлял все проекты решений в этом направлении.

Н. Г. Кузнецов на учениях
в Баренцевом море.
1946 г.

Все эти факты я привел для того, чтобы доказать, что я не был в то время «отсталым» человеком, не видящим недостатков, как потом утверждали Жуков и Хрущев.

После вторичного назначения в Москву в 1951 году, вникнув в положение дел, я с помощью всех управлений детально и кропотливо подготовил Председателю Совмина большой доклад об устарелой технике и всех недостатках. Я считал это своим партийным долгом также потому, что все попытки текущим порядком исправить положение не удавались. Доложить же Сталину, кроме как в письменном виде, не было возможности — на личный прием я попасть не мог. В этом докладе уже тогда вскрывались крупные недостатки, которые и сейчас нужно выправлять. Но объективного разбора сделано не было и все свелось к оскорбительным нападкам на меня и обвинениям, что я «напрасно охаиваю самые современные корабли».

В записке В. А. Малышева в правительство меня обвинили чуть ли не в антигосударственном деле, в том, что я «неправильно указываю на недостатки наших кораблей, которые являются самыми современными». Резолюция на нем подвела черту под этим делом.

После смерти Сталина я, полагая, что

обстановка изменилась, 6 августа 1953 года написал на имя министра обороны Н. А. Булганина доклад, в котором изложил свои взгляды на задачи флота. Но, не претендуя на их абсолютную непогрешимость, я просил поручить Генеральному штабу разобраться и подготовить вопросы для обсуждения. Сделал я это потому, что всегда был убежден: перед тем как решать вопрос, какой же флот строить, следует четко установить его место в системе Вооруженных Сил и задачи на случай войны. Без этого трудно даже предлагать, что строить.

Предложение принято не было, а мне было предписано представить план судостроения. Так возник новый план, который потом все-таки и был возвращен на рассмотрение Генерального штаба, но время было упущено. Видимо, ошибки в новом плане судостроения являются против меня более важным обвинением, чем недостатки старого плана, поэтому хочу на них остановиться более подробно, руководствуясь только фактами.

31 марта 1954 года я представил доклад о плане судостроения. Не отрицаю его погрешностей: планировалось большее, чем следует, количество кораблей, а кроме того, недостаточно решительно выдвигалось требование о создании самых новых кораблей и новой техники, но хочу объяснить, что предшествовало его окончательному представлению в правительство.

Одновременно с приказанием представить план мне было указано, чтобы он, хотя бы в самых общих чертах, был согласован с Министерством судостроительной промышленности. Хотя мы совсем не считались со сроками, предлагаемыми Минсудпромом, однако полагали обязательным быть ближе к реальности. Поэтому в этом плане (можно убедиться по документу) были учтены все самые современные требования к кораблям, но и этого, видимо, было недостаточно. Строительство кораблей было отнесено на поздние сроки. Я осмеливаюсь утверждать, что, очевидно, эти сроки едва ли будут выдержаны и хорошо, если они окажутся таковыми.

Однако могу со всей искренностью признать, что в этом плане были поставлены и корабли принципиально старых типов. Вызвано это было опасением на какой-то период остаться на случай войны без кораблей. В этом упрек в мой адрес совершенно правилен. Мое ошибочное предложение по новому плану судостроения не нанесло, однако, материального ущерба и было вовремя исправлено.

Когда этот документ был готов вчерне и мне было предложено привезти его мини-

стру обороны Булганину на юг, я специально попросил обсудить план еще раз у Василевского вместе с начальником Генерального штаба Соколовским и с обязательным привлечением Жукова и только после полного согласования направить его министру. Такое совещание состоялось, и я согласился со всеми изменениями, предложенными ими. Значительных сокращений требовал Жуков по авианосцам и десантным судам, что мне казалось особенно странным, но я пошел и на это...

Таким образом, документ, подготовленный в правительство, был полностью согласован и окончательно подписан министром обороны, начальником Генерального штаба и мною. За него я готов нести ответственность, не ссылаясь на тех, кто его подписал и кто одобрил, а пишу об этом только для того, чтобы внести ясность в вопрос.

Зная, что судостроение идет по старым планам, что требуется немедленное решение по новому плану, особенно в части проектирования (которое важнее даже самого строительства, потому что во многом определяет качество будущих кораблей), я всячески добивался быстрее рассмотрения этого плана, и прежде всего плана проектирования, который, повторяю, был направлен в ЦК КПСС, где должен был предварительно рассматриваться. При первом его рассмотрении были внесены незначительные поправки, и через несколько дней он должен был обсуждаться на расширенном заседании Президиума ЦК КПСС.

Я готовил проект резолюции, согласно которому предлагалось создать комиссию, поручив ей в двух-трехмесячный срок более детально обсудить этот план, согласовать его с промышленностью и установить окончательно, какие же корабли строить и в какие сроки (эта резолюция сохранилась). Я прекрасно понимал, что такие решения не могут приниматься наспех, и никакой другой резолюции не предлагал.

Когда на этом заседании рассмотрение плана и даже создание комиссии было вновь отложено, я не выдержал и с криком стал настаивать, чтобы решение не откладывалось, потому что все равно предстояло еще много рассматриваний до окончательного решения и я боялся, что будет упущено время. Этот нервный срыв никогда, ни до, ни после не повторявшийся, был совершенно подсознателен и скорее его можно объяснить моим болезненным состоянием в то время. Ни криков, ни грубости я никогда не допускал ни с кем, даже во время войны, что могут подтвердить флотские товарищи. Но за тот случай я чувствую вину и постоянно стыжусь происшедшего. Но если рассказать, как эта программа откладывалась

из года в год и как, добившись обсуждения ее на Президиуме ЦК, я услышал мнение Жукова и Хрущева, что этот вопрос следует снова отложить на неопределенное время, то, мне кажется, меня можно понять: любой болеющий за дело нарком в такой ситуации «завыл бы благим матом».

Таковы факты, которые мне хотелось изложить, не умаляя своей вины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹В ночь на 29 октября 1955 г.

²С 2. 08. 1951 по 12. 07. 1955 г.

³С 12. 07. 1955 г. — первый заместитель главкома ВМФ, официально назначен главкомом 5. 01. 1956 г.

⁴На запрос Н. Г. Кузнецова об истинных причинах катастрофы 5 июля 1962 г. адмирал флота С. Г. Горшков ответил: «...каких-либо новых выводов сделать нельзя, а также не оказалось заслуживающей внимания информации. Исторический опыт свидетельствует, что в отдельных случаях истинные причины событий остаются неизвестными. Примером может служить гибель «Императрицы Марии» в 1916 г. Соображения, изложенные в Вашем письме, понятны, однако ничего нового сообщить Вам по существу этого вопроса в настоящее время не имею возможности. С. Горшков» (Письмо из личного архива Н. Г. Кузнецова).

⁵В ряде публикаций о гибели «Новороссийска» (См.: Черкашин Н. //Правда. 1988. 14 мая; Смена. 1988, № 23. С. 26-32; Дружба народов. 1988. № 11. С. 229-237, № 12. С. 231-233; Медведев Н. //Огонек. 1989. № 13) упорно проводится мысль, что Н. Г. Кузнецов был снят с должности, уволен и разжалован исключительно из-за гибели «Новороссийска». Однако эта версия опровергается аргументами из воспоминаний Николая Герасимовича. Кроме того, Н. Черкашин пишет («Дружба народов», С. 238), что во время работы комиссии ее председатель В. А. Малышев якобы обратился к члену комиссии Н. Г. Кузнецову и передал ему список к награждению. Однако Кузнецов членом комиссии не был и, не будучи главкомом, решать наградные дела не мог. К сожалению, авторы публикаций допускают многочисленные неточности и домыслы.

⁶Об отношениях Н. Г. Кузнецова с Г. К. Жуковым, о его встречах с ним читайте в «Военно-историческом журнале» № 1 за 1992 г.

⁷После отставки маршала Г. К. Жукова.

⁸Доклад Председателю Совета Министров СССР от 1. 09. 1951 г., доклад в правительство (июнь 1952 г.), который рассматривался на заседании бюро Президиума Совета Министров СССР 7. 08. 1952 г.

**Публикация и комментарии
кандидата исторических наук
Р. В. КУЗНЕЦОВОЙ
при участии
В. Н. КУЗНЕЦОВОЙ**

**Фотоснимки представлены
В. Н. КУЗНЕЦОВОЙ**

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

ВОСПОМИНАНИЯ
Маршала Советского Союза
А. И. ЕРЕМЕНКО

СМОЛЕНСКИЕ ВОРОТА В ЕВРОПУ, ИЛИ ТРИ ЧАСА С И. В. СТАЛИНЫМ

В одну из ночей, когда я как обычно подводил итоги боевого дня войск фронта, раздался звонок аппарата ВЧ: «Здравствуйте, товарищ Иванов», — услышал я хорошо знакомый голос, к которому привык за время командования фронтами и который легко узнавался по своеобразному акценту, голос Верховного Главнокомандующего...

Жарким августовским утром на небольшой малоизвестной станции, до того ничем не примечательной, раздался короткий гудок паровоза и остановился поезд. Он состоял из 10 крытых товарных вагонов, в которых помещалась охрана, и одного пассажирского, в котором ехал товарищ Сталин. Едва я переступил порог комнаты, как сразу же увидел Верховного Главнокомандующего товарища Сталина. Он ходил по комнате ровным, размеренным и спокойным шагом, серьезный, несколько задумчивый, но-видимому, что-то обдумывая... Сталин спрашивал меня, насколько хорошо я знаю того или другого маршала, генерала, освобожденного из-под ареста.

«Ну, теперь докладывайте, как вы спланировали Смоленскую операцию, — сказал он и, улынувшись в усы, с ехидцей добавил, — вы Смоленск сдавали, вам его и брать».

Я попросил товарища Сталина сфотографироваться. Еще мне хотелось запечатлеть на киноплёнке его пребывание на Калининском фронте, но он по скромности или другим соображениям отказался.

«Я обещаю, товарищ Еременко, — произнес Иосиф Виссарионович, выходя из домика, — что обязательно сфотографируюсь с вами, но в другой раз».

АРГЕНТИНСКИЙ АРХИВ ГЕНЕРАЛА М. В. АЛЕКСЕЕВА

В. М. АЛЕКСЕЕВА-БОРЕЛЬ

НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ. ЛЕТО 1915 ГОДА.

6 июля 1915 года отец писал моей матери: «На душе так тяжело, так трудно, что я хочу поделиться с тобою, не дожидаясь приезда к тебе фельдъегеря, а отправляю это письмо с нарочным, который кстати отвезет и подарок, присланный мне штабом

Верховный главнокомандующий
русской армией Николай II (в центре),
начальник штаба Ставки
М. В. Алексеев (справа),
генерал-квартирмейстер
штаба Ставки
М. С. Пустовойтенко.
Ноябрь 1915 г.

Продолжение. См.: Воен.-истор. журнал. 1992, №9-12;
1993, № 3, 7.

Юго-Западного фронта, с которым прожиты хотя иногда и тяжелые минуты, но зато были и минуты высокого подъема, наших начинаний, развиваемых успехов, достига-

емых результатов, и никогда не было таких безотрадных положений, в которых сознаю сейчас себя¹.

Два врага давят меня: внешний — немцы и австрийцы, которые против меня собрали главную массу своих сил, взяли все, что можно, с фронта Ник[олая] Иудов[ича], против которого они, видимо, только шумят и демонстрируют, перебросили, быть может, что-либо еще с Запада или из новых формирований внутри государства². Везде лезут подавляющими массами, снабженными богатой тяжелой артиллерией с безграничным каким-то запасом снарядов³. Есть и враг внутренний, который не дает мне таких средств, без которых нельзя вести войну, нельзя выдерживать тех эпических боев, которыми богаты последние дни.

Но наряду с этим, наряду с высокой доблестью время от времени получаются такие печальные результаты, проявляются признаки такого малодушия, трусости и паники, что ими сразу наносится непоправимый ущерб общему делу и проигрыш сражений.

Конечно, есть причины: мало офицеров, отсутствие коренных прочных офицеров, малая обученность массы, полная ее несплоченность в войске, наконец, подавляющая масса артиллерийских неприятельских снарядов, против которых мы являемся беспомощными, так как не имеем соответствующего богатства, даже приблизительного... Все это деморализует, сопровождается позорным бегством, массовыми случаями сдачи в плен и потерей своих пушек.

С 30 июня начался бой в 1-й армии на линии Прасныша⁴. Не сильно опасался за судьбу начавшейся атаки. Думал — хорошо укрепленная позиция, на которой просидели четыре месяца, небольшое сравнительно превосходство в силах на этом направлении дадут мне время подвести по железной дороге резервы и самому, переходом в наступление, отбросить немцев.

Но к вечеру получил замаскированное донесение, что позиция 11-й Сибирской дивизии⁵ прорвана и «дивизия уже не представляет из себя боевой силы», — читай, что дивизии уже нет. Всего еще не знаю, но видно, что дивизия бежала от одного

артиллерийского огня, не дождавшись атаки, а кто дождался — поднял руки вверх.

Конечно, я не сумел проявить высокого дара, присущего полководцу, и по неясным признакам не решился начать перевозку резерва с опасного тоже места двумя днями ранее. Имей тогда под рукой свежую дивизию, быть может, можно было бы если не задержать беглецов, то [закрыть] образовавшийся промежуток, но дивизия только что ехала, потому что я не допустил мысли, что в несколько часов сделается то, что допустимо в результате многодневной борьбы.

Далее сделали свое дело бестолковость и растерянность начальников, а вся армия Литвинова отскочила в четыре-пять дней на 40-50 верст, т. е. на такое пространство, за которое можно было бы вести борьбу месяц при наиболее трудных условиях».

Генерал Палицын об этих днях пишет так: «1 июля. По телеграмме генерала Литвинова 30 июня в 9 ч вечера 1-й Сибирский корпус⁶ уступил свои передовые позиции и отошел на следующую... Рассчитывали на недели, продержались сутки, а корпус из лучших и закаленных. Немцы сосредоточили с соседних и с участка Бзуры превосходные силы... На соседних участках также развиваются бои. Главнокомандующий это подозревал, хотя об этом и не говорил.

Быстрый отход 1-го Сиб[ирского] корпуса произвел свой эффект в штабе главным образом скоротечностью боя. Верили, что, как бывало прежде, можно продержаться долго. Иллюзия эта подорвана.

Вчера имел беседу с начальником штаба (генералом Гулевицем). Он находит, что положение отличное. Я был иного мнения.

1 июля вечером Михаил Васильевич поехал к генералу Литвинову в Яблонев и хорошо сделал.

Газеты описывают чудеса храбрости и доблести, но это единичные проявления, масса, сидевшая в окопах и теперь вынужденная отступить, устала духом, и удивительно, что еще налицо так много этих добрых качеств.

Подкрепления подходят. В умении своевременно подтянуть подкрепления Михаил Васильевич великий мастер»⁷.

В том же письме к Анне Николаевне отец продолжает описание этих тяжелых дней:

«У Плеве тоже две дивизии позорно разбежались и, кажется, от миража-призрака,

что не мешало потерять почти половину людей и винтовок. Это тоже не входило в мои расчеты⁸.

И наряду с этим на моем южном фронте, на путях к Люблину и Холму, мои остатки когда-то славных дивизий доблестно умирают, истекают кровью под давлением многочисленного далеко превосходящего своим числом врага, умирают, невзирая на неравную борьбу... но сила остается силою, она постепенно теснит. Намерения противника ясны: заставляет нас угрозой покинуть Вислу и Варшаву. Постепенно они сжимают клещами, для борьбы с которыми нет средств».

«Этих средств, — писал дальше отец, — не дает наш враг внутренних, наши деятели Петербурга... наша система... Нет подготовленных солдат. У меня в рядах недостает свыше 300 тысяч человек. А то недоученное, что мне по каплям присылают, приходится зачислять в число так называемых «ладошников» (новый термин для настоящей войны), которые, не имея винтовок, могут для устрашения врага хлопать в ладоши.

Нет винтовок... и скоро не будет. А ведет это к постепенному вымиранию войсковых организмов. Есть дивизии из 1000 человек, чтобы их возродить — нужен отдых, прилив людей с винтовками, некоторое обучение. Если всего этого нет, то остается израсходовать золотой дорогой кадр из последней тысячки, но зато уже на все время войны нужно вычеркнуть дивизию, ибо она из ничего не создается. Будет сброд «бегунов»...

Нет совсем патронов... Во время жестоких идущих теперь боев мне шлют вопли — «патронов»... там-то должны были отойти за отсутствием патронов, там-то нечем драться. И я рассылаю жалкие крохи, которые скоро закончатся, потому что прилива нет, или это сочтется по таким каплям, что каждую минуту страшишься, что придется уходить, не отстреливаясь, потому что будет нечем... Будут ли отходить или бежать при таких условиях, сказать очень трудно⁹.

Быть может, было бы лучше, если бы я смотрел и переживал все это нервно, суетясь и волнуясь. Но сохранившееся совершенное спокойствие обостряет боль сознания своей беспомощности, заброшенности. Мой легкомысленный начальник штаба Гулевич живет мыслями, что неприятель понес такие потери, что дальше идти некуда и теперь конец. Я так смотреть не могу и не смею, не имею права, ибо могу погубить армию, дать подобие Мукдена, когда мне отрежут путь внутрь России¹⁰.

Мне было бы легче, если бы я мог плакать, но я не умею теперь сделать и этого. Только тяжелый-тяжелый камень лежит на

моей душе, на моем сознании. Нет, не всегда тягота посылается «по силам человека», видимо, иногда суждено получать свыше сил. Быть может и вероятно, над моими действиями, мыслями, решениями нет Божьего благословения. Вероятно и так, но это нищенство, этот недостаток... ведь он не от меня зависит, это результат не моей вины и предшествовавшей работы. Но это не утешение для меня. Горькую чашу этого пью я и те, которых я шлю не в бой, а на убой, но я не имею права не сделать, не сделать этого и без борьбы отдать врагу многое. Но средства все истекают, а настойчивость богатого и предусмотрительного врага не ослабевает. Вот условия борьбы, над которыми глубоко задумываюсь...

Совершается воля Божья, почти неизменно мне открывается 25-я глава Евангелия от Матфея (притча о десяти девах и о талантах)¹¹. Оно так характеризует наше отношение к подготовке к войне. Россия знает частицу, но я не знаю всего. Приходится свое имя вплетать в тот терновый венец, который изготовлен для Родины. Беру тяжелую вину на себя, но в ней я по существу так мало принимал участия, что являюсь лишь ответчиком потому, что таковым должен быть неудачный полководец... А неудачи наши заложены глубоко, глубоко... Но кто же их увидит — будет изучать. Проклятие на голову того, кто не сумел дать победу, а подарил неудачею. Довольно. Телеграмм масса, не успеваю прочитывать. Никогда еще в течение года не было, чтобы среди событий все было темно, мрачно, чтобы не было ясных просветов. Только сейчас именно так сложились дела... Хотя я буду отсиживаться здесь до последней крайности... но если придется переезжать, то избрал Волковыск. Нужно обождать, что Бог даст¹².

В примечании к письму добавляет: «Вечером вызывал сюда Верховного главнокомандующего, чтобы ознакомить с положением дел. Конечно, в отношении недостатка людей и винтовок он бессилен. Нет и нет.

Вызывал офицера из 3-й армии. Привозил длинные донесения с места боя... Тяжело читать: вопль, что наша артиллерия в самые тяжелые минуты молчит за неимением снарядов, когда неприятель громит, что в самые критические минуты иссякают патроны. Много мужества нужно, чтобы в таких условиях драться... Посылаю два образа, благословение Вятки и Москвы».

22 июня (5 июля) состоялось совещание в Седлеце в присутствии великого князя Николая Николаевича, на котором Алексеев получил наконец полную свободу действий. Ему было предоставлено право

отказаться от обороны Вислы и нижнего Нарева и перейти на более сокращенные позиции... При этом разрешено было Ивангород не считать крепостью, но в просьбе Алексеева принять такое же решение относительно Новогеоргиевска, чтобы не запырывать там гарнизона, Ставкой было отказано.

Отцу было ясно, что удержать Варшаву и Люблин невозможно, «если не произойдет чудо», по словам Палицына. Вместе с тем и Ивангород, для упорной защиты которого трех дивизий было недостаточно, Палицын даже не считал, в строгом смысле, крепостью. «Это круговая позиция, — писал он, — талантливо и смело заложённая. Она имеет снабжение и не сильную артиллерию. В ней есть и люди. Гарнизона же нет. Генерал Шварц, душа этого дела».

Ценя людей и зная, что Ивангород удержать не удастся, отец считал необходимым объявить Ивангород не крепостью, а укрепленной позицией, на что 22 июня получил согласие Ставки. Это решение очень взволновало «воссоздателя» крепости генерала Шварца, и он поехал к отцу в Седлец для выяснения вопроса.

«Михаил Васильевич Алексеев, — пишет Шварц об этой своей поездке и встрече, — был по-прежнему прост, внимателен и предупредителен, но за очками в глазах его мелькало, как мне показалось, какое-то новое выражение озабоченности и тревоги. Генерал Алексеев имел смущенный и усталый вид. Было ясно, что он хотел что-то сказать мне, но колебался. Наконец он сказал мне, что нужно быть готовым ко всяким случайностям, что неизвестно, как сложатся обстоятельства на фронте, и чтобы поэтому я был готов к эвакуации крепости, если по ходу операций к этому придется прибегнуть».

В то время генерал Шварц не знал еще о катастрофическом положении снабжения нашей армии боеприпасами, которое уже было известно отцу. Приходилось считаться с тем, что армия наша безоружна, неспособна навязать своей воли противнику. Надежд на исправление этого положения в ближайшие месяцы не было совершенно.

«Я не знал этого, — признается Шварц, — не допускал и мысли о возможном оставлении Ивангорода. Можно поэтому себе представить, как я был поражен словами генерала Алексеева...» Заметив угнетающее впечатление, произведенное на Шварца, отец пообещал прислать пехотную часть для пополнения гарнизона. В крепость прибыла ополченческая бригада.

«Увы, эти войска были плохо вооружены, почти без патронов и были скорее рабочими, чем бойцами», — отмечал Шварц.

Палицын говорил с отцом об удручаю-

щем положении наших крепостей. «Михаил Васильевич крепко стоял за это решение (то есть признание Ивангорода не крепостью, а укрепленной позицией), — писал он. Его опасения и расчеты справедливы, ибо для гарнизонов Новогеоргиевска, Ковно, Гродно и даже Бреста придется выделить огромное число дивизий. Все это верно, но пока перед нами первый акт отхода, и вопрос может быть только об Ивангороде и о Новогеоргиевске, разницы же между ними не вижу. Правда, Новогеоргиевск — штатная крепость, Ивангород — импровизированная».

Однако, по свидетельству того же генерала Палицына, у отца были мысли об оставлении и Новогеоргиевска. Обе крепости могли быть лишь временной поддержкой войск, «при вынужденном отходе на восток». Может быть, крепости и понадобятся и волей или неволей их придется оборонять «помимо нашего желания».

Генерал Палицын высказывает главную мысль отца: «Михаил Васильевич прекрасно знает это, знает, что вопросы эти требуют заблаговременного решения, но они сложны и последствия решения чрезвычайно важны. Дело не в Варшаве и Висле, даже не в Польше, а в армии. Противник знает, что у нас нет патронов и снарядов, а мы должны знать, что нескоро их получим, а потому активно действовать мы не в силах, и поэтому, чтобы сохранить России армию, должны ее вывести отсюда. Массы, к счастью, этого не понимают, но в окружающих чувствуется, что назревает что-то неладное».

В таких тяжелых условиях протекает творческая работа главнокомандующего, и помочь ему нельзя, ибо решения должны исходить от него.

Что наше положение очень сложное и очень опасное, Михаилу Васильевичу совершенно ясно. И что надо сделать, также ясно. Но применить и провести этот план в жизнь можно будет только тогда, когда это станет возможным. Мы не одни. Перед нами враг сильный и внимательный, а рядом армии другого фронта. Когда начнут?

У Михаила Васильевича вера и глубокое убеждение, что он выведет армии из их злосчастного положения, созданного не им, а ходом событий.

И несмотря на целый ряд создавшихся неблагоприятных условий в нашей жизни и работе, главнокомандующий все это несет на своих плечах. Не думаю, чтобы другой мог вынести это так, как он выносит, и так же везти этот через меру нагруженный воз».

В те же дни отец пишет обстоятельное письмо военному министру генералу А. А. Поливанову:

«Милостивый государь Алексей Андреевич, Вы, конечно, знаете о всех тех недостатках, которыми страдает наша армия. Этим письмом я не стремлюсь их перечислять, а хочу лишь подчеркнуть главнейшее, непосредственно влияющее на ход и исход наших операций и лежащее на неодолимым бременем на решения начальника. Я хочу вместе с тем сказать, насколько эти недостатки уже стали оказывать свое пагубное влияние на оперативные соображения и насколько их постоянное давление стало разрушающе действовать на дух войск.

Нижеприведенное представляет собой вывод из пережитого за долгий период войны и есть следствие того, что выстрадано день за днем и ночь за ночью, что может быть понято лишь путем глубоких переживаний. Не переживший личным участием всей глубины этих событий мог бы при желании на каждый мой тезис ответить антитезисом, и убеждать его было бы бесполезно.

Избегая в дальнейшем подробных доказательств, я хочу лишь набросать заметку о том, что, на мой взгляд, приобретает признаки уже явно болезненных явлений, требующих немедленного, почти геройского напряжения, крайних усилий всего государства. Располагая главнейшие недостатки по их значению, мне они представляются в такой последовательности.

Первое. Недостаток артиллерийских снарядов. Его вполне понятное губительное влияние в настоящий момент настолько тяжело отразится в дальнейшем, что самое обильное, но запоздалое снабжение ими войск будет не в состоянии восстановить утраченное в области духа и тактических приемов борьбы.

Недостаток снарядов побуждает к постоянной экономии их, лишает войска веры в свои силы. Продолжительным наличием такого состояния в войсках волей-неволей вырабатывается тактика осторожности и неуверенности. Постепенно она пускает столь глубокие корни, что станет наконец убеждением, а тогда и при обилии снарядов трудно будет ждать от войск забвения тех приемов, на которых они воспитались обстановкой.

В войсках уже в настоящее время царит сознание, что немцы обладают огромным количеством снарядов и могут в любом месте потушить огонь нашей артиллерии и что в этом отношении борьба с ними бесполезна.

Действительно, обилию снарядов немцы в огромном большинстве случаев обязаны достигнутыми успехами. Мощная подготовка артиллерии пробивает бреши в желательном месте, и ободренная этой

обстановкой туда бросается их пехота, в то время как наша геройская пехота уже понесла огромные потери и подавлена сознанием своего одиночества.

Тяжело читать подлинные донесения строевых начальников с поля сражения, когда под огнем неприятельской артиллерии гибнут их части, при молчании своей артиллерии, присутствующей здесь же на месте боя, или о невозможности атаковать нападающие массы противника, не поражаемые нашим пушечным огнем. Дерзость вражеской артиллерии и уверенность ее в своей безопасности доходят до того, что в важнейшие моменты боя [она] занимает иногда позиции в 2000 шагов от наших окопов.

Повторяю, это самый важный, самый тревожный недостаток как по своему влиянию на ход настоящих операций, так и по своему разлагающему действию на дух и тактику войск, на боевые достоинства и привычки начальников всех степеней, которых трудно потом будет из поневоле осторожных и нерешительных переделать в смелых и дерзких.

Вторым по важности вопросом ставлю вопрос укомплектования войск людьми. Государству со столь обильными в этом отношении средствами, как наше, необходимо учесть те огромные потери, которыми сопровождаются боевые действия, и принять все меры к тому, чтобы все части армии механически и без всяких затруднений немедленно же укомплектовали свои потери¹³.

Огромный резервуар людей есть наше, может быть, единственное преимущество в смысле материальных средств борьбы над противником. Нам нельзя не бороться со всей энергией этим средством и не довести дела до полного напряжения.

Война затягивается — нет никаких данных полагать, что она не продолжится еще годы, а в таком случае потребуются еще огромное количество укомплектований.

Ввиду всего этого государственная дальновидность побуждает теперь же призывать под знамена такое количество людей, которое создало бы внутри России неиссякаемый источник пополнения армий. Государство не должно в этом отношении стремиться к экономии и пугаться, что большое количество людей пробудут, может быть, долгое время в запасных частях вследствие заполнения некомплекта армий. Путем соответствующей постановки дела обучения укомплектований можно будет добиться, что каждый день пребывания в запасных частях пойдет с пользой и даст армии не столь скоропостижно подготовленного бойца, как это наблюдается теперь.

Слабая поверхностная подготовка наших пополнений заметно учитывается нашими

противниками, и в иностранной прессе все чаще и чаще раздаются голоса на тему, что при существующих условиях пополнение нашей армии, даже и неисчерпаемость нашего человеческого материала может утратить свое значение страшного средства. Отсюда новая необходимость сразу призвать под знамена такое количество людей, которое обеспечило бы одновременно и ближайшую потребность в укомплектовании и позволило бы перейти к постоянному улучшению их подготовки предоставлением им для этого большого количества времени.

В настоящее время вопрос пополнения принимает уже прямо трагический оборот. Фронт в непрерывных тяжелых боях последнего периода понес и несет огромные потери и наряду с этим должен руководствоваться тем, «что если он получит сейчас просимые пополнения примерно в количестве до 250-300 тысяч, то затем, в силу обстоятельств, останется без пополнений до середины — конца сентября» (телеграмма генерала Кондзеровского генералу Жулевичу 28 июня 1915 г.).

Эти немногие слова рисуют положение, на мой взгляд, совершенно недопустимое для нашего государства, и свидетельствуют, что им в этом смысле далеко не проявлено того высокого напряжения, которое требуется исключительностью минуты.

Вопрос этот нельзя ставить в связь с нижеследующим вопросом о недостатке винтовок, которых сегодня нет, а завтра могут и явиться.

Помимо сказанного, такой массовый призыв под знамена будет иметь моральное значение. Он покажет, что Россия, несмотря на превратности боевого счастья, полна решимости рано или поздно сломить врага.

При всех оборотах и во всех случаях огромный запас подготовленных людей сыграет свою роль и государству никогда не придется раскаиваться за допущение даже роскоши в этом отношении.

Между тем при современной системе наших призывов небольшими сравнительно контингентами дело сводится к двум явлениям: а) наши корпуса и дивизии существуют лишь на бумаге, а некоторые из них, к горю начальников, умирают на их глазах. Дивизия, вышедшая из боев в составе 1000 человек и не получившая немедленно пополнений, постепенно расходует и свой небольшой кадр, навсегда выходя из рядов армии как прочная маневроспособная единица. Получается затем дивизия совершенно ополченческого типа; б) наши укомплектования поневоле приходится отправлять недоученными, в сыром виде. Этим объясняются наши большие потери вообще, а «без вести» пропавшими особенно.

Годичный период войны даст прочный материал для решения вопроса с большою точностью, сколько государство должно иметь людей в каждую минуту в запасных своих частях. По моим приблизительным подсчетам, эта цифра определяется в миллион человек.

Третье. Недостаток тяжелой артиллерии. Наши противники обладают огромным количеством тяжелой артиллерии. Это преимущество дает себя внятно чувствовать в каждой операции. Пользуясь им, противник выработал даже особый прием действий, в огромном большинстве случаев безнаказанно им применяемый вследствие недостатка у нас тяжелой артиллерии. Этот прием заключается в сосредоточении тяжелой артиллерии против намеченного участка удара, в подавлении на нем огня нашей артиллерии и уничтожении наших окопов, закрытий и в стремительном затем ударе пехоты в образовавшуюся брешь...

Тяжелая артиллерия должна быть придана войскам нашим в значительно большем количестве, чем это имеется сейчас, в противном случае и оборона и наступление будут нам стоить неизмерно больших жертв в людском составе, нежели их несут наши противники.

Помимо недостатка в тяжелой артиллерии существует в этой отрасли и другой крупный пробел — недостаток опытных артиллеристов.

Необходимо принятие настоячивых мер, чтобы наряду с изготовлением тяжелой артиллерии производилась подготовка специального личного состава для руководства и производства очень точной стрельбы из тяжелых калибров.

Четвертое. Следующим по остроте является вопрос о винтовках и патронах к ним. В настоящее время создается такое положение, когда недостаточность притока вновь изготавливаемых ружей заставляет прибегать для прикрытия все растущей потребности (в особенности в период крупных боев) к собиранию винтовок, что называется, по крохам, беря их отовсюду, где только хотя сколько-нибудь допустимо, и в буквальном смысле по десяткам. Такое положение крайне тягостно. Оно сковывает всякую инициативу в вопросе новых формирований и заставляет начальника лишаться значительной силы, в такуюю могли бы, например, обратиться все ополченческие части, в настоящее время так разнообразно вооруженные от берданки до японских ружей включительно, не говоря уже о том, что вследствие недостатка в ружьях войска фронта поневоле всегда будут не в полном комплекте, если бы даже они могли получить своевременно приток людей. К настоящему времени некомплект, вызываемый

этой причиной, в армиях фронта достигает 100 000 человек, и, следовательно, начальник, вдобавок к сказанному, лишается содействия и этой внушительной массы бойцов.

Пятое. Остается еще сказать несколько слов по поводу офицерского вопроса. При современной обстановке офицеры в бою если не все, то почти все, и государству надлежит принять самые настойчивые меры к тому, чтобы, с одной стороны, дать армии непрерывный поток новых офицеров, учтя при этом и необходимость обеспечения ее офицерами-специалистами всех назначений, а с другой — неотложно позаботиться фактическим и заслуженным поощрением исключительного духовного и физического [порыва], проявленного офицерством почти за год войны. Уже в настоящее время некомплект офицеров в частях пехоты, находящихся в наибольшем порядке, в среднем превышает 50 проц., а если принять во внимание, что из наличного числа офицеров половина — прапорщики, то до очевидности ясным становится, насколько зыбких основаниях покоятся боевые и тактические достоинства армий в настоящее время, при ничтожности надежных кадров, более чем когда-либо зависящие от качества и достоинства командного состава всех степеней и в особенности младших начальников.

В отношении накопления большого офицерского состава имеет силу все то, что высказано уже мною в вопросе об укомплектовании армии. Должно быть обращено особое внимание на тщательный подбор их воспитателей и наставников, так как только при этом условии создастся необходимый тип офицера-руководителя нижних чинов.

Прошу принять уверение в моем глубоком искреннем уважении и преданности покорного слуги.

Мих. Алексеев
9 июля 1915 г. Седлец.

В середине июля 1915 года побывал у отца А. И. Гучков по вопросам снабжения армии, бросая обвинение военному министру, обмолвившись краткой фразой, что «нельзя провести грань, где кончается недомыслие и начинается преступление». Как пишет Палицын и моему отцу было хорошо известно, что «когда придется туго, все вообще явления принимаются более болезненно, но указывать на недостатки легко. Военное министерство виновато во многом. Но виновата также и наша индустрия и многие другие, сваливающие вину на других».

В эти же примерно дни побывал у отца в Седлеце и редактор «Вечернего времени» Борис Суворин. Это был человек иного

толка, чем Гучков, глубоко любивший Россию такой, какой она была. В своей книге «За Родину» он описал свой разговор с отцом в штабе Северо-Западного фронта: «Генерал Алексеев сразу стал мне говорить о роли печати и общественной помощи во время войны. «Надо понять, — сказал он, — что у нас совершенно не понимают, что понято Германией и Францией, что начинает понимать Англия, что эту войну ведут не армии, а народы. Война доказала нашу неподготовленность к такой судьбе, и общество должно приложить все силы, чтобы прийти на помощь армии». Он говорил очень горячо, набрасывая план военно-промышленных комитетов, и требовал, чтобы печать вся прониклась важностью минуты. Он предвидел крупные неудачи. Надо спасать армию, и перед важностью этой задачи должны быть забыты географические названия».

И приблизительно в это же время, 20 июля, Палицын записывает в своем дневнике: «У Михаила Васильевича вера и глубокое убеждение, что он выведет армию из их злосчастного положения, созданного не им, а ходом событий».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Письмо написано М. В. Алексеевым после пятнадцатого сражения под Праснышем, в ходе которого германское командование намерело прорвать русский фронт за счет четверного превосходства в силах и средствах. Планировалось создать предпосылки для окружения и разгрома нескольких армий Северо-Западного фронта в так называемом «польском мешке». Грамотные в стратегическом отношении действия штаба фронта и главнокомандующего сорвали планы противника под Праснышем, но не ослабили его попыток, пользуясь своим превосходством, прорвать фронт на других участках. Между тем положение русской армии в июне-июле 1915 г. было крайне тяжелым. Некомплект в армиях Юго-Западного и Северо-Западного фронтов достигал 380 тыс. бойцов, а рассчитывать можно было лишь на 32 тыс. человек пополнения. При этом боеприпасов имелось вдвое ниже нормы, а в огневой мощи противник имел превосходство в три-четыре раза. Несмотря на тяжелейшее положение, в котором оказались армии Северо-Западного фронта, М. В. Алексееву было приказано удерживать район Варшавы и плацдарм на левом берегу Вислы и на случай вероятного наступления на Берлин. Абсурдность подобного плана Ставки не могла не беспокоить главнокомандующего фронтом, понимавшего, что подчиненные ему войска были обречены на пассивную оборону. (Здесь и далее, кроме специально оговоренных, даты даны по старому стилю.)

²В июне 1915 г. в состав Северо-Западного фронта входило восемь армий: 5, 10, 12, 1, 2, 4, 3, 13-я. С германской стороны им противостояли: Неманская, 10, 8, 12, 9-я армии и армейская группа Войрша, объединенные в Восточный фронт под командованием генерал-фельдмаршала Гинденбурга, а также часть сил австро-венгерского Галицийского фронта, включавшего 1, 4, 11, 2-ю, Южную и 7-ю армии.

³В сражении под Праснышем участвовала 12-я армия Гальвица, в которой насчитывалось 177 тыс. человек и 1255 орудий. Ей противостояли 1-я армия и 4-й Сибирский корпус 12-й армии, насчитывавшие 107

тыс. человек и всего 377 орудий. Во время боев в распоряжение Гальвица прибыла 50-я резервная дивизия генерала Гольца (около 12 тыс. человек, 72 орудия).

⁴Наступление под Праснышем явилось частью задуманного начальником генерального штаба Фалькенгайном плана по объединению усилий германских и австро-венгерских войск с целью принудить Россию к заключению сепаратного мира. Но замысел Фалькенгайна не встретил одобрения у главнокомандующего Восточным германским фронтом Гинденбурга, который стремился в то же приблизительно время нанести удар по русским войскам в районе крепости Ковно, чтобы впоследствии развить наступление на Вильно и далее на Минск.

⁵11-я Сибирская дивизия под командованием генерала Зорако-Зораковского входила в состав 1-го Туркестанского корпуса и насчитывала 230 офицеров, 14 397 штыков, 26 пулеметов, 42 орудия.

⁶В состав 1-го Сибирского корпуса (командир — генерал Плешков) входили 1-я и 2-я Сибирские дивизии (25 560 штыков, 853 сабли, 49 пулеметов, 92 орудия).

⁷Подкрепления были взяты М. В. Алексеевым из 2-й и 4-й армий, а также из гарнизона крепости Новогеоргиевска.

⁸М. В. Алексеев имеет в виду начальные эпизоды Риги-Шавельской операции, которая продолжалась более месяца — 1 (14) июля — 7 (20) августа. Против 5-й армии генерала П. А. Плеве (четыре пехотные, шесть кавалерийских дивизий, три пехотные и две кавалерийские бригады — общая численность 117 тыс. человек, 365 орудий) наступала германская Неманская армия (шесть пехотных, пять кавалерийских дивизий, две пехотные и две кавалерийские бригады, два отдельных отряда — общая численность 115-120 тыс. человек, 600 орудий).

⁹Подробнее о нехватке винтовок и патронов в годы первой мировой войны см.: Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне // Воен.-истор. журнал. 1993. № 7.

¹⁰В ходе русско-японской войны М. В. Алексеев являлся генерал-квартирмейстером 3-й Маньчжурской армии. О катастрофе, постигшей русскую армию под Мукденом, см.: Воен.-истор. журнал. 1992. № 11.

¹¹М. В. Алексеев упоминает библейскую притчу о десяти невестах, ожидавших жениха. Пять мудрых дев, взяв светильники, захватили и масло для них, а пять неразумных о масле для светильников не побеспокоились. Жених пришел в полночь, и на брачное ложе вошли те, у кого светильники оказались зажженными.

¹²Продолжавшееся наступление противника вынуждало М. В. Алексеева в спешном порядке размышлять о путях отхода армий Северо-Западного фронта. Но самостоятельно принять решение на отход он не мог, так как перед ним была поставлена задача удерживать Варшаву.

¹³Подробнее о численности людей, призванных в годы первой мировой войны, и распределении их между фронтом и тылом см.: Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне // Воен.-истор. журнал. 1993. № 4, 6.

Примечания
И. А. АНФЕРТЬЕВА
Фото из архива автора

(Продолжение следует)

НАМ ПИШУТ

103160, Москва, К-160,
«Военно-исторический
журнал»

Очень прошу помочь оформить подписку на «Военно-исторический журнал», который выпускался с 1961 года. Мне почему-то отказали в подписке. К сожалению, могу выслать только украинские купоны. Возможно, вы разрешите мне самому приехать к вам и оформить подписку на два или три года.

А. Ф. САМОЙЛИК,
инвалид Великой Отечественной войны,
ветеран труда
(с. Бутенко Полтавской обл.)

Будет ли поступать по подписке ваш журнал, так как я, подписавшись на 9 месяцев, получил первые два номера. На местном узле связи мне ответили, что других номеров не поступало, и неизвестно, будет ли журнал в дальнейшем приходить в Мариуполь. В заключение скажу, что журнал очень интересен, я узнал многое из того, что не мог прочитать за всю свою службу. Желаю успехов. Пусть журнал и дальше будет хорошим пропагандистом нашей истории и истории российской армии.

Г. И. РЕБРОВ,
28 лет прослужил в Вооруженных Силах
(Мариуполь)

Шестой год с удовольствием читаю журнал. Работая в школе, и мне во многом он помогает. Особенно нравятся публикации под рубриками «Военная летопись Отечества», «Первые в отечественной прессе», «Из неопубликованных рукописей». Хотелось бы узнать и о «белых нятнах» нашей военной истории. Но, к сожалению, в связи с болезнью опоздал с подпиской и получаю теперь журнал только с четвертого номера. Первые три приобрести невозможно, так как в районе я один получаю журнал, в продаже его нет. Помогите.

Ю. В. ЛИХАНОВ,
(с. Исетское Тюменской обл.)

К сожалению, по уважительным причинам не смог подписаться на «Военно-исторический журнал» на второе полугодие. И теперь остался без любимого журнала, который читаю не один десяток лет. Однако не теряю надежды, что с вашей помощью смогу получить недостающие номера. Убедительно прошу помочь вашему верному и преданному читателю. Ведь в Казахстане достать ваш журнал невозможно.

В. Н. МАТБЕЕВ
(Караганда)

ОТ РЕДАКЦИИ.

К нам продолжают поступать десятки писем и телефонных звонков с просьбой помочь приобрести журнал. Сообщаем, что издательство «Красная звезда», не желая идти на убытки, продает редакции незначительное количество отдельных номеров журнала по цене, указанной в каталоге. Являясь бюджетной организацией, редакция не в состоянии купить журнал по себестоимости.

Подписчиков, не получивших своевременно «Военно-исторический журнал», просим обращаться в отдел распространения издательства «Красная звезда» по адресу: 123826, ГСП, Москва, Д-7, Хорошевское шоссе, 38 (тел. 941-39-52).

Мы приносим искренние извинения читателям, которым не в состоянии помочь в приобретении журнала.

Н. Н. ГОЛОВИН

ВОЕННЫЕ УСИЛИЯ РОССИИ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ХОД ВОЙНЫ И НАСТРОЕНИЯ АРМИИ И ТЫЛА В КАМПАНИЯХ 1914-1916 ГГ.

Великое отступление

Выход из создавшегося летом 1915 года положения был только один: отвод всех армий в глубь страны для того, чтобы спасти их от окончательного разгрома и для того, чтобы было с чем после восстановления снабжения продолжать войну. Но русская Ставка три месяца не может на это решиться. Только в первых числах августа начался грандиозный отход армий Северо-Западного фронта, проведенный с большим умением генералом Алексеевым. Много трагических переживаний выпадает на долю высшего русского командования за время этого отступления; сдаются крепости Новогеоргиевск и Ковно, очищаются крепости Ивангород, Гродно и Брест-Литовск, в тылу царит паника. Несколько раз германские клещи готовы окончательно захватить отходящие русские армии, но в последнем итоге к октябрю месяцу русские армии выходят из грозящего окружения и останавливаются на новой линии, протягивающейся от Риги на Двинск, озеро Нарочь и далее на юг, на Каменец-Подольск.

Мы указывали выше, что если можно упрекать нашу Ставку, так только в том, что она слишком поздно решилась на отвод наших армий в глубь страны. Это запоздание стоило много лишних жертв. В этом легко убедиться, если вспомнить цифры потерь русской армии за этот период.

В летнюю кампанию 1915 года русская армия теряет убитыми и ранеными 1 410 000 человек, т. е. в среднем 235 000 в месяц. Это рекордная цифра для всей войны. Средняя величина потерь в месяц для всей войны равняется 140 000. Пленными в ту же кампанию русская армия

теряет 976 000, т. е. по 160 000 в среднем в месяц. Если же взять только май, июнь, июль и август, то для каждого из этих четырех месяцев потеря пленными в среднем возрастает до 200 000. Среднее же таковое число в месяц для всей войны исчисляется в 62 000¹.

Решиться на отвод армий в глубь страны было для нашего высшего командования психологически чрезвычайно трудно. Всякое отступление подрывает дух войск, а такой грандиозный отход, как очищение громадной территории империи, именно всей Польши, Литвы, Белоруссии и части Волыни, должен был тяжело отразиться и на психике всей страны.

Для того чтобы понять, с каким трудом вынашивалась в нашем высшем командовании идея о необходимости общего отступления в глубь страны, следует перечитать мемуары лиц, находившихся при генерале М. В. Алексееве, на плечи которого выпал тяжелый крест отводить наши армии Северо-Западного фронта.

«Во время борьбы в «польском мешке», — пишет генерал Борисов, являвшийся доверенным генерала Алексеева по стратегическим вопросам, — в первый раз у меня возник сильный спор с Алексеевым. Я, исходя из опыта бельгийских крепостей и зная крепостное дело из прежней своей службы в Ивангородской крепости, в Генеральном штабе, настаивал на очищении нами не только Ивангорода, Варшавы, но и Новогеоргиевска. Но Алексеев ответил: «Я не могу взять на себя ответственность бросить крепость, над которой в мирное время так много работали». Последствия известны. Новогеоргиевск оборонялся не

Продолжение. См.: Воен.-истор. журнал. 1992. № 1, 2, 4, 6, 7, 9.

¹ За весь 1915 г. русская армия потеряла убитыми и ранеными более 2 000 000, пленными около 1 300 000.

год, не полгода, а всего лишь четыре дня по открытию огня немцами, или десять дней со дня блокады: 27 июля (9 августа) 1915 года обложен, а 6(19) августа пал. Это произвело на Алексеева очень сильное впечатление. Мы были уже в Волковыске. Алексей вошел в мою комнату, бросил телеграмму на стол, опустился в кресло со словами: «Новогеоргиевск сдался». Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга, потом я сказал: «Больно и обидно, но ничего на театре не изменятся». Алексей ответил: «Очень больно для государя и народа»².

Нельзя не согласиться с В. Борисовым, что раз отход наших армий из «польского мешка» в условиях летней кампании 1915 года был стратегической необходимостью, то очищение крепости явилось логически вытекающим следствием. Но большая разница: логически мыслить в качестве безответственного советчика или окончательно решать вопрос в качестве ответственного начальника.

В своих воспоминаниях генерал Палицын, тоже бывший в это время при генерале Алексееве, обрисовывает переживания нашего главного командования летом 1915 года более глубоко, нежели генерал Борисов. Из этих воспоминаний видно, с каким трудом решались на это не только генерал Алексей (главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта), но и Ставка, т. е. Верховное главнокомандование. «Общее положение, — записывает генерал Палицын³ 26 мая (8 июня) 1915 года, — предлагает нам два простых вопроса: Россия или Польша. Причем представительницей интересов первой является армия. Обстановка на всем фронте такова, что именно эти вопросы требуют ответа; и кто, спрашивается, может и должен дать этот ответ: главнокомандующий (т. е. генерал Алексей) ответить на эти два вопроса не может. Они не в круге его ведения. Верховный главнокомандующий и его Генеральный штаб стоят перед ними, и оттуда должен прийти ответ и повеление. Но и наша мысль также работает над этими вопросами, и мы оцениваем их под влиянием наших нужд и нашей жизни. Главнокомандующий (генерал Алексей) чувствует и, скажу, видит, насколько положение наше при отсутствии средств к борьбе хрупко; он видит и необходимый в наших условиях исход. Гуляя вечером между хлебами, мы в разговоре часто к нему подходим и скоро от него отходим. Мы как-то боимся своих мыслей, ибо все затруднения, которые должны возникнуть при первом шаге его исполнения, нам ясны. Не неся никакой ответственности, я смелее в своих решениях, ибо они умозрительного свойства, но мне понятны те муки и тревоги, которые длительно и ежечасно переживаются главнокомандующим, тем более что наше внутреннее, по отношению противника, положение нелег-

кое, в особенности ввиду совершающегося на Юге⁴ оно еще усугубляется до состояния безнадежности вследствие отсутствия средств для борьбы».

24 июня (7 июля) 1915 года генерал Палицын, опять затрагивая вопрос о необходимости отводить наши армии в глубь страны, записывает⁵: «Михаил Васильевич прекрасно знает это; знает, что вопросы эти требуют заблаговременного решения, что они сложны и последствия этого решения чрезвычайно важны. Дело не в Варшаве и Висле, даже не в Польше, а в армии. Противник знает, что у нас нет патронов и снарядов, а мы должны знать, что не скоро их получим, а потому, чтобы сохранить России армию, должны ее вывести отсюда. Массы, к счастью, это не понимают, но в окружающем чувствуется, что назревает что-то неладное. Надежда удержаться нас не оставляет, ибо нет ясного сознания, что пассивное удержание нашего положения само по себе есть одно горе при отсутствии боевого снабжения. В таких тяжелых условиях протекает творческая работа главнокомандующего, и помочь ему нельзя, ибо решения должны исходить от него».

Если столь психологически трудным было положение генерала Алексеева, главнокомандующего Северо-Западным фронтом, то насколько тяжелее было творчество Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, от которого катастрофическая обстановка в лето 1915 года требовала решиться на отвод русских армий в глубь страны. Верховный главнокомандующий и его Ставка не могли не сознавать всех ужасающих последствий, связанных с подобным отступлением.

В многомиллионной солдатской массе росли слухи об измене. Эти слухи становились все сильнее и сильнее и проникали даже в среду более интеллигентных лиц. Причиной, дающей особую силу этим слухам, являлось то обстоятельство, что происшедшая катастрофа в боевом снабжении как бы оправдывала те мрачные предположения, которые нашли сильное распространение еще в конце 1914 года.

Моральное воздействие отступления на армию

Генерал Нокс, внимательно наблюдавший за состоянием русской армии, записывает в августе месяце в своих воспоминаниях: «Дух русской армии проходит через многие тяжелые испытания, только одного из которых было бы достаточно, чтобы подорвать дух многих других армий. Нельзя не поражаться тому, что многие из выдающихся начальников настолько подавлены убеждением в техническом превосходстве немцев, что считают, что немец все может. Это естественное, но нездоровое

² Борисов В. Генерал Алексей // Военный сборник. № 2. Белград. С. 13, 14.

³ Военный сборник. № 3. Белград. С. 178, 179.

⁴ В это время армии нашего Юго-Западного фронта, буквально истекая кровью, должны были отступать из Галиции.

⁵ Военный сборник. № 4. С. 278.

явление. Среди солдатской массы было много случаев сдачи в плен и дезертирства в тыл. Предпринимаемые строгие меры и наказания, по-видимому, мало действительны.

...Число заболевших громадно. Отыскиваются всякие предлоги, чтобы уйти в тыл. Среди солдат распространяется убеждение, что не стоит драться, раз везде бьют».

Далее генерал Нокс упоминает об одном из писем, которые в большом числе посылались из рядов войск прямо главнокомандующему с критикой ближайшего начальства. Весьма вероятно, что многие из этих писем были написаны из патристических чувств и некоторые из них были справедливы, но самый факт их появления являлся ярким признаком падения доверия к начальникам и падения дисциплины.

Пессимистическое настроение фронта передавалось в тыл при посредстве тысячи нитей, связывающих современную многомиллионную армию с народом. Письма к родным, жалобы раненых, рассказы возмущенных представителей общественности являлись теми каплями, что составляют целые потоки мрачных настроений и которые в конце сливались в океан общего недовольства и растерянности. Генерал Сериньи в своей очень интересной книге, составленной на основании наблюдений на Французском театре военных действий, пишет: «Кризис недоверия начинается всегда среди тех, которые не сражаются. Мармон в своем «Духе военных учреждений» рассказывает, что бегство всегда начиналось среди солдат последних рядов фаланги. Этот случай повторялся на полях сражения во время мировой войны: обычно писари и чиновники всякого рода первые бросали свои посты. Да и было бы удивительно, если бы было иначе, потому что менее приученные к боевым переживаниям, менее дисциплинированные, а главное, менее поглощенные битвой, эти люди слабели духом гораздо раньше своих товарищей, непосредственно ощущавших реальности боя.

...Кризис недоверия необычайно увеличивается по мере удаления от поля битвы. Какой-то оптический обман увеличивает все явления, удачи, как и неудачи. Тыл составляет себе мнение не на основании действительного положения, а на основании рассказов раненых и беженцев, извращающих факты в зависимости от своего душевного состояния. Преувеличение являлось правилом. Поэтому можно утверждать, что, как правило, положение никогда не бывает таким хорошим или таким плохим, каким оно кажется на первый взгляд людям, находящимся в тылу.

...Из всего вышесказанного ясно, что душевное состояние высшего начальника может быть подорвано событиями гораздо раньше, чем дух его войск.

...Многочисленные доказательства последнего мы имели в течение мировой войны, у наших союзников и у наших врагов...

Чем дальше удаляться с поля битвы, тем больше факты деформируются, плохие из-

вестия раздуваются вследствие своего прохождения через многочисленные уста и страх, называя вещи своим именем, растет. Воображение, играя свою обычную роль, наполняет умы химерами. Самое удаление опасности окружает ее еще большими ужасами. Пессимизм развивается, как во времена Ксенофонта, в самых задних рядах фронта. Одним словом, кризис недоверия начинается в тылу и, по современному масштабу войны, среди самой нации...»

Такого же рода психологическое явление имеет место и у нас в летнюю кампанию 1915 года. Для того чтобы показать, насколько увеличивалась подавленность настроения по мере удаления от боевых линий в тыл, мы сошлемся на четыре документа, относящихся к одному и тому же периоду времени:

- 1) на письмо одного из командиров пехотных полков;
- 2) на письмо одного из командиров армейских корпусов;
- 3) на письмо начальника штаба Верховного главнокомандующего;
- 4) на доклады военного министра генерала Поливанова на секретных заседаниях Совета министров.

Упомянутые только что письма адресованы генералу Поливанову, который и ссылается на них в своих воспоминаниях. Следовательно, читая доклады самого генерала Поливанова в Совете министров, мы можем проследить, каково было различие в настроении на различных ступенях военно-иерархической лестницы.

Командир лейб-гвардии гренадерского полка генерал Рыльский описывает в частном письме к генералу Поливанову участие полка в бою 6-11 июня (19-24 июня) 1915 года у с. Крупе, в котором полк понес потери в 36 офицеров и около 2500 нижних чинов. Это письмо он заканчивает так: «Армия, насколько мы можем судить, ожидает какого-то события, которое должно повернуть войну в нашу пользу. Один слух, самый якобы достоверный, сменяется другим. По последней версии к нам перевозится японская армия и тогда война решится одним ударом. Многие уже видели японцев в тылу. Массовая галлюцинация».

Письмо генерала Рыльского верно схватывает настроение армии. Хотя вера в свои силы и подорвана, но надежда на окончательную победу в рядах бойцов еще есть. Отходя назад, войска дерутся, льют реки крови, но, по существу говоря, нигде не бегут.

Командир 29-го корпуса генерал Зуев пишет генералу Поливанову о крайне неудовлетворительной постановке вопроса укомплектования армии, о громадной убыли в офицерском составе армии, о колоссальном превосходстве противника в вооружении: «Немцы вспахивают поля сражений градом металла и ровняют с землей всякие окопы и сооружения, заваливая часто их защитников землею. Они тратят металл, мы — человеческую жизнь. Они идут вперед, окрыленные успехом, и потону дерзают; мы ценою тяжких потерь и

пролитой крови лишь отбиваемся и отходим. Это крайне неблагоприятно действует на состояние духа у всех».

Письмо далеко не безнадёжное. Действительность обрисована мрачными красками, но надежда выйти из этого тяжелого положения не потеряна.

Так и переживал фронт катастрофу 1915 года. Личные впечатления автора совершенно совпадают с изложенным в только что упомянутых двух письмах.

Моральное воздействие отступления в тылу

А вот письмо из тыла. Пишет начальник штаба Верховного главнокомандующего тому же генералу Поливанову: «Получаются сведения, что в деревнях при участии левых партий уже отпускают новобранцев (призыв 15 мая) с советами: не драться до крови, а сдаваться, чтобы живыми остаться. Если будет 2-3-недельное обучение с винтовкой на 3-4 человека да еще такое внушение, то ничего сделать с войсками станет невозможно. Уже были одобрены его величеством две меры: 1) лишение семейств лиц, добровольно сдавшихся, пайка и 2) по окончании войны высылка добровольно сдавшихся в плен в Сибирь для ее колонизации. Было бы крайне желательным внушить населению, что эти две меры будут проведены неукоснительно и что наделы перейдут к безземельным, честно исполнявшим свой долг. Вопрос кармана (земли) довлеет над всеми. Авторитетнее Думы в смысле осуждения добровольной сдачи и подтверждения необходимости возмездия нет никого. Не желая обращаться по этому вопросу к Родзянко в обход правительства, великий князь поручил мне просить Вас, не найдете ли возможным использовать ваш авторитет в сфере членов Думы, чтобы добиться соответствующего решения, хотя бы мимоходом в речи Родзянко или лидера центра, что, очевидно, те нижние чины, которые добровольно сдаются, забывая долг перед Родиной, ни в коем случае не могут рассчитывать на одинаковое к ним отношение, что меры воздействия в виде лишения пайка и переселения их всех после мира в пустынные места Сибири вполне справедливы. Глубоко убежден и что это произведет огромный эффект. Правительство же (министерство внутренних дел) могло бы через губернаторов перед набором и призывом также внушить эту мысль. Тогда на фронт приходил бы не заранее готовый сдаться элемент, а люди долга...

Прошу извинения за назойливость, но как тонущий, хватающийся за соломинку, ищу спасения тяжелому положению в ряде мер...

Так писать мог только человек, окончательно изверившийся в своей армии и совершенно потерявший голову.

А теперь посмотрим, как преобразуются в представлении самого генерала Поливанова полученные им сведения. Это уже форменная паника.

«Считаю своим гражданским и служебным долгом заявить Совету министров, что

Отечество в опасности»⁶, — так на заседании Совета министров 16(29) июля 1915 года приступил военный министр генерал Поливанов к своему очередному докладу о положении на фронте. «В голосе его чувствовалось что-то повышенно резкое, — записывает помощник управляющего делами Совета министров А. Н. Яхонтов. — Приходящая ему некоторая театральность речи и обычно заметное стремление влиять на слушателя образностью выражений ступеневато на этот раз потрясаящим значением произнесенных слов. Воцарилось томительное молчание. Наступившая тишина казалась невыносимой, бесконечной... Когда прошли первые минуты, когда охватившее всех нервное напряжение немного ослабло, председатель Совета министров И. Л. Горемыкин обратился к А. А. Поливанову с просьбой объяснить, на чем он строит столь мрачное заключение.

...Военный министр в общих чертах нарисовал картину фронта. Наше отступление развивается с возрастающей быстротой, во многих случаях принимающей характер чуть ли не панического бегства...⁷ Во всяком случае для каждого мало-мальски знакомого с военным делом человека ясно, что приближаются моменты, решающие для всей войны. Пользуясь огромным преобладанием артиллерии, немцы заставляют нас отступать одним артиллерийским огнем. В то время как они стреляют из орудий чуть ли не по одиночкам, наши батареи вынуждены молчать даже во время серьезных столкновений. Благодаря этому, обладая возможностью не пускать в дело пехотные массы, неприятель почти не несет потерь, тогда как у нас люди гибнут тысячами. Естественно, что с каждым днем наш отпор слабеет, а вражеский натиск усиливается. Где ждать остановки отступления — Богу ведомо. Сейчас в движении неприятеля все более обнаруживаются три главнейших направления: на Петербург, на Москву и на Киев... В слагающейся обстановке нельзя предвидеть, чем и как удастся нам противодействовать развитию этого движения⁸. Войска утомлены бесконечными поражениями и отступлениями. Вера в конечный успех и в вождя подорвана. Заметны все более грозные признаки надвигающейся деморализации. Учащаются случаи дезертирства и добровольной сдачи в плен. Да и трудно ждать порыва и самоотвержения от людей, вливаемых в боевую линию безоружными с приказом подбирать винтовки убитых товарищей».

На заседании 30 июля (12 августа) генерал Поливанов рисует столь же мрачную картину: «На театре войны беспросветно. Отступление не прекращается». А. А. Поливанов говорит, что он не в состоянии дать сколько-нибудь отражающей действительность картины фронта. Вся армия постоянно передвигается внутрь страны, и линия меняется чуть ли не каждый час. Демора-

⁶ Яхонтов А. Н. Тяжелые дни. // Архив русской революции. Т. 18.

⁷ Это не соответствовало действительности (Примеч. Н. Г.)

⁸ Сильно преувеличенное заключение (Примеч. Н. Г.)

лизация, сдача в плен, дезертирство принимают грандиозные размеры. Ставка, по видимому, окончательно растерялась, и ее распоряжения принимают какой-то истерический характер. Вопли оттуда о виновности тыла не прекращаются, а, напротив, усиливаются и являются водою на мельницу противоправительственной агитации⁹.

Пессимизм генерала Поливанова отвечает общему настроению Совета министров, и мы считаем, что А. Н. Яхонтов правильно озаглавил бы свою запись не «Тяжелые дни», а «Дни паники». Эта паника вызвана была стратегически правильным решением Верховного главнокомандующего об отводе армии в глубь страны. Это был, как мы уже говорили, единственный способ спасти армию и сохранить дальнейшую возможность продолжать борьбу, и единственное, в чем можно упрекнуть Ставку, это в том, что она приняла это героическое решение слишком поздно, пролив много лишней крови.

Но Совет министров не в состоянии это понять. Он весь под впечатлением тех ближайших тяжелых последствий, которые вызываются нашим отступлением. Одним из этих тяжелых последствий явилось бегство. И вот министры под непосредственным впечатлением масс беженцев, уходящих вместе с нашими войсками в глубь страны, обрушиваются на Ставку.

Для примера приведем резкое обмена мнениями министров на секретном заседании 30 июля (12 августа), записанного А. Н. Яхонтовым: «В моих записях набросано лишь общее содержание этой беседы, без отметок, кто и что говорил. Ставка окончательно потеряла голову. Она не отдает себе отчета в том, что она делает, в какую пропасть затягивается Россия. Нельзя ссылаться на пример 1812 года и превращать в пустыню оставляемые неприятелю земли. Сейчас условия, обстановка, самый размах событий не имеют ничего общего с тогдашним. В 12-м году маневрировали отдельные армии, причем район их действий ограничивался сравнительно небольшими площадями. Теперь же существует сплошной фронт от Балтийского чуть ли не до Черного моря, захватывающий огромные пространства на сотни верст. Опустошать десятки губерний и выгонять их население в глубь страны равносильно осуждению всей России на страшные бедствия. Но логика и веления государственных интересов не в фаворе у Ставки. Штабские рассуждения должны умолкать перед военной необходимостью, какие бы ужасы под нею ни скрывались. В конце концов внешний разгром России дополняется внутренним...»¹⁰

А вот текстуальное заявление, сделанное на этих же заседаниях одним из наиболее влиятельных министров А. В. Кривошеиным: «Из всех тяжких последствий войны это явление (бегство. — И. А.) самое неожиданное, самое грозное и самое непоправимое. И что ужаснее всего — оно не вызвано действительно необходимостью или народным порывом, а придумано мудрыми стратегами для устрашения неприятеля.

Хороший способ борьбы! По всей России расходятся проклятия, болезни, горе и бедность. Голодные и оборванные повсюду вселяют панику, угащаются последние остатки подъема первых месяцев войны. Идут они сплошной стеной, топчут хлеб, портят луга, леса. За ними остается чуть ли не пустыня, будто саранча прошла либо Тамерлановы полчища. Железные дороги забыты, передвижение даже воинских грузов, подвоз продовольствия скоро станут невозможными, но знаю, что творится в оставляемых неприятелю местностях, но знаю, что не только ближний, но и глубокий тыл нашей армии опустошен, разорен, лишен последних запасов. Я думаю, что немцы не без удовольствия наблюдают повторение 1812 года. Если даже они лишаются некоторых местных запасов, то вместе с тем они освобождаются от заботы о населении и получают полную свободу действий в безлюдных районах. Впрочем, эти подробности не в моей компетенции. Очевидно, они были своевременно взвешены Ставкой и были тогда признаны несущественными. Но в моей компетенции, как члена Совета министров, заявить, что устраиваемое Ставкой великое переселение народов влечет Россию в бездну, к революции и к гибели»¹¹.

Изучение протоколов секретных заседаний Совета министров крайне интересно не только в отношении того падения духа и растерянности, которые были вызваны в тылу отступлением наших армий. Это изучение вскрывает также и то недовольство Ставкой, которое все растет. Несомненно, что Ставкой было сделано раньше много ошибок. Делалось также много ошибок и в период отступления 1915 года. Мы согласны даже с мыслью, что наша Ставка как высший орган Генерального штаба была по сравнению с такими же органами французской, британской, германской и австро-венгерской армий хуже подготовлена. Но размах самих событий был столь велик, что ошибки были вполне естественны, и не в пылу самого исполнения труднейшей стратегической операции допустима была такая беспощадная критика в центральном органе правительства. Странно видеть то, что члены правительства говорят о «размахе событий» и не хотят видеть, что ведение войны в таких условиях требует и «размаха жертв».

Собеседования министров чрезвычайно показательны в социально-психологическом отношении.

Члены Совета министров, нападая на Ставку, не отдавали себе отчета, как мы увидим далее, что они собственными руками подготовляют смену Верховного главнокомандующего. Председатель Совета министров это чувствует и предупреждает своих коллег по Совету. «Я не возражаю против такой постановки, — говорит И. Л. Горемыкин по поводу решения Совета министров просить государя о созыве заседания под высочайшим председательством для того, чтобы «открыть царю правду», — но считаю долгом еще раз повторить перед Советом министров мой настойчивый

⁹ Яхонтов А. Н. Указ. соч. С. 30.

¹⁰ Там же. С. 32.

¹¹ Там же. С. 37.

совет с чрезвычайной осторожностью говорить перед государем о делах и вопросах, касающихся Ставки и великого князя. Раздражение против него принимает в Царском Селе характер, грозный последствиями. Боюсь, как бы наши выступления не явились поводом к тяжелым осложнениям»¹².

Кризис в верховном главном командовании

Изучаемые нами протоколы вскрывают, что сами министры, несомненно, подготовляли кризис Верховного главнокомандования. Но делали это они бессознательно, ибо они так же, как и вся Россия, глубоко почитали самого Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича.

На заседании 6 (19) августа генерал Поливанов, обрисовав самыми сгущенными красками тяжелое положение армии, заявил: «Как ни ужасно то, что происходит на фронте, есть еще одно, гораздо более страшное событие, которое угрожает России. Я сознательно нарушу служебную тайну и данное мною слово до времени молчать. Я обязан предупредить правительство, что сегодня утром на докладе его величество объявил мне о принятом им решении устранить великого князя и лично вступить в командование армией».

«Это сообщение военного министра, — записывает далее А. Н. Яхонтов, — вызвало в Совете сильнейшее волнение. Все заговорили сразу, и поднялся такой перекрестный разговор, что невозможно было уловить отдельных выступлений. Видно было, до какой степени большинство потрясено услышанной новостью, которая явилась последним оглушительным ударом среди переживаемых военных несчастий и внутренних осложнений»¹³.

Мы не приводим здесь полностью того обмена мнениями, который произошел вслед за тем между министрами и который слово в слово записан А. Н. Яхонтовым. Это привело бы к слишком большому удлинению выдержек из работы последнего. Этот обмен мнениями чрезвычайно показателен. Из него видно, каким общим доверием пользуется имя Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича.

«... Великий князь Николай Николаевич, — говорит министр внутренних дел князь Щербатов, — несмотря на все происходящее на фронте, не потерял своей популярности как в армии, так и в широких кругах населения, с его именем связаны надежды на будущее»¹⁴.

В таком же духе говорят все министры, и в том числе А. В. Кривошеин, резкое осуждение Ставки которого мы выше приводили; теперь он говорит: «... популярность великого князя еще крепка, и он является лозунгом, вокруг которого объединяются последние надежды. Армия тоже, возмущаясь командирами и штабами, считает Ни-

колая Николаевича истинным вождем. И вдруг смена Верховного главнокомандования. Какое безотрадное впечатление и в обществе, и в народных массах, и в войсках. Я понимаю тех, кто говорит, что потеряешь равновесие душевное. Нужно иметь особенные нервы, чтобы выдерживать все происходящее. Россия переживала более тяжелые эпохи, но никогда не было такой, когда все делается к тому, чтобы еще усложнить и запутать и без того безвыходное положение»¹⁵.

В течение целого ряда последующих заседаний Совет министров нервно обсуждает вопрос о предстоящей смене Верховного главнокомандования. Он даже боится возмущения в стране.

Московская городская дума посылает приветствие великому князю Николаю Николаевичу с выражением к нему непоколебимого доверия. Генерал Поливанов на секретном заседании 19 августа (1 сентября) на предложение председателя Совета министров И. Л. Горемыкина «не отвечать всем этим болтунам и не обращать на них внимания» заявляет: «Не могу согласиться с предлагаемым г. председателем Совета министров упрощенным решением вопроса величайшей политической важности. Важно иметь в виду, что городское управление первопрестольной столицы на всю Россию заявляет о своем непоколебимом доверии к великому князю Верховному главнокомандующему, как вождю наших армий против врага. На этот факт мы должны обратить внимание его величества и просить отложить свой отъезд в Ставку и смену командования»¹⁶.

«Нельзя не считаться с тем, — говорит вслед за этим обер-прокурор святейшего синода А. Д. Самарин, — что постановление о доверии великому князю было принято Московской городской думой единогласно. Даже Шмаков и его приверженцы голосовали за резолюцию. При таких условиях было бы трудно квалифицировать ее как революционную. Не революция, а бесконечный страх за будущее. Нам нужно честно, без утайки и оговорок объяснить государю, что задуманный им шаг помимо всего прочего является величайшим риском для династии. Как верно-подданные слуги русского царя, с которым связана судьба нашей Родины, мы обязаны сказать, что увольнение великого князя недопустимо, что мы не отвечаем за порядок и безопасность в стране»¹⁷. В результате министры на заседании 20 августа (2 сентября), происходившем под личным председательством государя, обратились к нему с просьбой не производить смены Верховного главнокомандующего.

21 августа (3 сентября) все министры, за исключением председателя Совета министров И. Л. Горемыкина и министра юстиции А. А. Хвостова, послали государю императору коллективное всеподданнейшее письмо следующего содержания: «Всемилюстивейший государь, не поставьте нам в вину наше смелое и открытое обращение

¹² Там же. С. 25, 26.

¹³ Там же. С. 52, 53.

¹⁴ Там же. С. 53.

¹⁵ Там же. С. 55.

¹⁶ Там же. С. 82, 83.

¹⁷ Там же. С. 85.

ние к Вам. Поступить так нас обязывает верноподданныческий долг, любовь к Вам и Родине и тревожное сознание грозного значения совершающихся ныне событий...

Вчера на заседании Совета министров под Вашим личным председательством мы повергли перед Вами единодушную просьбу о том, чтобы великий князь Николай Николаевич не был отстранен от участия в Верховном командовании армией. Но мы опасаемся, что Вашему императорскому величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смеем думать, всей верной Вам России...

Государь, еще раз осмеливаемся Вам высказать, что принятие Вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями...

На том же заседании воочию сказалось коренное разномыслие между председателем Совета министров и нами в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении образа действий правительства. Такое положение, во всякое время недопустимое, в настоящие дни губительно...

Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и Родине...

Вашего императорского величества верноподданные: Петр Харитонов¹⁸, Александр Кривошеин¹⁹, Сергей Сазонов²⁰, Петр Барк²¹, князь Н. Щербатов²², Александр Самарин²³, граф Павел Игнатьев²⁴, князь Всеволод Шаховской²⁵.

Так говорят и действуют те же лица, которые только что перед этим буквально носили Ставку и при этом в своей критике затрагивали не только вопрос исполнения, но и принципиальные стратегические решения. Таким принципиальным решением явился отвод русской армии в глубь страны, и это решение могло исходить только от самого Верховного главнокомандующего. Таким образом, в своей критике министры, по существу дела, нападали и на Верховное главнокомандование.

Интересно проследить по мемуарам самого военного министра Поливанова, как он относился к вопросу о смене великого князя. В этих мемуарах генерал Поливанов является противником смены. Он рассказывает, как он старался ее предотвратить, и нет основания заподозривать искренность его записей.

Но как же тогда совместить его доклады в Совете министров? Ведь они являются тем маслом, которое все время подливало в огонь.

Мы уже говорили выше о том психологическом явлении, которое наблюдалось не

только на русском, но на других фронтах: пессимизм растет по мере удаления от боевых линий. Общее отступление наших армий вызывает панику в тылу и в том числе в Совете министров. О паническом настроении самого генерала Поливанова свидетельствует один поразительный факт. На заседании Совета министров 12(25) августа, рассказывая о своей поездке в Ставку с письмом государя к великому князю, в котором писалось о смене Верховного главнокомандующего, генерал Поливанов говорит: «Должен сознаться, что я отправлялся в Ставку с весьма смутным чувством. Отнюдь не будучи уверен в благополучном исходе моей миссии. К счастью, мои опасения не оправдались. Великий князь, как я подозреваю по некоторым признакам, уже был предупрежден об ожидающейся перемене, но не знал, в какой форме она произойдет, и, по-видимому, боялся худшего. Прочтя письмо, его высочество обрадовался и принял меня как вестника милости необычайной. Ни о какой возможности сопротивления или неповиновения не может быть и речи».

Каждому бывшему в те времена на фронте хорошо известно, что не было абсолютно никаких данных опасаться какого бы то ни было переворота. Кроме того, рыцарский и лояльный характер самого великого князя должен был бы заставить откинуть всякое опасение подобного рода. Между тем из слов генерала Поливанова видно, что он опасался именно неподчинения великого князя повелению государя императора, т. е., по существу дела, переворота. Такое опасение могло родиться только в панически настроенном воображении.

Наши общественные круги переживали отступление наших армий в глубь страны с большим спокойствием, нежели само правительство. На них сильное впечатление производит не самый факт отхода, а те причины, которые его вызвали. На первом месте среди этих причин ставится катастрофа в боевом снабжении. Поэтому красной нитью проходит осуждение правящих верхов и стремление общественности захватить руководство тыловой работой в свои руки. Правда, последняя мысль не высказывается прямо.

Несомненно, что удаление великого князя Николая Николаевича обуславливалось также и влиянием, идущим из непосредственного окружения императора. Напечатанные ныне письма императрицы Александры Федоровны не оставляют в этом сомнения. Но мы настаиваем на том, что под влиянием революционных настроений эта смена слишком исключительно приписывалась влиянию личного характера. Несомненно, что общие причины в вопросе смены Верховного главнокомандующего имели на государя большее влияние, чем личные мотивы, и нет никаких оснований заподозривать искренность слов государя, объявившего свое вступление в командование армией желанием лично стать во главе войск в минуты катастрофы.

¹⁸ Государственный контролер.

¹⁹ Главноуправляющий землеустройством и земледелием.

²⁰ Министр иностранных дел.

²¹ Министр финансов.

²² Министр внутренних дел.

²³ Обер-прокурор святейшего синода.

²⁴ Министр народного просвещения.

²⁵ Министр торговли и промышленности.

Россия на Голгофе

(Из походного дневника 1914–1918 гг.)

28 октября
Финляндия

Выйдя из состава Временного правительства, я уехал в Финляндию. Как здесь тихо, хорошо. Душа отдыхает. Даже газеты не приходят на этот далекый, печальный в пелене осеннего тумана остров. Кажется, что водоворот жизни, бешено крутясь, выбросил меня на берег, и странно в первую минуту вместо кипения и сумятицы кругом, вместо людей взволнованных, рвущихся, бьющихся в путях жизни увидеть лишь тихий лес и молчаливое озеро. И все же дает о себе знать рана в душе, предчувствие неизбежности катастрофы, с которой люди не только не хотели бороться, но даже не хотели ее осознавать. Опять воспоминания только что пережитого волнуют и мучают. 19-го я заявил о своей отставке. 20-го объехал все руководящие политические центры Петрограда, а вечером делал доклад в соединенной комиссии по обороне и иностранным делам предпарламента. С открытой трибуны я не мог сказать всего, но на закрытом заседании говорил всю правду, как она раскрылась передо мной сейчас, после краткосрочной работы в министерстве, ничего не скрывая. Я шел на все последствия и толкования моего поступка, так как в минуту, когда все готово рухнуть, не место дипломатии. Глубокое знакомство с обстановкой в армии и в стране привело меня к сознанию бессилия что-либо сделать при том объеме прав, которые мне предоставлены, а потому нужно или это положение изменить, чтобы возможно было перейти к решительной борьбе, или уйти, подчеркнув тем еще раз всю серьезность положения страны.

Тезисы моего доклада комиссии предпарламента были следующие:

1. Армия в девять с половиной миллионов человек стране не по средствам. Мы ее не

можем прокормить. По данным министра продовольствия, только что лично побывавшего на юге, максимум, что мы можем содержать, это семь миллионов человек. Дальше. Мы не можем эту армию ни одеть, ни обуть. Вследствие падения производительности труда после революции и недостатка сырья количество изготавливаемой обуви упало вдвое против 1916 года, теплой одежды к октябрю едва хватит для удовлетворения потребности наполовину. Только к январю мы сможем дать на весь фронт нужное количество одежды. Между тем, отпустив 600–700 тыс. человек, Ставка категорически заявила, что дальше ни один солдат отпущен быть не может. Ставка, стоящая во главе этого дела, после всех расчетов и зная обстановку внутри страны, считает дальнейшее сокращение армии опасным с точки зрения обороны. Не будучи хозяином этого дела, я не могу изменить решения Ставки; здесь, значит, непримиримый тупик, если люди, руководящие обороной страны, не будут заменены другими, способными найти выход из создавшегося противоречия. Если же оставить все это в его теперешнем положении, то иного выхода, как заключение мира, нет.

2. Наши расходы достигли в день 65 млн. рублей, из которых только 8 идет на общегосударственные нужды, все остальное — на войну, считая довольствие, обмундирование, снаряды, оружие, постройки, пайки семьям, примерно по 6 рублей в среднем на каждого призванного. Между тем, по сообщению министра финансов, мы живем без доходов, единственно на печатном станке, так как налоги перестали поступать. Станок же дает 30 млн. бумажек в день. Таким образом, 1 января 1918 года образуется дефицит в 8 млрд. рублей. Изменить это положение можно только решительным сокращением расходов на войну, но так как Ставка не считает возможным уменьшить армию, то и здесь тупик.

3. Армию разрушает агитация большевиков, внося разложение в самые основы ее

Окончание. См.: Воен.-истор. журнал. 1992. № 10–12; 1993. № 1, 3–5, 7, 8.

организации, в отношении к командному составу. Но средства борьбы с большевизмом нет, так как он обещает мир и масса на его стороне, поэтому разрушение армии прогрессирует и его остановить нечем. Мы же со своей стороны никаких реальных шагов для приближения мира, единственного, что может изменить психологию масс и тем самым дать нам опору в силе оружия, не предпринимаем, считая, что управимся с движением иначе. Так как все это совершенно неверно, так как, ссылаясь на нашу неспособность, нас выбросят вон, и те, кто нас заменит, не постесняются заключить какой угодно мир, это снова тупик, ужасный, с одним только выходом: вынудить союзников согласиться на переговоры о мире, иначе это им же принесет неисчислимый вред.

4. Армию можно строить, лишь опираясь на командный состав. В теперешних условиях это невозможно. Офицеры требуют исполнения своего долга перед Родиной — идти на смерть, видя в этом спасение страны, а солдаты, сбитые с толку пропагандой, не понимают, за что они должны умирать. На этом создается разрыв между офицером и солдатом, делающий командование армией невозможным. Мер к разъяснению этого народу мы не принимаем. Поэтому взгляд солдата на офицера, как на своего врага, заставляющего его «бессмысленно» умирать, не меняется, и исправить дела нельзя, если не пойти на крупные решения, на которых я настаивал.

Члены предпарламента меня спросили: «Что же делать?» Я изложил свою программу, не скрыв, что подал в отставку, так как не имею возможности ее осуществить. Я чувствовал, что мог бы сделать многое, но для этого нужно иметь специальные полномочия, специальные права. Впечатление на собрание было произведено потрясающее, но я видел ясно, что это впечатление враждебно сказанному мной. Люди не верят той правде, которая развернута перед ними во всей своей неприглядности. Действительно, жутко делается, сердце сжимается мукой от всего, что приходится переживать. Политики убеждены, что, пережив уже не один кризис власти, и на этот раз можно будет как-нибудь обойтись без крупных решений. Молчать в такую минуту преступно. Зная, что не получу поддержки, я все же считал, что такой доклад в предпарламенте был необходим, как апелляция к обществу, ко всем людям, которые думают в минуту, когда еще не поздно что-то сделать. Сейчас ведь от руководящих политических кругов требуется одно — санкция и поддержка предложенного им решения в области международной политики. Решение трудное, так как союзники сразу не согласятся на те шаги, на которых я настаиваю. Увы! Они еще меньше понимали обстановку в стране,

чем мы. Не учитывали, что путь, который я указывал, один только может сохранить Россию как военную силу. Иначе разрушение армии и выход России из коалиции неминуемы. Другое большое решение — сокращение армии дальше нормы, указанной Ставкой, и борьба с анархией силой оружия. Надо рискнуть во имя общих интересов страны пренебречь численностью армии — одним из элементов ее силы. При этом мы должны быть готовы к тому, что противник будет в состоянии оттеснить нас на восток, занять многие важные центры. Но эта опасность, конечно, гораздо менее страшна, чем выход из коалиции и сепаратный мир. Что же касается борьбы с анархией силой оружия, то я представляю себе вой негодования черни и крики: «Контрреволюция!», если эта мысль будет осуществлена. Тем не менее я глубоко верил в успех этой борьбы.

Я хотел уйти так, чтобы это не произвело вредного впечатления на армию. Военный министр уходит в отставку вследствие несогласия Временного правительства идти на мир с Германией, а я боялся, что именно так¹ может быть истолкован мой уход. Вопрос о мире в армии стал настолько болезненным, что мои товарищи по кабинету не решались громко назвать причины моего ухода. Я подал в отставку 19 октября, а они 22-го поместили приказ, что я увольняюсь в отпуск на 2 недели без прошения. Поэтому мне пришлось молчать и слушать весь вздор, все гадкие сплетни, всю грязь, которую тогда обо мне говорили. Люди видели «революционную фразу», «революционный жест» и не замечали сути и целей, ради чего все делалось. А так хотелось, чтобы массы поверили искреннему желанию работать над спасением страны, стремлению отвести Россию от пропасти, в которую ее тянет Германия. Впрочем, часть этой задачи мной осуществлена. Доверие есть. Я знаю сейчас определенно, что в любую минуту могу даже вывести массы на улицу. Но для русского общества я новый человек и не могу убедить в необходимости тех резких шагов, на которых настаиваю и без которых катастрофа кажется неизбежной. В то же время раз нет сотрудничества всей интеллигенции и всего народа в такую страшную минуту, как сегодня, то ничего для спасения страны сделать нельзя. И вот... скопленный капитал доверия масс погибает без пользы.

Непонимание моей работы доходит до того, что многие боятся, не захочу ли я использовать создавшееся положение для авантюры. Керенский взял даже с меня слово, что я срочно уеду из Петрограда. Все это бесконечно больно, тяжело. Судьба народа складывается из тысячи причин, и видно, пока не создается единого языка для интеллигенции и народа, до тех пор мучения

России не кончатся и пойдут своим естественным ходом. Лишь зажегшаяся под влиянием горьких несчастий национальная идея даст этот общий язык, и счастливы будут люди, которым придется работать тогда, объединяя все усилия всего народа к одной общей всем цели.

29 октября Сердоболь, на пути в Петроград

Приплыв на пароходе в Сердоболь, я из газет и рассказов финнов узнал о том, что произошло в Петрограде за 9 дней. Временное правительство арестовано. Большевики захватили власть. Никто, кроме юнкеров и женщин-ударниц², не заступился за него, а эшелоны, даже казаки, переходят один за другим на сторону большевиков. Керенский на последнем заседании в предпарламенте заявил, что на Парижской конференции будет рассмотрен вопрос об общем мире, выработаны его общие условия и предложены Германии. Почему же они теперь пошли на то, на что не соглашались раньше, когда обстановка была в наших руках?! Но теперь уже поздно. Временное правительство пало. Большевики заняли его место. Объявили декреты о мире и о земле, два вопроса, наиболее волнующие массы, разрешив их в многообещающем для народа смысле. Появилась как бы действительно «народная власть», обещающая срочно осуществить все мечты и чаяния народа. Вопрос о мире, как лампа Аладдина, кто ее взял, тому служат духи, тому дается власть в руки. Теперь мы, русские, должны будем испить горькую чашу унижения и позора, кару, заслуженную нами, а Россия заплатить всю страшную цену за свою темноту, за поддержку, оказанную тем, кто поведет ее к позорному миру. Выйдя впервые к большой государственной работе, русское общество, сменившее царское правительство, оказалось неподготовленным к принятию власти, к большим решениям.

Теперь пришли другие люди, которые не будут разговаривать. Они будут действовать. Прodelают для темного народа свой «наглядный» опыт обучения, и, лишь пройдя через горькое падение, просветленный народ найдет свою правду. Что же, да будет воля Божия.

3 ноября Петроград

Сегодня говорил с несколькими делегатами, прибывшими только что из переизбранного армейского комитета. Все большевики. Говоря о происшедшем, я указал им на главную опасность, по моему мнению, от захвата власти большевиками — это переход управления в руки людей, совершенно

незнакомых с делом. От незнания могут быть сделаны ошибки непоправимые. Не зная меня, не зная, с кем говорят, они ответили фразой, отражающей, как мне кажется, настроение широких масс: «Нас восемь месяцев водили за нос знающие, но так ничего и не сделали. Теперь попробуем сами своими рабочими руками свое дело сделать, плохо ли, хорошо, а как-нибудь выйдет».

В этом сказалась вся темнота народная, с одной стороны, неумение понять происшедшее, всю объективную невозможность что-либо сделать в обстановке разрухи, представленной нам в наследство, а с другой — весь ужас потери веры народом в кого бы то ни было, если люди решаются взяться за дело, в котором, они сами чувствуют, ничего не понимают.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 1918 ГОД

22 марта Петроград

Великая скорбь посетила родную землю. Обессиленная лежит Россия перед наглым, торжествующим врагом. Интеллигенция, рабочие, буржуазия и крестьянство — все классы, все партии России несут муку и позор поражения. Все лозунги провозглашены, все программы перепробованы, все партии были у власти, а страна все-таки разбита, унижена безмерно, отрезана от моря, поделена на части, и каждый, в ком бьется русское сердце, страдает без меры³.

Многие, многие потеряли веру в свой родной край, в силы земли наших предков. Что же?

Пусть малодушные плачут, пусть теряют веру в свой народ. Но сильные верят и будут бороться за возрождение России.

Определить и доказать причины нашей неудачи должны будут многотомные исследования, написанные в тиши библиотек и архивов, когда смолкнет ревущая стихия народной смуты. Нам же ясно до очевидности, до боли в глазах от яркого света этой правды, мы разбиты потому, что мало любили свою Родину, единую для всех. Не социалистическую, не буржуазную, а просто Родину, где мы впервые увидели свет, поля и леса которой мы любим, потому что они наши родные, народ которой, какой бы он ни был, наш родной народ, который мы любим и будем любить и будем верить в него и его возрождение к новой, лучшей, светлой жизни.

Мы все виноваты. Мы разбиты потому, что перед лицом злого врага мы занялись внутренними счетами и вместо общих усилий для обороны страны в междоусобной злобе надорвали свои последние силы.

Довольно же злобы, довольно ненависти,

довольно политических метаний и мечтаний.

У нас есть Родина, измученная, истерзанная, брошенная под ноги торжествующего победителя! Будем же бороться во имя родной земли, во имя родного народа! Только общими усилиями мы спасем его.

Пусть лозунгами нашими будет «Родина, единение и правда», лозунгами новой общей работы во имя возрождения великой России!

Смертной мукой, невыносимым страданием были для всех, кто любит свою родную землю, эти страшные годы войны и месяцы революции. Голгофа русской армии, Голгофа русской земли. Великим мучением очищается душа народная от старых грехов, обновляется, ищет правды. С Голгофы же страдания засияет и новый свет, начнет строиться новая русская земля, где все будут иметь равное право на место под солнцем, где все классы общества будут братьями, одинаково любимыми общей матерью-Родиной, где закон и меч защитят каждого человека от всяких попыток насилия.

Велики переживаемые нами испытания, но в горе нашем найдем в себе силы прощения. И тогда весь единый народ, с единой любовью к Родине скажет: «Пусть живет

Великая Родина наша! Пусть под знамя Родины идет каждый, в ком сердце бьется, у кого в жилах течет русская кровь. Тогда не погибнет Великая Россия, не погибнет и русский народ!»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Уход А. И. Верховского из состава Временного правительства не остался незамеченным. Газета «Общее дело» 21 октября напечатала сообщение о том, что военный министр «предложил заключить мир с немцами тайно от союзников», и обвинила его в государственной измене.

2 В защите Зимнего дворца принимала участие 2-я рота (137 человек) 1-го Петроградского женского батальона, сформированного в июне 1917 года. После выстрелов с Петропавловской крепости и крейсера «Аврора» «ударницы» прислали парламентариев и сдались революционным солдатам Павловского резервного полка.

3 Автор имеет в виду унижительный Брест-Литовский мир, по которому Россия теряла Прибалтику, часть Белоруссии, Украину и Кавказ. Однако «мир» этот оказался недолговечным. 9 ноября 1918 года в Германии произошла революция. 13 ноября 1918 года Всероссийский Исполнительный Комитет полностью аннулировал Брест-Литовский мирный договор.

*Примечания В. А. АВДЕЕВА
и М. Н. ОСИПОВОЙ*

Голгофа генерала Верховского

ПОСЛЕСЛОВИЕ К НАШЕЙ ПУБЛИКАЦИИ

Дневниковые записи А. И. Верховского «Россия на Голгофе» заканчиваются 1918 годом. Но история продолжалась и новые события с каждым разом все сильнее сотрясали Россию. В гигантском водовороте событий искал свое место в жизни и российский генерал, бывший военный министр Временного правительства, истинный патриот Отечества А. И. Верховский. Работая над книгой «Россия на Голгофе», он даже не подозревал, что ему предстоит пройти очень трудный путь, который в конечном счете завершится его личной Голгофой. Впрочем, вот основные вехи этого пути.

В феврале 1919 года А. И. Верховский добровольно в качестве военспеца переходит на службу в Красную Армию. Вскоре, как бывший член партии социалистов - революционеров, арестовывается органами ВЧК. В связи с отсутствием в его действиях признаков преступления по отношению к Советской власти после шестимесячного

содержания в тюрьме освобождается из-под ареста и продолжает служить в Красной Армии.

С 9 мая 1920 года — член Особого совещания по обороне при главнокомандующем Вооруженными Силами республики. После разгрома врангелевских войск в Крыму и окончания гражданской войны работает

преподавателем в Военной академии РККА. В 1922 году состоял военным экспертом советской делегации на Генуэзской конференции. В 1927 году стал профессором.

Работая в академии, много занимался научной и писательской деятельностью. Его перу принадлежат труды: «Очерки по истории военного искусства в России в XVII-XIX веках», (М., 1921), «Основы подготовки командиров» (М.-Л., 1926), «Методика практических занятий на карте» (М., 1926), «Общая тактика» (М., 1927).

23 декабря 1929 года приказом Реввоенсовета СССР А. И. Верховский назначается на должность начальника штаба Северо-Кавказского военного округа. Это было повышение. Прибыв к месту службы, Верховский горячо берется за дело, проводит огромную работу по приведению войск округа в состояние высокой боевой готовности.

2 февраля 1931 года по доносу снова арестовывается. Содержится в следственном изоляторе в Воронеже. Следователи Московского ОГПУ Николаев и Перлин требуют от него лишь одного: признания в антисоветской деятельности.

Вот как об этом пишет сам арестованный:

«Товарищ народный комиссар обороны Союза ССР!

Подозрение, которое тяготеет надо мной, мне невыносимо. Я его ничем не заслужил. За мной 12 лет самостоятельной работы в рядах армии. Против меня клевета белогвардейцев, их союзников — социалистов-революционеров и меньшевиков, ненавидящих меня за то, что я ушел от них и отдал себя на работу Советской стране. Они убили в 1919 году в г. Харькове моего начальника штаба К. К. Рябцова. Окружили меня клеветой в своей прессе. Через сотни каналов восстановили против меня партию и начсостав армии.

Когда в 1919 году я взял назначение на юденинский фронт, они какой-то клеветой добились моего ареста, и ГПУ держало меня в тюрьме 6 месяцев без причины. Теперь, когда я стал на большую работу и значительно усовершенствовал оборону Северного Кавказа, они возобновили кампанию против меня.

12 лет тому назад я сознательно стал в ряды Красной Армии на защиту Октябрьской революции. С тех пор и до сего дня я без колебания работал, уверенный в том, что, несмотря на все трудности, партия ведет нас по верному пути завоевания лучшего светлого будущего рабочего класса и всего человечества. Я не могу допустить мысли, чтобы меня вытаскили из этой великой борьбы, которой я отдал все свои силы.

Я прошу дать мне возможность защищаться от клеветы белых.

*А. Верховский
14 января 1931 года»*

В марте 1931 года А. И. Верховский переводится в Москву в следственный изолятор Лефортово. Условия содержания для него создаются еще более жесткие, допросы проводятся чаще и изощренней. Однако Верховский предъявляемые ему обвинения отрицает. Следователи, не добившись необходимых признаний, в феврале 1932 года переводят арестованного в Ярославль в изолятор особого назначения с тем, чтобы там сломить его физически и морально, заставить дать необходимые показания. Его содержат в одиночной камере, лишают переписки, литературы и возможности свидания с родными. Единственное, что ему позволяют, так это выполнить поручение К. Е. Ворошилова — написать военно-научную работу. В промежутках между изнурительными допросами Верховский написал труд, в котором осветил следующие вопросы: 1. Изменения в операции; 2. Изменения в тактике; 3. Глубокая тактика; 4. Противотанковая оборона; 5. Управление войсками; 6. Разведка.

В своей работе профессор Верховский учел качественные изменения, происшедшие в техническом оснащении армии к 1931 году, а также возможные перемены в этой области в дальнейшем.

Он писал: «Суть дела в том, что там, где сама основа характеристик в политической и технической обстановке требует решающих «качественных» сдвигов, у нас намечаются лишь некоторые «количественные изменения». Старое общевойсковое соединение, в котором рода войск вжимают, не позволяет использования ни одного из лучших свойств новой техники. Причина этого отставания военной мысли в том, что мы еще идейно не подобрали методики и организацию научной работы, которая нам представлена старой армией и которую мы видим в армиях буржуазии. Там они себя дискредитировали полным провалом в 1914 году, когда ей тоже не удалось учесть влияния смены основной характеристики эпохи и ее влияния на операцию и тактику, которые пришлось уже в ходе войны резко менять. То было в эпоху национального движения и войн... Тогда военное искусство застыло на идеях 1918 года».

Все написанное им передавалось начальнику Особого отдела ОГПУ для последующего направления адресату.

«Начальнику Главного управления РККА тов. Фельдману

Согласно личным переговорам посылаю труд А. И. Верховского «О военно-научной работе».

Помощник начальника Особого отдела
ОГПУ

15 июня 1933 года

Добродушцев.»

**«Народному комиссару обороны
Союза ССР тов. Ворошилову**

По Вашему приказанию я дал через Особый отдел ОГПУ задание Верховскому А. И. написать о «Глубокой тактике». Работу его, вернее набросок, направляю Вам для ознакомления. Некоторые его мысли заслуживают внимания.

Начальник Главного управления РККА

20 июня 1933 года

Фельдман.»

«Политбюро ЦК ВКП/б/. Тов. Сталину

Посылаю копию заявления Верховского А. И. и его статьи: «Выводы на опыте русско-японской войны 1904-1905 годов с точки зрения нашей борьбы против японского империализма в 1934 году».

Если и допустить, что, состоя в рядах Красной Армии, Верховский А. И. не был активным контрреволюционером, то во всяком случае другом нашим он никогда не был. Вряд ли теперь стал им. Это ясно.

Тем не менее, учитывая, что теперь обстановка резко изменилась, считаю, что можно было бы без особого риска его освободить, использовав по линии научно-исследовательской работы.

Ворошилов

9 мая 1934 года»

И долгожданная мечта профессора Верховского получить свободу осуществилась. Решением Сталина он освобождается из-под ареста и возвращается в Москву.

Однако при прочтении документа бросается в глаза его подспудная завуалированность. Отныне к нему отношение не только военного руководства, но и партийно-государственной власти становятся довольно натянутым. Теперь дорога к высоким военным должностям для него закрыта. Недоверие и подозрительность — вот что уготовано этому честному и преданному Родине человеку.

«Товарищ нарком!

Я получил вчера приказ о моем возвращении в Красную Армию. Считаю себя обязанным принести Вам мою глубокую признательность за то, что Вы вернули меня в ряды борцов за великое дело социализма, за которое борется наша советская власть и партия.

Я хочу заверить Вас, что приложу все силы и оправдаю доверие, которые Вы мне оказали.

А. Верховский

17 ноября 1934 года»

Он зачисляется в распоряжение начальника Разведывательного управления РККА. Ученый, теоретик, сугубо военный человек в этой специфической организации используется для выполнения разовых второстепенных заданий, что резко отражается на его психологическом состоянии. И снова он вынужден обращаться к К. Е. Ворошилову.

«Я чувствую себя невыносимо глупо. Я восстановлен в Красной Армии, получаю большое содержание и внешне все как будто хорошо, но мне не дают работать. Единственное, что я делаю — это составление компилятивных статей для «Информсборника». Между тем мне 48 лет, за плечами не часто встречающийся опыт трех войн и 25 лет научной и практической работы и горячее желание сделать все для того, чтобы то величественное дело, которое делает под руководством партии наша страна, не было сорвано, чтобы все те труды, жертвы, героизм и отдельные ошибки не были сделаны зря, но чтобы увидеть своими глазами «построенный в боях социализм».

Моя гордость и радость в том, что этот слой работников в армии, который теперь так уверенно ведет все стороны подготовки к войне, что в подготовке его есть и моя немалая заслуга. Но неужели же вся работа уже сделана и мне делать нечего? Пока я не оправился от пережитого, я молчал, но теперь разведупр дал мне возможность подлечиться, и я прошу поставить меня на настоящую работу.

С товарищеским приветом

А. Верховский

28 марта 1935 года»

Однако прошло полгода, а ответа на свое письмо Верховский так и не получил. Отчаявшийся в своих устремлениях профессор вынужден был повторить свою просьбу.

«Товарищ нарком!

Прошу Вас вернуть меня к какой-то действительной работе, какой была вся моя деятельность в Красной Армии с 1919 по 1931 год. Теперь, когда капиталистический мир подготавливает новый поход против нашей Родины, так усиленно под руководством партии и ее вождя ведется строительство социализма, мне в высшей степени тяжело стоять в стороне от активной работы и я хотел бы принять участие в работе по моей специальности — выработке оперативно-тактических форм в связи с мощным вооружением и новой техникой. Беру на себя смелость поставить перед Вами этот вопрос в целом и одновременно прошу Вашего разрешения мне вернуться к писательской работе, посвященной той же теме. Сей-

час я передал в Военгиз и в политическую академию свою новую работу по истории военного искусства. Ее цель — показать, что и в какой мере мы можем взять из наследия буржуазной военной науки и что, наоборот, будет тянуть нас назад и мешать созданию новой операции и тактики армий пролетарской революции.

Также за эти годы одна моя работа по общей тактике, уже набранная для печати, была рассыпана. Другая, посвященная бою на высшем уровне техники, исчезла неизвестно куда, несмотря на то, что она была принята для печати. Я полагаю, что без Вашего разрешения моя новая работа не будет рассмотрена.

Эта моя книга является результатом четырехлетнего труда над классиками марксизма-ленинизма и представляет собой переработку всего наследия буржуазной военной науки. Следуя пути, указанному Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным, этой работой я хотел бы помочь тем из моих товарищей, которые не имели столько свободного времени для переоценки всего наследия старого, но которые в течение 12 лет находились под впечатлением буржуазной военной мысли. Единственное, что я мог принести с собой, когда я был позван помогать командному составу овладеть тактикой военного дела. В результате, несмотря на огромную работу, которая была проделана в армии по преодолению «буржуазного мировоззрения» (военного), кое-где еще остались несознательные перегибы прошлого. Некоторые товарищи в чисто военно-технических вопросах продолжают стоять на базе буржуазной методик. В практической работе это приносит тот вред, что не все усваивают то новое, что строится сейчас в армии под Вашим руководством, и тянут назад к оперативно-тактическим формам мировой войны и тем образцам, которые сейчас создаются в армиях буржуазии. В моих докладах Вам об этом я несколько раз писал. Еще раз прошу Вас, товарищ нарком, дать мне возможность стать к такой же работе, какую я вел до тех тяжелых событий, которые имели для меня место в 1931 году.

Состоящий в распоряжении Разведупра
А. Верховский
31 августа 1935 года»

Лишь после этого письма Ворошилов счел необходимым рассмотреть просьбу опального профессора. Его направили на преподавательскую работу на курсы «Выстрел», которые по своему положению были рангом ниже военной академии.

Работая в новой должности, он, как истинно честный и ничем не провинившийся перед Красной Армией и советской властью

человек, счел необходимым проанализировать ту ситуацию, в которую попал в 1931–1934 гг., чтобы руководство партии и страны извлекло определенные уроки.

«Товарищ народный комиссар!

Я хочу доложить Вам то, что случилось со мной, потому, что судебная ошибка, имевшая место в моем деле, может повториться, принося, как я понимаю, ущерб авторитету советской власти.

Я повторяю в этом докладе то, что мной письменно сообщалось начальнику Особого отдела ОГПУ и прокурору СССР в 1933 году.

2 февраля 1931 года во время служебной командировки в купе поезда на меня сзади набросились четверо граждан в штатском. Предполагая нападение бандитов, я стал кричать, звать на помощь. Только тогда мне предъявили ордер об аресте. Меня высадили из поезда в Воронеже, и здесь два следователя — Николаев и Перлин — в течение трех недель по очереди вели допрос с короткими перерывами на еду и сон. Они довели меня до того, что я давал показания в состоянии крайнего переутомления, плохо понимая окружающее.

Допрос был построен так. Мне было сказано, что моя вина перед советской властью обнажена со всей неопровержимостью. Если же я буду запертаться, я буду расстрелян, а моя семья разгромлена. Если же я сознаюсь, то могу ждать снисхождения. На мое заявление, что мне не в чем сознаваться, мне наводящими вопросами дали канву того, что я должен, по мнению следователя, показать:

1. Я будто бы пришел в Красную Армию в 1919 году как враг, подготавливающий взрыв ее изнутри. Для этого я группировал все время около себя контрреволюционное офицерство;

2. Кафедра тактики Военной академии якобы была моим штабом, в котором я разработал план восстания в Москве на случай войны в дни мобилизации;

3. Это давалось мне в связи с якобы существующей у нас трудовой Красной Армией.

4. Для политического обеспечения я связался в бытность мою в Генуе в составе нашей экспедиции в 1922 году с английским генеральным штабом;

5. В бытность мою начальником штаба Северо-Кавказского военного округа (СКВО) будто бы я подготавливал восстание на Северном Кавказе;

6. Все это я делал одновременно, вредительствуя где только было можно.

Я считал, что все это обычный прием следователя и просил его перейти к настоящему разбору обвинения, а для этого предъявить мне обвинение и заслушать

мои объяснения. В этом мне было отказано. Тогда я отказался давать показания по этим вопросам. В ответ на это следователь Николаев приказал снять с меня знаки военного отличия и сказал, что мое приращение к расстрелу решено. Я был вызван к уполномоченному представителю ОГПУ лично и тот подтвердил бесспорность моей вины, сообщив мне от имени коллегий ОГПУ, что если я стану на колени перед партией, строящей социализм, и «сознаюсь», то меня ждет 3-4 года тюрьмы в наилучших условиях. Если же я буду «запираться», то меня расстреляют, как Мека и Пальчинского.

После моего отказа меня перевели в Москву и установили следующий режим: одиночная камера, без прозвук, без всякого общения с родными, без чтения и каких-либо занятий, мыл уборную и парашу под окрики надзирателей, заставлявших меня по несколько раз переделывать дело.

Вызовы к Николаеву, издевавшимся надо мной, ругавшимся площадными словами и требовавшим дачи показаний. Он обещал «согнуть меня в бараний рог и заставить на коленях умолять о пощаде, если я буду упорствовать». Если же я дам показания, то режим будет немедленно изменен. Так длилось 11 месяцев. Лишь одно облегчение было сделано — через 5 месяцев дали читать.

Кроме Николаева меня вызывали следующие руководители ОГПУ: Иванов, Евдокимов, Дейч и, наконец, председатель коллегий т. Менжинский.

На мое заявление т. Иванову, что такое ведение следствия незаконно, он мне заявил: «Мы сами законы писали, сами и исполняем!» На мою просьбу ко всем этим лицам предъявить обвинение и дать мне возможность защищаться ответа не последовало. Даже не проводили очные ставки с теми, кто меня оговорил, мне все они отвечали, что моя вина в их глазах очевидна и мне остается одно: либо давать показания, либо готовиться к расстрелу.

В камере три раза посещали меня представители прокуратуры, которым я делал заявления о том, что следствие ведется так, что правду выяснить оно не может. Однако прокуратура не находила нужным даже выслушать меня. По всему ходу следствия становилось совершенно ясно, что никто не интересуется совершенно правдой и что меня хотят насильно заставить дать ложные показания.

Если к этому прибавить сознание полной незащитности и внушаемого следствием убеждения, что партия требует от меня дачи этих ложных показаний во имя каких-то неведомых целей, то станет ясно, что заставило целый ряд лиц, которых следствие связало в одно со мной дело, дать ложные показания и оговорить меня.

В ходе следствия я пошел по линии компромисса, чтобы, как я думал, спасти от разгрома семью, но я не мог пойти на то, чтобы объявить себя врагом советской власти и партии, в то время, когда я после длительного периода наблюдений и большой работы над собой незадолго до ареста подал заявление о приеме меня в партию.

После 11 месяцев следствия во внутреннем изоляторе ОГПУ меня перевели в Ярославль в изолятор особого назначения. Я был посажен в одиночку, лишен всякого общения с семьей и даже с другими заключенными. Тюремный режим был нарочно продуман так, чтобы обратить его в моральную пытку. Запрещалось все, вплоть до возможности подойти к окну, кормить птиц и даже петь хотя бы вполголоса. В тюрьме были случаи сумасшествия, повешения и т. п.

Время от времени приезжал следователь и давал понять, что все изменится «если у меня будет что-нибудь новое».

За два года моим родным удалось добиться только двух свиданий. В феврале 1933 года я объявил первую голодовку. Через 5 дней приехавший следователь сообщил, что выдвинутые мной требования о пересмотре дела, предъявлении мне обвинения и даче возможности защищаться, так как это предусмотрено нашим УПК (Уголовно-процессуальным кодексом) будут исполнены.

Прошло 8 месяцев без всяких последствий. Я объявил новую голодовку. На 16-й день в тюрьму приехал т. Катаньян, которому я вручил подробное заявление. В результате я был переведен на общее содержание: прогулки, стал получать регулярно свидания с родными и получил право на переписку.

Освобожден я был без пересмотра дела еще через 10 месяцев после этого.

Товарищ нарком! Советская власть призвала меня в 1919 году, зная меня, что я не коммунист. Но в борьбе с контрреволюцией и в строительстве социализма я считал нужным делать все, что в моих силах. Вы отмечали мою работу. К 1930 году я окончательно расстался с пережитками старого и почувствовал себя обязанным подать заявление о вступлении в партию. Вместо ответа я был арестован и подвергнут всему, что изложено выше.

Моя вина в том, что я не порвал личных связей с людьми, с которыми был дружен до Октябрьской революции, хотя политически они и стали мне чуждыми. Я допускал в своем присутствии их антисоветские суждения, хотя всегда твердо высказывал свою точку зрения. Следствие мне сказала, что это давало им повод «делать на меня какую-то ставку». Допуская, что это действительно имело мес-

то, моя вина не имеет ничего общего с тем, что меня осудили по ст. 58 пункты 4, 7, 10 и 11 (заговор, предательство, шпионаж и т. п.)

Считаю нужным довести все это до Вашего сведения потому, что судебная ошибка как результат такого метода следствия не является единичной. В Ярославском политическом изоляторе есть ряд лиц, состоящих на точке зрения, близкой к партии, которые могли бы быть своей энергией и знаниями полезными в деле строительства социализма. Они виноваты лишь в том, как я могу судить, что у них не хватило твердости и они опозорили себя и других. То, что лица подобной категории без вины сидят в тюрьме, приносит вред советской власти. У нас и за границей друзья советской власти не могут понять этого, враги злорадствуют, а колеблющиеся переходят под знамя фашизма.

Лично мной все пережитое ни в коей мере не изменило и не поколебало во мне того же добросовестного работника и командира РККА, каким я был до ареста. Но я хочу сделать все, что я могу, чтобы случай, подобный тому, который имел место со мной, не мог повториться.

Считаю нужным добавить, что все написанное я сообщил Вам, начальнику Особого отдела ОГПУ, прокурору СССР, моему прямому начальнику и больше никому.

А. Верховский
25 ноября 1934 года»

«Дорогой Коба!

Посылаю письмо А. И. Верховского, адресованное мне.

Письмо заслуживает твоего внимания. Прошу прочесть.

Твой К. Ворошилов
5 мая 1935 года»

Попав в руки И. В. Сталина письмо Верховского сыграло свою роль. Александру Ивановичу присвоили воинское звание

комбриг, доверили преподавательскую работу в самой высшей кузнице военных кадров — Академии Генерального штаба РККА. Казалось бы, справедливость возторжествовала. Но это благополучие оказалось призрачным. Маховик жестоких репрессий уже набирал обороты. Наступил 1938 год.

«Начальнику политуправления РККА армейскому комиссару 2 ранга Мехлису Л. З.

Начальнику политуправления МВО бригадному комиссару тов. Колонину.

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ

Донесу, что 11 марта с. г. органами НКВД арестован, как враг народа, бывший старший руководитель Академии Генерального штаба РККА профессор, комбриг Верховский А. И., беспартийный.

Военный комиссар
Академии Генерального штаба РККА
бригадный комиссар
Гаврилов»

Верховского обвинили в активной вредительской деятельности против СССР, шпионаже, а также в подготовке террористических актов. Одним из «доказательств» причастности профессора Верховского к подготовке терактов являлся найденный у него при обыске пистолет. Тот самый, который Александр Иванович в 1916 году получил из рук императора Николая II, как отличившийся в боях с немцами.

Спустя несколько месяцев, в августе 1938 года, А. И. Верховский был расстрелян.

Вот и весь рассказ о человеке, страстно любившем Россию, и о трагической судьбе которой он предупреждал задолго до того, как сам взошел на Голгофу.

Полковник в отставке
М. М. БОНДАРЬ

П. Н. СИМАНСКИЙ

СОБЫТИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ,

ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ
РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ
(1891-1903 гг.)

Часть III

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Имя одного из авторов фундаментального труда Генерального штаба о русско-японской войне* Пантелеймона Николаевича Симанского (1866-1938) мало что говорит современному читателю. Между тем в свое время он был хорошо известен как крупный военный историк. П. Н. Симанский происходил из старинной дворянской военной семьи, что и предопределило его жизненный путь. Он окончил 2-е военное Константиновское училище, а затем Николаевскую академию Генерального штаба.

К началу русско-японской войны П. Н. Симанский был командиром 2-го гренадерского Ростовского полка, стоявшего в Москве. Его труды о А. В. Суворове, японо-китайской войне 1895-1896 гг., русско-турецкой войне 1877-1878 гг. были в то время широко известны.

После окончания работ над официальным описанием русско-японской войны П. Н. Симанский получает назначение командиром бригады в 35-ю пехотную дивизию, что не мешает ему продолжать свои научные занятия. Он принимает активное участие в создании и работе Императорского русского военно-исторического общества. В годы первой мировой войны командует 61-й пехотной дивизией. За личную храбрость награжден Георгиевским оружием. В 1919 году эмигрировал в Польшу, где продолжал научные занятия вплоть до своей кончины.

Секретный том по дипломатической подготовке русско-японской войны, главу из которого мы публикуем с небольшими сокращениями, был одной из лучших работ по этому вопросу в отечественной историографии, но по-настоящему он еще не оценен.

*Русско-японская война 1904-1905 гг.: Работа Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны: В 9 т. СПб., 1910. См. также: Авдеев В. А. «Секреты» русско-японской войны // Воен.-истор. журнал. 1993. № 9.

К моменту открытия борьбы между Россией и Японией, а затем и за время этой борьбы группировка остальных держав и их отношения к обоим противникам были следующие.

Англия после Японии являлась в те дни нашим главным и упорным врагом. Заключив союз с Японией, она дала ей и нравственную, и материальную поддержку, т. е. дала те опоры, без наличия которых японцы едва ли перешли бы в их отчаянное и энергичное наступление. «Англию, — пишет граф Остен-Сакен, — все громче называют подстрекательницей к настоящей войне, утверждая, что без ее нравственной поддержки Япония никогда не решилась бы на открытое столкновение с нами»¹.

Даже наш посол в Лондоне граф Бенкендорф, снимавший вину с англичан во многих поступках, находивших у нас якобы неправильное толкование, писал, что, давая эти разъяснения, он, однако, далек от мысли освободить Англию от того бремени ответственности, которое выпадает на ее долю. «...Если бы не было англо-японского альянса, даже вероятного, как его называл лорд Лансдоун, не было бы войны сегодня»², — добавлял он².

В период наших последних переговоров с Японией английская пресса и связанные с нею телеграфные агентства усердно распространяли и поддерживали заведомо ложные известия, разжигая страсти желтой расы и поощряя японцев к вооруженной борьбе с Россией. По-видимому, на английские деньги были приобретены Японией два аргентинских броненосца, стоившие 40 миллионов франков, — сумму, которая при бед-

²² Здесь и далее текст, отмеченный курсивом, в оригинале на французском языке. Перевод В. А. АВДЕЕВА.

ственном состоянии японской казны не могла быть ею уплачена без помощи извне³.

Незадолго до начала войны произошло недо-
разумение между русскими моряками и англий-
ским адмиралом на о. Мальта, где англичане
неожиданно прекратили все работы в доках по
окраске и исправлению находившихся там рус-
ских миноносцев. В результате окраска и эти
поправки не были закончены, а многие другие
работы пришлось исполнять уже не в доках, а
на воде⁴. Английский адмирал утверждал, что в
случае войны этим миноносцам все равно при-
шлось бы уйти через 24 часа, если они только
не желали быть арестованными на все время
военных действий. Между тем самое распоряже-
ние состоялось, когда войны еще не было и
когда, следовательно, русские суда имели пол-
ное право оставаться в чужих доках до оконча-
ния всех работ, необходимых для этих судов.

Английские команды⁵ сопровождали куплен-
ные Японией в Италии «Ниссин» и «Кассугу»⁶,
английский броненосный крейсер 1-го ранга
«King Alfred»⁷ конвоировал эти суда при их
проходе через Суэцкий канал и мимо русских
судов. Крейсера из состава Индийского флота
получили приказание следить за нашей эскад-
рой контр-адмирала Вирениуса, шедшей на
Дальний Восток⁸.

Во время самой войны целый ряд отдельных
явлений отчетливо говорил об английской враж-
де к нам и, наоборот, о полном сочувствии
Англии к нашим врагам. Так, например, после
гибели наших судов у Чемульпо англичане вме-
сте с японцами распространяли среди китайцев
телеграммы о нашей неудаче⁹. Когда русская
лодка «Маньчжур» спаслась от преследования
японских судов в устье реки Янтсекианга, ан-
глийский консул все время следил за ней, желая
предупредить о ее выходе те два японских судна,
которые сторожили «Маньчжура» близ устья¹⁰.

В самом начале войны пронесся слух, что
перед нападением на Порт-Артур неприятель-
ская эскадра сосредоточилась в Вейхайвее, т. е.
в пункте, находившемся еще во власти англичан,
говоря иначе, Англия уступила Японии Вейхай-
вей как базу для операций против русской кре-
пости¹¹. Несколько позже получены сведения,
что при первой атаке Порт-Артура японские
миноноски заходили в Вейхайвей, где получили
инструкцию и план с английского судна, и что
во время самой бомбардировки Порт-Артура ру-
ководителем на одном из японских броненосцев
находился английский капитан Mraebridge¹².
Имелись и другие сведения, что английский
морской агент давал свои советы японцам и в
бою у Чемульпо¹³.

В мае месяце пришло известие о выработан-
ном в Англии плане сухопутной кампании про-
тив русских войск¹⁴. При первом же слухе о

СОБЫТИЯ НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ,

предшествовавшія Русско-Японской войнѣ

(1891—1903 г.г.).

Часть I.

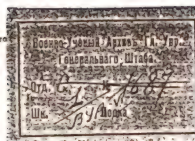
Борьба Россіи съ Японіей въ Корѣѣ.

СОСТАВИЛЪ
Генеральнаго Штаба, Генералъ-Майоръ Сиданский.

Издана Военно-Исторической Комиссіи, бывшей нѣкогда при Главномъ
Генеральномъ Штабѣ Генералъ-Майора Гурма.

С. ДЕТВЕРДТЪ.
Дружеская Типографія (въ нѣмнѣ Главнаго Штаба)
1910.

Титульный лист
и оборот титула «секретного» тома.

Настоящее изданіе выпущено въ пяти экземпля-
рахъ и согласно Высочайшаго повелѣнія:

- № 1-й—представленъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.
- № 2-й—хранится въ секретномъ отдѣлѣ Военно-
Ученаго Архива при Главномъ Управленіи
Генеральнаго Штаба.
- № 3-й—переданъ въ Министерство Иностранныхъ
Дѣлъ.
- № 4-й—пересланъ въ Императорское Русское
Посольство въ Токио.
- № 5-й—пересланъ въ Императорское Русское
Посольство въ Пекинѣ.

Издательством
«АРБИЗО»
под редакцией
академика
генерал-майора
В. А. Золотарева
выпущен
фундаментальный труд
«Россия и Япония
на заре XX столетія».

В основе новаго изданія — материалы комиссіи
Генеральнаго штаба Россіи по обобщенію
опыта и уроковъ событій, происходившихъ
на Дальнемъ Востоке въ 1890—1900 гг.

вероятном движении нескольких судов Черноморского флота на Дальний Восток лорд Лансдоун сейчас же предупредил о том Турцию, дабы она могла помешать их проходу через проливы¹⁵. Кроме того, Англия, приняв на себя охранение японских интересов в Османской империи, обратилась к блистательной Порте с запросом, насколько верен слух о состоявшемся пропуске через проливы русского транспорта с новобранцами и военными запасами, и заявила, что подобный пропуск составил бы явное нарушение объявленного Турцией нейтралитета. Таким образом, допуская нарушение последнего в интересах Японии, Англия внимательно следила за тем, чтобы те же выгоды не переходили бы и на сторону России. При этом самое замечание, сделанное ею, оказалось неправильным. Войны между Россией и Японией еще не было, а право на пропуск таких транспортов через проливы было установлено предыдущими прецедентами еще во время китайских смут, когда никто не подвергал сомнению нейтралитет Турции только из-за того, что она разрешила нескольким русским пароходам с войсками пройти через проливы¹⁶.

В начале февраля маркиз Лансдоун объявил турецкому послу в Лондоне, что, по его мнению, между Россией и Англией в скором времени вспыхнут серьезные осложнения¹⁷. Вместе с тем неоднократно получались вполне определенные сведения то о заказах, сделанных Японией в Англии для надобностей войны¹⁸, то о провозе военной контрабанды на английских судах¹⁹. К пришедшему 30 января в г. Сингапур пароходу добровольного флота «Воронезж» английские власти применяли различные стеснительные меры, отказали ему в нужном для него количестве угля, продержали пароход под особым наблюдением и воспрепятствовали прямым сношениям «Воронезжа» с нашим консулом, причем со стороны англичан была сделана даже попытка задержать официальные бумаги, отправленные из консульства командиру парохода²⁰. Кроме того, английские власти пытались применить к «Воронезжу» правило о 24-часовом сроке, установленном для пребывания в нейтральных гаванях военных судов, а сингапурская полиция все время препятствовала погрузке товаров с барж, стоявших у борта парохода, и потом обрезала концы, на которых держались эти баржи²¹.

За те же дни в некоторых английских газетах помещался о военных событиях на Дальнем Востоке вообще и о России в частности целый ряд известий и статей, наполненных наглою и намеренною ложью²². Такое враждебное и вызывающее по отношению к нам настроение английской печати объяснялось, с одной стороны, еврейскими деньгами, а с другой стороны, влиянием японского посланника, сумевшего вызвать в печати полное сочувствие к Японии и к ее боевым успехам²³.

Перед отправкой второй эскадры Тихого океана из Кронштадта на Дальний Восток появился слух о новом враждебном по отношению к нам

акте, задуманном англичанами. Этот слух упорно держался в морских кругах за границей и, наконец, через офицеров австрийского станциионера «Таурус», прибывшего в Севастополь, дошел в конце июня и до русского морского начальства. Говорили, что англичане готовят в Ла-Манше личный состав подводных лодок, обучая японцев управлению этими лодками. К моменту выхода русской эскадры из Кронштадта весь личный состав лодок, действующих в Ла-Манше, должен состоять из одних японцев, а сами лодки должны быть уступлены японскому правительству. Говорили, что, кроме того, имеются еще два быстроходных парохода, которые во время атаки подводных лодок против нашей эскадры должны будут показать японский флаг, а затем, сделав предварительно несколько демонстративных выстрелов, отойти в один из портов Великобритании²⁴. Как бы в дополнение к этому известию Павлов сообщил 3 июля из Шанхая, что из Вейхайвэя доставлены в Гонконг на английском контрминоносце «Хендзе» пять японских офицеров и пять уязчиков с водолазными приборами — люди и груз, предназначенные для повреждения и потопления судов той же второй эскадры²⁵. Таким образом, последнюю сторожили и в проливе Ла-Манш, и у о. Формоза. В середине августа получили сведения, что Англия решила допустить продажу Японии секретным путем трех подводных лодок и что по этому поводу происходили совещания японского посланника в Лондоне с английским министром иностранных дел. Немудрено, что при подобной обстановке, при этих упорных слухах и сведениях, приходящих от различных лиц и из разных концов земного шара, с эскадрой адмирала Рождественского произошел известный эпизод в Гулле, в котором снова сказалась обычная к нам неприязнь Англии. В феврале 1905 года, перед появлением в японских водах японской эскадры, появились известия о состоявшейся продаже Японии нескольких судов английского флота, якобы уже негодных к дальнейшей службе.

Конечно, Англия никогда и не думала доводить дело до кровавого столкновения своих вооруженных сил с Россией. Это не входило в ее расчеты и не соответствовало ее положению в данную минуту. *«Это — страна торговцев и предпринимателей, делам которых мешает война, — писал про Англию граф Бенкендорф. — Страна, которая мечтает улучшить внутреннее положение и ситуацию в колониях; дело это откладывается; страна устала; война с бурами надолго отбила у нее охоту ко всяким военным поползновениям; положение Южной Африки — неудовлетворительное; положение с финансами далеко не блестящее, и можно предположить, что будущий бюджет обнаружит более или менее завуалированный дефицит — впервые со времен наполеоновских войн; к этому нужно присовокупить надежду преобразовать армию. В настоящее время страна слишком развита в политическом отношении, что-*

бы не чувствовать серьезной опасности, которой чревато вступление в войну, идущую сейчас»²⁶. Но в то же время Англия делала, как видно из сказанного выше, все, чтобы облегчить Японии ее конечный успех и под известной маской осуществить некоторые из обязанностей, лежавших на Англии как на союзнике Японии. Очевидно, что вместе с тем подобный образ действий создавал крупные затруднения для нас, русских, стеснял нас необходимостью в новых заботах и отвлекал наше внимание от Дальнего Востока на Европейский Запад.

В подобном случае не могли помочь и разъяснения, даваемые нам великобританским правительством по различным событиям, возбуждавшим недоразумения между обеими державами²⁷. При всем умении, с каким были сделаны эти разъяснения, при безусловной правильности некоторых опровержений С.-Джемского кабинета недоверие к Англии с нашей стороны не только не уменьшилось, но целым рядом новых фактов, требовавших и новых же объяснений, только возрастало. Англия оправдывалась, но русские руки во многих случаях продолжали быть связанными.

Соединенные Штаты склонялись большей частью на сторону Японии. Во главе японофилов стояли главные руководители американской политики, большая часть прессы работала в пользу Японии... Евреи и англичане бросали миллионы, чтобы только поддержать в Америке враждебные России чувства. «Британские и японские эмиссары, с одной стороны, еврейско-финско-армянские — с другой, овладели общественным вниманием почти всецело, — пишет один из русских эмигрантов. — Враги России самым последовательным, самым искусным образом агитируют здесь против нее, не встречая ни малейшего противодействия. Голоса в пользу России одиноки и редки»²⁸.

На обеде в честь посетившего Нью-Йорк японского принца Фушими секретарь общества «American Asiatic Association» заявил, что Соединенные Штаты и Япония имеют общие не только коммерческие, но и политические интересы²⁹. Американский посланник в Токио все более и более подчеркивал свои симпатии к японской политике³⁰. Президент Рузвельт в своем послании к конгрессу выразил между прочим негодование американского народа по поводу кишиневских событий и указал на паспортные ограничения в России для евреев, добавив, что трудно усмотреть здравомыслие этих ограничений даже с русской точки зрения. Послание президента имело громадный успех. Надменный тон послания польстил самолюбию американцев. Они увидели в этой надменности не бестактную самонадеянность, а силу и превосходство³¹.

С течением времени это настроение стало постепенно изменяться.

Многие начали понимать, что действительные интересы Северо-Американских Штатов требуют победы не японского, а русского оружия. Некоторое влияние на эту перемену оказал,

по-видимому, распространившийся слух о возможном заключении между Англией и Россией торгового договора. Америка боялась, что договор нарушит ее интересы и сведет к нулю намеренные ею политические комбинации.

В начинавшейся на Дальнем Востоке борьбе тыл России, примыкавший в данном случае к нашей западной границе, оказался обеспеченным... Германия и ее монарх остались верными старинным традициям, соединявшим дома Романовых и Гогенцоллернов. «Все его слова проникнуты сердечными чувствами к личности нашего августейшего господина», — писал про одно из своих свиданий с императором Вильгельмом русский посол при берлинском дворе... Император отдавал должное героизму русской армии и даже в мелочах спешил подчеркнуть свое благоволение к России и к ее представителям³². «Не могло быть никаких сомнений в чувствах императора Вильгельма, — добавлял посол. — Благодаря его расположению к нам Германия осталась для нас благожелательным соседом, поведение которого явилось ценным залогом для нашей безопасности по всему протяжению европейской границы»³³.

Следуя примеру монарха, так же дружелюбно по отношению к России держал себя и граф Бюлов. Уже на следующий день после неожиданного для нас нападения японцев на Порт-Артур он передал нашему послу, что «император России может быть уверен в том, что в лице Германии он имеет лояльного и искреннего соседа». «Германская политика, — заявил он в парламенте, — не допустит порчи дружественного характера русско-германских отношений. Упрочение близких отношений к России является одной из главных основ внешней политики Германии». «И чем усиленнее вы будете агитировать против России, — добавил однажды канцлер, обращаясь к партии социалистов, — тем старательнее я буду заботиться о поддержании мирных и дружественных сношений с нею». Прошел год войны, прогремел Мукден, а отношения Германии не изменились. «Ни превратности войны, ни внутренние волнения не могут поставить под сомнение положение России как великой державы»³⁴, — отвечал Бюлов тем же социалистам 3 марта 1905 года. «Русское правительство прекрасно знает, — продолжал он, — что Германия решила не пользоваться настоящим положением России по созданию ей каких-либо затруднений и что он, канцлер, решил заботливо поддерживать эту политику, отнюдь не давая увлечь себя в ссору с Россией».

Такое настроение Германии и ее императора было вполне понятно. Если уже при первом отказе России от дальнейшего союза с Германией и Австрией немцы сейчас же поспешили начать агитацию в Китае, мечтая увлечь внимание России от европейских дел на Дальний Восток, то понятно, что чем глубже затягивала Россию новая борьба на этом Востоке, чем большие силы отвлекала она от нашей западной границы, тем спокойнее и свободнее чувствовала

себя Германия. Кроме того, благожелательный намерен на нейтралитет этой империи пришлось купить довольно тяжелыми для нас уступками при заключении с Германией нового торгового договора. Но при всей естественной искренности ее заявлений ей долго не верили, и еще в период подготовки к борьбе мы рискнули воспользоваться из числа войск Европейской России только двумя армейскими корпусами, притом мирного состава, поддержанными четырьмя недостаточными подготовленными дивизиями Казанского военного округа.

Австрия заявила о своем нейтралитете, но решила, что частные лица, фабрики или компании на свой личный страх могут продавать воюющим сторонам не только потребные им изделия и припасы, но даже оружие и аммуницию³⁵.

Франция выпустила 2 февраля 1904 года краткое объявление о своем нейтралитете. Делькассе устно добавил, что этот нейтралитет будет для нас самым дружественным и французское правительство постарается быть нам полезным... Но Франция и не думала открыто становиться на нашу сторону прежде всего потому, что в силу англо-японского договора это вынудило бы Англию вступить за свою союзницу и, быть может, вызвало бы всеобщую войну. Между тем главнейшие заботы Франции все время сводились к тому, чтобы не дать увлечь себя в какие-либо опасные осложнения³⁶. «Помните, что Франция и Россия — союзники, но помните также, что Франция и Япония не враги» — такова была инструкция, данная парижским кабинетом начальнику французской эскадры в Тихом океане адмиралу Бэйлю³⁷. При этих условиях объявление нейтралитета признавалось во Франции наиболее целесообразным и желательным решением. Но, оставаясь нейтральной, Франция все же рассчитывала оказать нам услугу хоть тем, что будет препятствовать вмешательству других держав в нашу борьбу с Японией³⁸. В течение войны Россия имела несколько случаев убедиться, что ее союзница насколько могла выполнила свои первоначальные намерения. 13(26) ноября 1904 года при рассмотрении во французской палате депутатов сметы министерства иностранных дел Делькассе, отвечая социалистам, при громких рукоплесканиях палаты заявил, что союз с Россией более чем когда-либо необходим и полезен для Франции, а депутат Думер добавил, что этот союз заключен при единодушном одобрении всего французского народа. Высказанное накануне тем же депутатом пожелание побед для русской армии было встречено восторженно³⁹.

При явной враждебности к нам англосаксонских государств все государства латинской расы, в особенности южно- и среднеамериканские республики, относились к России с полным сочувствием⁴⁰. Заходившее на Канарские острова русское судно «Крейсер» нашло здесь самый восторженный прием. Страх перед Англией не позволял общественному мнению Испании открыто

высказывать свои симпатии к России, но отдельные лица всех сословий не переставали выражать нашему послу истинные чувства испанцев⁴¹. Голландия, по словам нашего посланника в Гааге, также стояла на стороне России и желала быть ей полезной, не выходя, однако, из границ своего нейтралитета⁴².

На Балканском полуострове и Болгария, и Сербия, и Черногория открыто говорили о своем сочувствии к России. В Софии в присутствии князя, многочисленной свиты, министров и массы народа отслужен торжественный молебен с молебной о даровании победы России и с провозглашением многолетия ее царствующему дому и российскому воинству⁴³. В Белграде отслужен такой же молебен в присутствии наследника престола, многочисленной публики, министров и почти всех депутатов, прервавших для этого заседания скупщины. От имени короля русскому представителю высказаны горячие пожелания успеха и победы русской армии, митрополит произнес прочувственное слово, выясняя значение для славян их общей матери России⁴⁴. Многочисленные добровольцы из болгар, сербов и македонцев обращались в русские миссии с предложением отправиться на театр военных действий. Таким же сочувствием к России горели и сердца черногорцев, те же искреннейшие симпатии долетали к нам и от чешского народа⁴⁵.

В Румынии печать, а вслед за нею и общественное мнение разделились; вскоре, однако, под влиянием короля Карла, всегда ценившего те узы, которые связывали его с русской армией, агитация против России значительно уменьшилась и в консервативных газетах появились благожелательные нам статьи...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Деша гр.Остен-Сакена от 31 декабря 1904 г. (13 января 1905 г.), № 87. (МИД, дело о нейтралитете держав во время русско-японской войны). (Здесь и далее примечания и комментарии автора. — Ред.).

² *Extrait des lettres du comte Benckendorff, 25 et 27 Janvier 1904.* (МИД, всеподданнейшие доклады с 1 января 1904 г.). Конечно, лорд Лансдоун самым решительным образом отрицал тот факт, что английское правительство подстрекало Японию к войне с нами. По его словам, японский посланник не только не советовался с лондонскими государственными людьми, но, наоборот, в резких выражениях заявил министру иностранных дел, что токийское правительство будет следовать по намеченному пути, совершенно не входя в рассуждение, будет ли оно поддержано или одобрено Англией. По убеждению французского посла в Лондоне Камбона, заверения лорда Лансдоуна заслуживают тем большего доверия, что после неожиданного разрыва сношений между Россией и Японией он, лорд Лансдоун, имел весьма резкие объяснения с г. Хяси. (Деша Нелидова от 15(28) февраля 1904 г., № 12; МИД, дело о нейтралитете Англии). Несомненно, что для оценки всех действий Англии вопрос о роли, которую она сыграла в самый момент разрыва или незадолго до этой минуты, не имеет никакого значения. Для подобной оценки находится в наличности целый ряд фактов и за годы, предшествовавшие войне, и за самый первый год войны, о чем говорится ниже.

³ Между тем, как было известно уже тогда, ни Франция, ни Германия, ни Америка не давали Японии нужных для этого средств. (Телегр. гр. Ламдорфа гр. Бенкендорфу от 30 декабря 1903 г., № 96; МИД, дело о нейтралитете Англии).

4 Подробности изложены в донесениях нашего консула на о. Мальта г. Сакса от 19 и 20 декабря 1904 г., № 227 и 230. (МИД, всеподданнейшие доклады с 1 января 1904 г.).

5 «...Отборный английский экипаж из резервистов британского флота, делавших многие кампании, при 13 английских офицерах, пользовавшихся отличной репутацией». (Из телегр. гр. Ламздорфа гр. Бенкендорфу от 30 декабря 1903 г., № 91; МИД, дело о нейтралитете Англии).

6 Только механики и машинная команда на «Ниссине» и «Кассуге» были итальянцы, в числе офицеров было несколько японцев, вся остальная команда состояла из англичан. (Телегр. д. с. с. [действительного статского советника] Максимова из Кипра от 5 января 1904 г.; МИД, д. № 8, ч. 10). «Командир, офицеры и половина экипажа — английские», — доносил русский консул из Сингапура. (Телегр. коллеж. асессора Рудановского от 20 января 1904 г.; МИД, всеподдан. доклады с 1 января 1904 г.).

7 По другим сведениям, шесть эскадренных миноносцев английского флота. (Телегр. русского консула на о. Мальта ст. сов. [статского советника] Сакса управляющему Морским министерством от 29 декабря 1903 г., № 245; МИД, дело о нейтралитете Англии).

8 Деша ст. сов. Клемма из Бомбея от 3 января 1904 г. (МИД, д. № 8, ч. 10).

9 Донесение ген. Дессино из Шанхая от 28 января 1904 г., № 50. (Дело Военно-ученого архива (ВУА), № 39656, л. 66).

10 Донесение ген. Дессино из Шанхая от 30 января 1904 г., № 65. (Дело ВУА, № 39656, л. 61).

11 Деша графа Ламздорфа Лессару от 29 января 1904 г., № 44. (МИД, дело о нейтралитете Англии). Англия, конечно, категорически отрицала этот факт. *Tél. secr. du comte Benckendorff, 30 Janvier (12 Février) 1904, № 1, 2*). Наше правительство обнародовало такое же опровержение в «Новом времени» 11 февраля 1904 г.

12 Донесение ген. Дессино от 30 мая 1904 г., № 633. (Дело ВУА, № 39656, л. 364).

13 Донесение ген. Дессино от 6 апреля 1904 г., № 355. (Дело ВУА, № 39656, л. 229).

14 Донесение военного агента в Англии ген. Ермолова в Главный штаб от 17 мая 1907 г. (Дело ВУА, № 36656, л. 299).

15 Деша д. т. с. [действительного тайного советника] Зиновьева от 20 декабря 1903 г. (2 января 1904 г.). (МИД, д. № 8, ч. 9).

16 Деша д. т. с. Зиновьева от 25 декабря 1903 г. (7 января 1904 г.), № 362. (МИД, дело о нейтралитете Англии). «Турецкое правительство понимало, что в своем протесте маркиз Ландоун руководствовался собственными соображениями».

17 Телегр. Зиновьева от 6 (19) февраля 1904 г. (МИД, дело о нейтралитете Англии).

18 Донесение военного агента в Лондоне нач.-ку воен.-статист. отдела от 10 февраля 1904 г. (МИД, дело о нейтралитете Англии).

19 Телегр. Бологовского из Гонконга от 28 января 1904 г. (МИД, всеподдан. доклады с 1 января 1904 г.); телегр. коллеж. асес. Рудановского из Сингапура от 27 февраля (11 марта) 1904 г.; его же донесение директору первого департамента МИД от 4 марта 1904 г., № 132; телегр. д. с. с. Максимова из Каира от 20 апреля 1904 г.; телегр. гр. Ламздорфа гр. Бенкендорфу от 25 мая 1904 г., № 350; телегр. Бологовского из Гонконга от 19 августа 1904 г.; телегр. Павлова из Шанхая от 24 августа 1904 г.; телегр. Павлова от 20 октября 1904 г. № 658. (МИД, дело о нейтралитете Англии).

20 Телегр. гр. Ламздорфа гр. Бенкендорфу от 1 февраля 1904 г., № 58. (МИД, дело о нейтралитете Англии).

21 Отношение управляющего Морским министерством министру иностр. дел от 4 апреля 1904 г., № 1434. (МИД, дело о нейтралитете Англии).

22 Письмо посланника в Мюнхене князя Оболенскому-Нелидиному-Мелецкому от 17 (30) марта 1904 г., № 182. (МИД, дело о нейтралитете Англии).

23 Со слов французского посла в Лондоне г. Камбона. (Деша Нелидова от 15 (28) февраля 1904 г., № 12; МИД, дело о нейтралитете Англии).

24 Выписка из рапорта лейтенанта 35-го флотского экипажа Сергеева 6-го. (МИД, дело о нейтралитете Англии).

25 Письмо управляющего морским министерством гр. Ламздорфу от 6 июля 1904 г., № 3195. (МИД, дело о нейтралитете Англии).

26 *Lettre du comte Benckendorff, 27 Janvier (9 Février) 1904 г.* (МИД, дело о нейтралитете Англии).

27 Эти оправдания и объяснения имеются: в *tél. secr. du comte Benckendorff, 1 (14) Janvier, 17 (30) Mars, 14 (27) Août, 28 Novembre (11 Décembre) 1904 et 16 Février (1 Mars) 1905*; в письме гр. Бенкендорфа графу Ламздорфу от 14 (27) января 1904 г.; в *tél. secr. du baron Graevenitz, 9 (22) Février 1904 et lettre du comte Benckendorff au comte Lamsdorff, 16 (29) Juin, 1904.* (МИД, дело о нейтралитете Англии).

28 Письмо эмигранта Деменского (Тверского), препровожденное министру иностранных дел обер-прокурором Синода. (МИД, дело о нейтралитете).

29 Деша гр. Кассини от 15 (28) декабря 1904 г., № 102. (МИД, дело о нейтралитете).

30 Деша ген. Дессино в Главный штаб из Шанхая от 5 апреля 1904 г., № 353. (МИД, дело о нейтралитете).

31 Деша гр. Кассини от 1 (14) апреля 1904 г., № 96. (МИД, дело о нейтралитете).

32 Интересные подробности в *tél. secr. du comte Osten-Sacken, 4 (17) Février 1904.* (МИД, дело о нейтралитете Англии). «Я не могу достаточно полно описать, как усиленно император Вильгельм подчеркивал свои симпатии. Некоторые находят их даже переходящими границы строгого нейтралитета».

33 *Lettre confid. du comte Osten-Sacken, 8 (21) Octobre 1904.* (МИД, дело о нейтралитете Англии).

34 *Tél. secr. du comte Osten-Sacken, 3 (16) Mars 1905* (МИД, дело о нейтралитете).

35 Деша гр. Капписта от 4 (17) февраля 1904 г. (МИД, дело о нейтралитете).

36 МИД, всеподдан. доклады с 1 января 1904 г.

37 Дело бывшего VII отдел. Главного штаба № 12.

38 Деша Нелидова от 3 (16) февраля 1904 г. (МИД, дело о нейтралитете).

39 Деша Нелидова от 13 (26) ноября 1904 г. (МИД, дело о нейтралитете).

40 Выписка из депеш де-Волана из Мексики от 26 ноября (9 декабря) 1904 г., № 59, 60 и 61. (МИД, дело о нейтралитете).

41 Выписка из депеш т. с. Шевича из Мадрида от 22 февраля (6 марта) 1904 г., № 13. (МИД, дело о нейтралитете). Интересно, что потом это настроение изменилось не в пользу России. Испанцы решили, что в случае победы русского оружия Англия не останется нейтральной, Франции придется обнажить свой меч и Испания будет вовлечена в общую борьбу; эти соображения заставили испанцев прийти к заключению, что при всей симпатии, питаемой ими к России, они должны желать победы японцев. (Выписка из депеш т. с. Шевича от 7 (20) февраля 1905 г., № 8; МИД, дело о нейтралитете).

42 *Tél. secr. de M-r de Struve, 2 (15) Février 1904.* (МИД, дело о нейтралитете).

43 Телегр. нады. сов. Лермонтова из Софии от 30 января (12 февраля) 1904 г. (МИД, всеподдан. доклады с 1 января 1904 г.).

44 Телегр. нады. сов. Муравьева-Апостола-Коробьина из Белграда от 31 января (13 февраля) 1904 г. (МИД, всеподдан. доклады с 1 января 1904 г.).

45 Телегр. из Праги от 29 января 1904 г. (МИД, всеподдан. доклады с 1 января 1904 г.).

**Публикацию подготовил
В. А. АВДЕЕВ,
кандидат исторических наук**

(Окончание следует)

ПРИЗНАНИЯ БЕЗ ПОКАЯНИЯ

(Из протоколов первых допросов нацистских преступников)

**КРАТКАЯ ЗАПИСЬ
результатов опроса германского
рейхсминистра авиации
Геринга Германа
17 июня 1945 года**

*Геринг Герман, 52 лет, рейхсмаршал,
рейхсминистр и главнокомандующий
военно-воздушными силами Германии,
член НСДАП с 1922 года.*

Вопрос: Владеете ли вы русским языком?

Ответ: Нет, я знаю только одно русское слово — «великий».

Вопрос: Чем это слово оказалось для вас примечательным?

Ответ: Под Великими Луками мы столкнулись с большими затруднениями в войне с русскими. Тогда я потребовал разъяснить мне, что означает слово «великие».

Вопрос: Когда вам стало известно о военных планах Гитлера против Советского Союза?

Ответ: О готовящейся войне против России узнал за полтора-два месяца до начала войны.

Вопрос: Нам известно, что еще в 1940 году Гитлер разослал всем главнокомандующим приказ о подготовке к нападению на СССР. Вы, как рейхсмаршал авиации, не могли не получить этого приказа.

Ответ: Я не могу точно припомнить даты, когда мне стало известно о подготовке к войне против России, но вспоминая обстоятельства осени 1940 года, я могу сказать следующее:

1. В это время действительно существовал приказ о подготовке к войне, но к России он никакого отношения не имел. Речь шла о захвате Гибралтара с проходом наших войск через Испанию. Эта операция была полностью подготовлена, но, к сожалению, от нее отказались.

2. Рождество 1940 года я провел вместе со своей семьей в Румынии, примерно в 300 километрах от русской границы. Если бы мне было известно о предполагавшихся военных действиях против Советского Союза, я вряд ли решился бы уехать со своей семьей в Румынию, где мы находились в непосредственной близости от советской границы. При всех обстоятельствах, если бы такой приказ был, я знал бы о нем не позже, чем за две недели до его подписания!

Вопрос: Как вы отнеслись к факту возникновения войны между Германией и Советским Союзом?

Ответ: Я всегда являлся противником войны с Россией. Когда я узнал о военных планах Гитлера против СССР, я просто пришел в ужас. В это время вся авиация была брошена на запад и действовала против англичан. Задачи, стоявшие перед нашей авиацией, были далеко еще не завершены, а мне предстояло в случае войны с Россией перебросить на восточный фронт добрую половину самолетов. Я неоднократно пытался отговорить фюрера от его намерений воевать с СССР, но фюрер носился с мыслью войны против России и разубедить его я не мог. Я считал, что война против СССР нецелесообразна.

Вопрос: Как совмещается такая точка зрения с вашими многочисленными пуб-

личными выступлениями о ненависти к Советскому Союзу и о том, что «Советский Союз будет раздавлен»?

Ответ: Я был бы очень удивлен, если бы вы могли предъявить мне хотя бы одну мою речь, сказанную в этом духе. Вопрос стоял не о ненависти или любви к Советскому Союзу, а о целесообразности войны с СССР. Я считал, что воевать с СССР нецелесообразно, но вместе с тем я всегда был противником вашего мировоззрения. Но одно дело быть против войны с Советским Союзом, а другое высказывать в печати единое мнение по этому вопросу. После того как фюрер начал войну, моим долгом было сделать все, чтобы эту войну выиграть. Я всегда считал Сталина великим противником.

Вопрос: Вы сами бывали на восточном фронте?

Ответ: Я был в России очень недолго. Знаю только один русский город — Винницу. В Винницу я приезжал не по военным делам, а потому, что меня интересовал находившийся там театр.

Вопрос: Как воспринимало население Германии первые интенсивные бомбардировки после ваших заверений о том, что вы не допустите падения ни одной бомбы на Берлин?

Ответ: Такое выступление приписывается мне вражеской пропагандой. Я только говорил, что сделаю все от меня зависящее, чтобы на Берлин не упала ни одна бомба. Кроме того, это было сказано тогда, когда мы имели полное превосходство в воздухе.

Бомбардировки были ужасны и они деморализовали население.

Вопрос: Как велико было ваше влияние в руководстве национал-социалистской партии Германии?

Ответ: Я был горячим сподвижником Адольфа Гитлера с 1922 года. С конца 1931-го и до 1933 года я был политическим уполномоченным фюрера в рейхстаге и играл решающую роль в вопросах ведения переговоров с другими организациями и с заграницей. Я также играл решающую роль в формировании правительства, так как находился в хороших отношениях с Гинденбургом.

Вопрос: Согласовывались ли с вами государственные и партийные вопросы в последние годы?

Ответ: Государственные — да, партийные — нет. Я не занимал какого-либо поста в партии, но как второе лицо в государстве принимал близкое участие в решении государственных вопросов. В партийную иерархию я не вмешивался, так как занимал 6-7 государственных постов и мне и без того вполне хватало работы.

С тех пор как пост секретаря партийной канцелярии занял Мартин Борман, мой сильнейший противник, я совсем перестал заниматься партийными делами. Полностью я был исключен из партийной жизни в 1943 году. Никогда, даже в самые благоприятные годы моей жизни, я не пользовался таким влиянием на Гитлера, как Борман в последние годы. В узком кругу мы называли Бормана «маленьким секретарем, большим интриганом и грязной свиньей». О решениях партии я узнавал уже после того, как они были приняты. Мое положение в партии покоилось только на моем личном авторитете и моем положении преемника Гитлера.

Вопрос: Каковы были ваши взаимоотношения с Гитлером?

Ответ: Мои отношения с фюрером были отличными до 1941 года. В ходе войны они все время ухудшались, пока не дошли до полного краха.

Вопрос: Что вы называете крахом?

Ответ: Я понимаю под этим тот факт, что Гитлер снял меня с должности, исключил из партии и приговорил к смерти.

22 апреля Гитлер заявил, что он остается в Берлине и умрет там. В этот вечер он впервые заговорил о возможности поражения. Он был в ярости и заявлял, что лучшие его приближенные предали его. Один из генералов спросил его, не следует ли бросить войска, находившиеся на западном фронте, на защиту Берлина от русских. Гитлер ответил: «Пусть рейхсмаршал решает этот вопрос». Генерал сказал: «Но, возможно, армия не захочет воевать под командованием Геринга». Гитлер ответил: «Неужели вы собираетесь продолжать сражаться? Это бесполезно. Мы должны идти теперь на компромисс, а Геринг это лучше сделает, чем я». Затем Гитлер приказал большей части военных лететь в Южную Германию. В их числе был и начальник штаба военно-воздушных сил Коллер, который заехал ко мне и рассказал об этом.

После посещения Коллера я позвонил доктору Ламмерсу и спросил его мнение, не следует ли мне, в силу сложившихся обстоятельств взять власть в свои руки. Было решено, что я телеграфирую в Берлин и попрошу указаний. Я послал телеграмму следующего содержания: «Поскольку вами принято решение остаться в Берлине, прошу сообщить, вступает ли в силу ваше завещание относительно того, что я являюсь вашим преемником, и могу ли иметь свободу действий в вопросах внутренней и внешней политики, как этого требуют интересы государства. Если я до 10 часов вечера не получу ответа, то должен буду предположить, что вы уже не свободны в своих решениях, и буду действовать самостоятельно». Позже я продлил срок ответа до 12 часов ночи.

Мой «антипод» Борман сидел в Берлине и, очевидно, доложил Гитлеру о моей телеграмме так, что я якобы готовлю против него заговор.

В 18 часов я получил ответ, что прежнее распоряжение недействительно и я не назначаюсь преемником.

В 20 часов прибыла группа эсэсовцев, которые заявили, что я и моя семья арестованы.

На следующий день в 9 часов утра ко мне приехал оберштурмбанфюрер СС, руководитель СС в Оберзальцбурге доктор Франк и зачитал следующую телеграмму Гитлера: «Вашим поведением и вашими действиями вы изменили мне и делу национал-социализма. Кара этому — смерть. За ваши большие заслуги в прошлом я под благодарным предлогом «тяжелой болезни» снимаю вас с поста главнокомандующего военно-воздушным флотом».

На следующий день по радио сообщили, что я подал в отставку из-за «тяжелой болезни». Народ, конечно, смеялся, так как никто этому не верил.

Эсэсовцы получили от Бормана следующее распоряжение: «Когда кризис в Берлине достигнет своего апогея, то по приказу фюрера рейхсмаршал и его окружение должны быть расстреляны. Вы должны с честью выполнить этот долг. Мартин Борман».

Однако эсэсовцы не собирались этого делать, так как считали это не приказом фюрера, а всего лишь услугой со стороны «моего друга» Бормана.

Это было совершенно безумное решение. Они там, в бункере, посходили с ума и перестали быть хозяевами своих действий.

26 апреля я был арестован людьми Бормана. В первых числах мая меня спасли летчики.

Они напали на охрану и освободили меня и мою семью.

Ухудшение отношений между мной и фюрером началось в 1941 году. Между нами существовали разногласия по вопросу о применении авиации на восточном фронте. В связи с военными действиями против СССР фюрер предложил мне разделить авиацию на две части. Я не согласился, заявив, что авиация необходима нам для борьбы против англичан. До этого фюрер никогда не вмешивался в дела авиации. Теперь началось: он приказывал перебрасывать авиасоединения то туда, то сюда, зачастую без всякой надобности. Я возражал ему, заявляя, что я должен знать, какие задачи им ставятся в каждой отдельной операции.

Когда под Сталинградом для наших войск сложилась критическая обстановка, фюрер вызвал меня к себе. Решался вопрос, останется ли армия там или ей нужно отступать. Фюрер спросил меня, можно ли обеспечить доставку сталинградской группе войск 500 тонн грузов в день. Позже он снизил эту цифру до 300 тонн. Я ответил ему, что это будет возможно только при том условии, если погода все время будетлетней и если наша сталинградская группировка будет удерживать в своих руках аэродромы.

Гитлер приказал бросить на доставку грузов в Сталинград все транспортные самолеты, даже учебные. Наступило то, чего я больше всего опасался, — ужасно тяжелые атмосферные условия, обледенение, метели, бураны. Наша авиация несла большие потери. Тогда фюрер приказал бросить всю бомбардировочную авиацию для перевозки оружия и боеприпасов. Бомбардировочная авиация была моим детищем, я создал ее на пустом месте, это было самое лучшее, что я имел. Я не мог отдать ее на верную гибель. Это было первым серьезным разногласием между нами. Гитлер приказал Мильху действовать самостоятельно, через мою голову, и использовать авиацию по своему усмотрению.

Больше уже прежних доверительных отношений между мной и фюрером не было.

Вопрос: Какое ваше общее мнение о Гитлере?

Ответ: Гитлер был, по-моему, гениальным стратегом, он был лучшим знатоком армий всех стран. Но он не хотел изучать всех тонкостей авиации и воздушной войны, поэтому принимал неверные решения в области применения авиации. Кроме того, Гитлер не переносил неудач. Они выводили его из себя; его военные и стратегические планы были гениальны, и если бы генералы проводили их в жизнь на восточном фронте, то немцы одержали бы победу.

Были между нами и другие разногласия. Зимой 1942 года были сформированы

авиаполевые дивизии. Вдруг я получаю приказ направить в такую дивизию 20 тыс. летчиков. Я потребовал, чтобы эти люди, никогда не воевавшие на земле, прошли соответствующее обучение, получили артиллерию и т. д. Мне это было обещано, однако через несколько дней их с марша, без всякой подготовки бросили в бой. Все они были перебиты, и я был поставлен в неудобное положение перед своими летными кадрами.

Мною была сформирована десантная дивизия, которая была мне необходима для проведения известных мероприятий. Я много уделял внимания этой дивизии, лично обучал ее. Я знаю, что советское командование давало высокую оценку этой дивизии.

Вдруг у меня потребовали эту дивизию для наземных боев в районе Смоленска. Это было для меня, пожалуй, самым сильным ударом.

Принципиальные разногласия между нами наметились в вопросе о возможности начать переговоры с союзниками. Я неоднократно предлагал вступить в переговоры с одной из сторон, так как полагал, что победить военными средствами уже нельзя. Гитлер категорически отверг мои предложения. Упоминание в моей телеграмме Гитлеру слова «переговоры», возможно сыграло решающую роль, так как напомнило Гитлеру о всех разногласиях, которые между нами были. Отношения между нами еще более ухудшились в период усиления налетов союзной авиации. Гитлер вторгся в область истребительной авиации, предлагал фантастические вещи, вроде того, что необходимо установить пушки на истребителях, назначил особых уполномоченных при авиационных соединениях, которые мне мешали, и т. д.

Вопрос: Когда для вас стало ясно, что Германия проиграла войну?

Ответ: Сомнения в исходе войны возникли у меня после вторжения союзных армий на западе. Прорыв русских войск на Висле и одновременно наступление союзных войск явились для меня первым серьезным сигналом. После стабилизации фронта на западе я вновь обрел надежду. Я надеялся, что нам удастся форсировать производство турбинных истребителей, имевших на вооружении 6 пушек и 24 ракеты. Это дало бы возможность устранить воздушные налеты на Германию. При таком положении мы могли бы восстановить коммуникации и промышленность и наладить выпуск нового оружия. Но все это, к сожалению, оказалось предположениями, опрокинутыми практикой жизни.

Вопрос: Что вы можете рассказать об

обстановке в ставке Гитлера непосредственно перед капитуляцией Германии?

Ответ: Я ничего не могу по этому поводу сказать, так как до 20 апреля, если кто и думал, что победы быть не может, то высказывать этих мыслей никто не смел. Говорить о капитуляции в ставке запрещалось. Еще до 20 апреля Гитлер говорил о возможности победоносного окончания войны. Для того чтобы понять это, нужно учесть событие 20 июля 1944 года. В результате покушения Гитлер получил серьезное сотрясение. Единственный из всех находившихся с ним, он не лег в госпиталь. В этот же вечер фюрер принимал Муссолини и выступал по радио. Правда, через пять дней он слег в постель и пролежал два дня. После покушения он сильно изменился, терял равновесие, появилось дрожание руки и ноги, потерялась ясность мышления. С тех пор Гитлер вообще перестал выходить из бункера, не бывал на свежем воздухе, потому что при ярком свете у него болели глаза. Он стал очень решительным, без колебаний выносил смертные приговоры, никому не доверял.

Бормана называли «мефистофелем» фюрера. Когда происходило обсуждение военной обстановки, стоило Борману положить на стол фюреру записку, порочащую того или иного генерала, и этого было достаточно, чтобы генерал впал в немилость.

Вопрос: Чем вы объясняете возрастание авторитета Гимmlера за последние годы?

Ответ: Как только стал падать мой авторитет, стал возрастать авторитет того человека, который занимал следующее место после меня. Меня считали консерваторм. Чем радикальнее становились сам Гитлер и его политика, тем больше он стал нуждаться в радикальных людях.

Когда Гимmlеру было поручено командование группой армий «Висла», мы думали, что весь мир сошел с ума. Между мной и Гимmlером существовали следующие отношения: он стремился занять мое положение. Заверяя меня в дружбе, сам вел против меня агентурную работу. Я ему тоже говорил, что хорошо к нему отношусь, а на самом деле был постоянно начеку.

Вопрос: Что вам известно о судьбе Гимmlера?

Ответ: Знаю только то, что было в газетах. Если он действительно умер, то я не сомневаюсь, что на том свете он будет чертом, а не ангелом.

Вопрос: Какую роль в ваших интригах играл Геббельс?

Ответ: Геббельс был очень тесно связан с Гитлером. Это был очень умный человек, с большими способностями, но очень честолюбивый. Он был политическим против-

ником Бормана, но умел лавировать. Мы называли его «корабельной шлюпкой», так как он знал, в чем фарватере плыть. Отношения у нас с ним были хорошие, но не близкие. Он был умным человеком и не мог плохо относиться к преемнику Гитлера.

Вопрос: Что вы знаете о шпионской работе Германии против СССР?

Ответ: До начала 1944 года вся разведывательная и контрразведывательная работа находилась в руках Канариса. Впоследствии этим стал заниматься Гиммлер. Руководил разведывательной работой СС группенфюрер Шелленберг. Как практически осуществлялась ими работа, я не знаю, я только получал результаты этой работы, а также осуществлял переброску агентов самолетами. Я был главнокомандующим военно-воздушными силами и мелочами не занимался. Я получал только заявки на самолеты для переброски агентов. Маршруты полетов определялись абвером. Для переброски агентов я выделил специальную эскадрилью, которая по заявкам Канариса и Шелленберга представляла самолеты для этой цели. Результатами каждой заброски я не интересовался. О наиболее интересных полетах мне рассказывали летчики. Насколько я помню, самый дальний полет был осуществлен в район Байкала.

Вопрос: Где находятся государственные архивы Германии и, в частности, архивы министерства авиации?

Ответ: Государственные архивы были вывезены в Центральную Германию. Во второй половине апреля фюрером был издан приказ о том, чтобы сжечь все архивы министерства авиации, но было ли это сделано, я не знаю.

Вопрос: Гитлеровская пропаганда длительное время распространяла слухи о «расколе» между нами и союзниками. На основании каких данных это делалось?

Ответ: Пропаганда приняла большие размеры, но никаких реальных оснований у нее к этому не было. Мы, военные, считали, что имеем единого врага. Я полагаю, что такого рода пропаганда велась для того, чтобы усилить волю немецкого народа к сопротивлению. Это был обман.

Вопрос: На что надеялось гитлеровское правительство, продолжая войну, когда поражение стало очевидным?

Ответ: Фюрер был главнокомандующим и сам вел войну. Он придерживался абсолютного тезиса — никогда не капитулировать. Поскольку он продолжал войну, постольку и мы должны были это делать. Однажды он заявил: «Я не могу вести переговоры о мире. Если это неизбежно, пусть это делает Геринг. Он в таких делах понимает гораздо больше».

Мы, военные, не могли строить собственных предположений или прогнозов, а обязаны были на все события смотреть глазами фюрера.

Вопрос: Имели ли вы или кто-либо из вашего окружения отношение к заговору 20 июля 1944 года?

Ответ: Нет. Из личного состава военно-воздушных сил только двое были замешаны в этом деле, но они уже давно ушли из авиации. Что касается меня, то я лично никогда не сделал бы этого и не поднял бы руку на Гитлера.

Вопрос: Многие считают, что заговорщики не преследовали корыстных целей, а хотели свергнуть Гитлера для того, чтобы облегчить судьбу германского народа.

Ответ: Это неверно. Они преследовали только личные цели и, если бы они пришли к власти, то наступил бы полный хаос, так как они представляли беспринципный блок трех совершенно различных направлений. В тот период военное положение Германии было не безнадежным, а только критическим. Наиболее активную роль в этом заговоре играл штаб резервной армии.

Вопрос: Что вам известно о местопребывании видных нацистов, скрывающихся от союзных властей?

Ответ: Мне об этом ничего не известно, а если бы я и знал, то все равно ничего вам об этом не сказал.

Вопрос: Мне непонятно такое заявление. Вы на допросе и обязаны отвечать.

Ответ: Я не знаю, где они находятся. В отношении гаулейтеров мне известно лишь следующее: гаулейтер Восточной Пруссии внезапно стал моряком, сел на корабль и отплыл из Кенигсберга в неизвестном направлении. Я ничуть не удивлюсь, если узнаю, что он в настоящее время берет уголь где-нибудь у берегов Исландии. Гаулейтеры Западной Пруссии, Померании и Данцига находятся в плену у англичан. Гаулейтер Мекленбурга содержится в тюрьме в Ноймюнстере, гаулейтер Познани уехал в Баварию. Где находится гаулейтер Бранденбурга, я не знаю.

Вопрос: Как относились вы лично к расовой теории Гитлера, которую он ставил в основу своей политики?

Ответ: В такой резкой форме, как она ставилась Гитлером, я ее никогда не разделял. Что касается еврейского вопроса, то меня в партийных кругах считали другом евреев, так как многим еврейским семьям я оказывал помощь. Из-за этого имел много неприятностей в партии. За границей об этом было известно. В то, что мы полубоги, я никогда не верил. Для этого сам я слишком земной человек.

Вопрос: Знаете ли вы генерал-полковник Кюля?

Ответ: Да, я его знаю, он был командующим воздушным флотом в Норвегии.

Вопрос: Какого вы о нем мнения и почему Кюль был отстранен от должности и должен был уйти в отставку?

Ответ: Кюль неплохой специалист, много занимался обучением кадров. Уход его в отставку объясняется тем, что у него не было достаточно боевого опыта, а мы хотели влить в авиацию свежие кадры.

Вопрос: В разговоре с нами Кюль сказал, что он был вынужден уйти в отставку после крупного разговора с вами, во время которого он вносил предложения, с которыми вы не соглашались, и выгнали его.

Ответ: Это чистая ложь. Такого разговора у нас с ним не было. Я хотел бы получить очную ставку с ним, чтобы послушать, что он еще будет врать.

Вопрос: Какие секретные государственные и партийные директивы издавались в Германии по борьбе с коммунизмом?

Ответ: Во время войны издавались общие полицейские директивы для обеспечения порядка в стране. Известно, что даже такой «демократический вождь», как Черчилль во время войны арестовывал членов парламента, если это требовалось. Обстановка заставляла это же делать и нас.

Юридически против коммунизма велась только одна пропаганда, а фактически оказывалось и непосредственное воздействие. Однако это проводилось через органы СС, особенно в период господства Бормана.

Вопрос: Что вам известно о мероприятиях партии и военного командования по уничтожению миллионов русских, поляков, евреев и прочих национальностей в оккупированных странах и о зверствах, чинимых немецкими войсками?

Ответ: О миллионах не может быть и речи. Это чистые выдумки пропаганды. Кроме того, поверьте мне, что террор ни в коем случае не был направлен против славян, только против евреев. Если и имели место отдельные зверства солдат на фронте и в оккупированных странах, то я заверяю, что никто из нас, государственных руководителей, ни генеральный штаб, ни правительство, ни партия не санкционировали этого².

Я могу привести некоторые примеры.

Однажды стало известно, что в России во время транспортировки пленных в одном эшелоне имело место массовое обморожение. Я немедленно навел справки. Оказалось, что заморзли только несколько человек. Были даны указания, чтобы избегать подобных явлений в дальнейшем.

Массовое умерщвление имело место только при восстании в Варшавском гетто.

Надо учесть, что всеми концлагерями руководил Гиммлер, и с тех пор, как у меня отняли полицию, я не имел к этому непосредственного отношения. Ко мне, наоборот, часто обращались с письмами и различными просьбами, которые я всегда направлял по адресу в канцелярию Гиммлера. Я даже имел неприятности за подобные дела.

Вопрос: Что вам известно о судьбе Тельмана?

Ответ: Тельман находился в концлагере Бухенвальде и погиб во время воздушного налета союзной авиации на лагерь. Как известно, в Бухенвальде находились военные заводы, которые являлись объектом бомбежки. Я лично не думаю, чтобы Тельман был намеренно убит, ибо в то время обстановка вовсе не требовала этого. Кроме того, сообщение о бомбежке Бухенвальда поступило ко мне также и по служебной линии ВВС.

Вопрос: Было ли выдано тело Тельмана семье?

Ответ: К этому вопросу я отношусь весьма скептически. Наверное, нет³.

Я могу еще сказать, что в 1934 году, когда Тельман находился в моем ведении, я вызвал его к себе и имел с ним краткую беседу. Тельман указал мне на ряд своих требований в бытовом отношении. Однако впоследствии вся полиция перешла в ведение Гиммлера. Жена Тельмана в 1944 году обращалась ко мне с письмом с рядом просьб, но я был вынужден переслать это письмо также Гиммлеру.

Вопрос: Какое участие вы принимали в поджоге рейхстага?

Ответ: Буквально никакого. Это все дело рук безумца Ван-дер Люббе. Конечно, дело было не так, как описывалось в прессе, ему не пришлось бегать с факелом по зданию. Заранее были разложены зажигательные снаряды, которые моментально воспламенили все. Каким образом он это сделал, не приложу ума. Ясно, что Торглер и другие участия в поджоге не принимали. Но, несомненно, коммунисты готовили путч в это время.

Партия и я лично ничего общего с поджогом рейхстага не имели. Мы в этом вовсе не нуждались. Единственно, что я сделал во время пожара, это то, что немедленно прибыл туда и попытался войти в здание, но там был такой ужас, что пришлось поскорее уйти — ведь моя жизнь мне дороже.

Вопрос: Кто принадлежал к вашему ближайшему окружению?

Ответ: Мои главные связи распространялись на круг генералов ВВС, а также на некоторых гаулейтеров, с которыми я был связан старой дружбой. В числе генералов

были: Лерцер, Кессельринг, Шперрле, Рихтгофен.

Из партийных работников наиболее близкими ко мне были: Кернер, Булер, Тербовен и Заукель. Однако Борман предлагал все усилия, чтобы уменьшить мой вес в партии и изолировать меня от ее руководящих работников.

Вопрос: Что вам известно о деятельности Власова и какая роль предназначалась ему в так называемой Русской Освободительной Армии?

Ответ: Из фактических данных мне известно, что Власов образовал комитет наподобие комитета генерала Зейдлица и сформировал одну дивизию, которая, кажется, была введена в бой (последнее мне точно не известно).

Насколько мне известно, никаких реальных расчетов на Власова и его армию не возлагалось.

Кому принадлежит инициатива в формировании власовских частей, мне точно не известно. Раньше с Власовым занимался Риббентроп, а после Гиммлер.

В 1945 году Власов посетил меня. Он сообщил, в каком состоянии находится формирование его дивизии, и жаловался, что ему не дают вооружения. Власов просил моей поддержки и также намекал, что он не прочь сформировать русскую авиаэскадрилью, которая бы находилась под моим покровительством. Это предложение я отклонил. Кроме того, беседа затрагивала ряд частных вопросов. Я подробно расспрашивал Власова о Сталине, так как очень интересовался этой выдающейся личностью.

Фюрер ничего не ожидал от этой затеи и решительно отказывался принять Власова.

Вопрос: Что вы можете сказать об использовании гитлеровским правительством русских белоэмигрантов и изменников Родины?

Ответ: Ничего определенного сказать не могу, так как никогда не занимался и не интересовался этим делом. Единственный человек, с кем я разговаривал, был Власов. Занимался этим вопросом Розенберг, он создавал всевозможные комитеты. Я всегда

считал, что если люди удрали из своей страны, то они, видно, и там ни на что не годились.

Допросил:
начальник 5-го отдела
3-го Управления НКГБ СССР
полковник госбезопасности ПОТАШЕВ.

В допросе принимали участие:
пом[ощник] начальника
Разведуправления ВМФ
полковник ФРУМКИН,
нач[альник] отделения разведотдела
штаба 1-го Белорусского фронта
полковник СМЫСЛОВ.

Переводили и вели запись:
майор госбезопасности ФРЕНКИНА,
капитан БЕЗЫМЕНСКИЙ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Разработка плана «Барбаросса» началась согласно распоряжению Гитлера от 21 июля 1940 года. Его окончательный вариант был изложен в директиве верховного главнокомандования вооруженными силами № 21 от 18 декабря 1940 года и в директиве по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск главного командования сухопутных войск (ОКХ) от 31 января 1941 года. Согласно расчету рассылки плана «Барбаросса» три экземпляра этого документа были направлены главнокомандующему военно-воздушными силами Германии Г. Герингу.

² На оккупированной территории гитлеровцы осуществляли массовый террор, который явился следствием заранее продуманной политики истребления части населения. Фашистские захватчики на территории СССР, подвергшейся оккупации, уничтожили около 11 млн. советских граждан, из них около 7 млн. мирных жителей (стариков, женщин, детей) и примерно 4 млн. военнопленных.

³ Видный деятель германского и международного коммунистического и рабочего движения Эрнст Тельман после захвата в 1933 году фашистами власти ушел в подполье, где продолжал борьбу. 3 марта 1933 года был арестован гестаповцами. Содержался в берлинской тюрьме Моабит, а затем в тюрьмах Ганновера и Бауце-на. В августе 1944-го Тельмана доставили в концлагерь Бухенвальд, где 18 августа он был убит по прямому указанию Гитлера и Гиммлера. Геринг не случайно скептически отнесся к вопросу о выдаче тела Тельмана семье. Как показали бывшие заключенные Бухенвальда, Тельмана сожгли в одной из печей концлагерного крематория. На месте казни установлена мемориальная плита.

*Публикацию подготовил
В. А. ЛЕБЕДЕВ,
кандидат исторических наук*

(Окончание следует)

● НАШЕ
М КРЕПКОЕ

ПОГИБЛИ В ГОДЫ БЕЗЗАКОНИЯ

МАРТИРОЛОГ РККА 1937-1941 гг.

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Год приема в члены ВКП(б)	Должность на момент ареста	Дата			
				ареста	вынесения приговора к высшей мере наказания	исполнения приговора	посмертной реабилитации
1	2	3	4	5	6	7	8
Комдивы							
Ракитин Николай Васильевич	1895	1928	Начальник физической подготовки и спорта РККА	19. 6. 1937	15. 12. 1937	15. 12. 1937	25. 2. 1956
Раудмел Иван Иванович	1894	1927	Командант Могилево-Ямпольского укрепленного района	11. 6. 1937	9. 9. 1937	—	4. 8. 1956
Ринк Иван Александрович	1886	1928	Военный атташе СССР в Японии	7. 10. 1937	15. 3. 1938	—	30. 6. 1956
Рогалев Федор Федорович	1891	1917	Командир 7-го стрелкового корпуса	(?) 6. 1937	14. 9. 1937	14. 9. 1937	6. 10. 1956
Роговский Николай Михайлович	1897	1919	Начальник артиллерии РККА	5. 6. 1937	10. 9. 1937	10. 9. 1937	7. 4. 1956
Рохи Вильям Юрьевич	1892	1917	Командир 34-й стрелковой дивизии	2. 7. 1937	9. 4. 1938	9. 4. 1938	31. 10. 1956
Рубинов Яков Григорьевич	1895	1917	Начальник штаба ЗабВО	3. 7. 1937	2. 10. 1938	2. 10. 1938	18. 4. 1956
Саблин Юрий Владимирович	1897	1919	Командант и военком Летичевского укрепленного района	25. 9. 1936	19. 6. 1937	20. 6. 1937	12. 12. 1956
Савицкий Сергей Михайлович	1897	1918	Начальник штаба ЗабВО	12. 5. 1937	1. 7. 1937	1. 7. 1937	3. 10. 1957
Свечин Александр Андреевич	1878	Б/п	Помощник начальника кафедры военной истории Военной академии Генерального штаба РККА	—	29. 7. 1938	29. 7. 1938	8. 9. 1956
Семенов Николай Григорьевич	1874	Б/п	Преподаватель тактики в Военной академии имени М. В. Фрунзе	10. 5. 1938	26. 8. 1938	26. 8. 1938	27. 9. 1962

1	2	3	4	5	6	7	8
Сергеев Евгений Николаевич	1887	Б/п	Старший руководитель кафедры оперативного искусства и стратегии Военной академии Генерального штаба РККА	—	10. 9. 1937	10. 9. 1937	21. 3. 1957
Сергеев Иван Павлович	1897	1932	Преподаватель Военной академии Генерального штаба РККА (быв. нарком боеприпасов СССР)	30. 5. 1941	13. 2. 1942 Постановлением Особого совещания	—	22. 10. 1955
Сердюч Даниил Федорович	1896	1917	Командир 3-го кавалерийского корпуса	—	28. 7. 1938	—	23. 4. 1957
Сидоренко Владимир Семенович	1898	1918	Командир 6-го стрелкового корпуса	—	8. 9. 1938d7	—	22. 12. 1956
Соколов-Соколовский Петр Луквич	1894	1919	Начальник штаба ХВО	30. 6. 1937	9. 12. 1937	—	9. 7. 1957
Степной-Спижарный Константин Иванович	1898	1918	Помощник начальника Автобронетанкового управления РККА	—	29. 7. 1938	—	22. 9. 1956
Стигга Оскар Ансович	1894	1917	Начальник отдела Разведывательного управления РККА	29. 11. 1937	29. 7. 1938	—	8. 9. 1956
Супрун Кузьма Харитонович	1892	1917	Помощник командующего войсками ЗабВО по МТО	5. 4. 1938	26. 2. 1940	27. 2. 1940	28. 7. 1956
Тальковский Александр Александрович	1894	—	Начальник курса Военной академии имени М. В. Фрунзе	23. 12. 1937 30. 6. 1941	Освобожден 16. 5. 1940	23. 2. 1942	25. 4. 1956
Тарасенко Владимир Васильевич	1891	1919	Командир 15-го стрелкового корпуса	26. 9. 1937	22. 12. 1937	—	10. 10. 1957
Тарасов Анатолий Степанович	1894	1918	Начальник штаба ЗабВО	2. 7. 1938	20. 5. 1940	—	26. 11. 1955
Ткачун Петр Пахомович	1894	1917	Командант Московского Кремля	8. 1. 1938	29. 7. 1938	29. 7. 1938	12. 5. 1956
Точенов Николай Иванович	1897	1919	Командир 1-й Особой кавалерийской дивизии имени И. В. Сталина	8. 6. 1937	15. 12. 1937	—	2. 6. 1956
Тухарели Георгий Александрович	1891	Кандидат с 1932	Помощник командующего войсками ЗабВО по МТО	17. 4. 1937	12. 7. 1937	12. 7. 1937	9. 1. 1957
Уваров Николай Михайлович	1896	1924	Начальник управления авиации Центрального совета Осоавиахима СССР	22. 3. 1938	28. 8. 1938	28. 8. 1938	11. 7. 1957
Федотов Анатолий Васильевич	1892	1920	Начальник штаба ЛВО	22. 10. 1937	20. 9. 1938	—	17. 10. 1957

1	2	3	4	5	6	7	8
Фирсов Дмитрий Сергеевич	1895	1917	Командир 39-й стрелковой дивизии ОКУВА	31.5.1937	25.3.1938	—	23.7.1957
Флоровский Иван Данилович	1894	1917	Начальник ВВС Приморской группы ОКУВА	10.6.1937	25.3.1938	—	5.1.1957
Хорошилов Иван Яковлевич	1898	1917	Заместитель начальника Управления по начальствующему составу РККА	12.2.1938	26.8.1938	—	18.8.1956
Чернобровкин Сергей Алексеевич	1897	1918	Заместитель командующего войсками БВО по авиации	—	29.4.1938	—	13.8.1957
Шалимо Михаил Николаевич	1898	1927	Помощник командующего войсками ЗаВО по ВВС	24.8.1937	2.10.1938	—	9.4.1957
Шеко Яков Васильевич	1893	1919	Командир 4-го казачьего корпуса	10.8.1937	5.6.1938	5.6.1938	18.7.1956
Широкий Иван Федорович	1893	1919	Заместитель начальника Аэрофлота СССР	9.2.1938	8.4.1938	8.4.1938	14.7.1956
Шмидт Дмитрий Аркадьевич	1895	1915	Командир 8-й мотомеханизированной бригады КВО	9.7.1936	19.6.1937	6.7.1937	—
Щеглов Николай Владимирович	1889	Кандидат с 1931	Командир 1-й дивизии ПВО г. Москвы	31.5.1937	28.10.1937	—	25.4.1956

Комдивы, умершие в заключении*

				Умер во время следствия в 1937			
Белицкий Семен Маркович	1889	1920	Начальник Управления Воениздата НКО СССР				
Зюзь-Яковенко Яков Иванович	1892	1919	Командир 2-го стрелкового корпуса	7.6.1937	8.10.1939 «15 + 5»	—	22.2.1956
Малофеев Василий Иванович	1897	Кандидат с 1931	Командир 1-го стрелкового корпуса ЛВО	31.8.1938	15.10.1939 «15 + 5»	—	17.9.1957
Никитин Семен Васильевич	1895	1918	Командир 11-го стрелкового корпуса БВО	4.3.1938	20.8.1939 «10 + 5»	16.6.1941	16.6.1956
Ушаков Константин Петрович	1896	1920	Командир 9-й кавалерийской дивизии	21.2.1938	20.7.1939 «15 + 5»	1943	14.3.1957
Шарков Иван Федорович	1886	1922	Начальник Одесского артучилища	—	8.5.1939 «15»	1942	11.8.1956

* Кроме того, заключение отбывали командиры Военной академии Генерального штаба РККА Ян Янович Алкснис, командир 7-го мотомехкорпуса Михаил Фомич Букштынович, начальник штаба ОКДВА Владислав Константинович Васенцович, командир 17 сд Михаил Петрович Карпов, начальник кафедры Военно-электротехнической академии Федор Петрович Кафельдт, командир 5-го кавалерийского корпуса Константин Константинович Рокоссовский, начальник управления пограничных и внутренних войск УНКВД Дальневосточного края Федор Георгиевич Соколов, начальник 1-го отдела АМУ РККА В. Н. Чернышев, командующий ВВС САВО Розе Абдуллаевич Якубов и др.

1	2	3	4	5	6	7	8
Флагманы 2 ранга**							
Васильев Александр Васильевич	1887	Кандидат с 1932	Командир бригады захаражения и травления ТОФ	13. 1. 1938	4. 5. 1938	—	6. 6. 1957
Виноградский Георгий Георгиевич	1890	Б/п	Командир бригады миномосцев КБФ	—	17. 1. 1938 Постанов- лением «высшей двойки»	—	4. 8. 1956
Галкин Георгий Павлович	1896	1918	Помощник командующего КБФ по ВВС	9. 1. 1938	22. 9. 1938	—	24. 12. 1957
Инженер—флагманы 2 ранга							
Алякринский Николай Владимирович	1896	1920	Начальник НИИ военного кораблестроения Управления Морских Сил РККА	11. 7. 1937	22. 2. 1938	—	21. 1. 1956
Алякрицкий Борис Евгеньевич	1899	1919	Начальник Управления кораблестроения Морских Сил РККА	10. 7. 1937	26. 11. 1937	—	21. 7. 1956
Дивизионные инженеры							
Аксенов Алексей Михайлович	1898	1917	Начальник Управления связи РККА	29. 12. 1937	22. 8. 1938	23. 8. 1938	20. 10. 1956
Бандин Александр Павлович	1895	1925	Помощник начальника Инженерного управления РККА	—	14. 6. 1938	—	25. 4. 1957
Бардовский Стефан Васильевич	1894	1919	Начальник Технического управления РККА	25. 5. 1937	19. 3. 1938	—	5. 10. 1957
Потапов Георгий Хрисанфович	1893	Б/п	Заместитель начальника Военно- инженерной академии РККА	21. 5. 1937	1. 7. 1937	—	9. 1. 1957

** Командир 1-й бригады подлодок Черноморского флота, беспартийный, флагман 2 ранга Григорий Васильевич Васильев, награжденный в 1935 г. орденом Ленина, 4 июня 1939 г. осужден на «15 + 5». Реабилитирован 20. 4. 1957.

Публикация полковника в отставке О. Ф. СУВЕНИРОВА,
 доктора исторических наук

(Продолжение следует)

Генерал Скобелев

Михаил Дмитриевич Скобелев родился 150 лет назад, 17 сентября 1843 года в семье, которая дала три поколения крупных военных деятелей, трех боевых генералов: деда, отца и сына.

Дед, Иван Никитич, генерал от инфантерии был комендантом Петербургской крепости и уже в зрелые годы, израненный, без руки, открыл в себе незаурядный талант писателя.

Отец М. Д. Скобелева — Дмитрий Иванович — дослужился до генерал-лейтенанта и был удостоен ордена Св. Георгия 3-й степени. От его брака с Ольгой Николаевной Полтавцевой и родился будущий герой Плевны, «белый генерал» — Михаил Дмитриевич.

Боевой путь генерала Скобелева, его ратные достижения — это плоды глубокого профессионализма, подлинного знания военной науки и владения искусством побеждать.

Подростком он был отдан в пансион Жирарде, известного парижского педагога, который много сделал для становления личности молодого Скобелева и сохранил до конца дней большую дружбу со всей семьей своего питомца. Затем Михаил поступил в Петербургский университет. Из-за беспорядков последний был в 1861 году закрыт, и завершить образование в нем юноше не удалось. Молодой Скобелев поступает юнкером в Кавалергардский полк, и в 1863 году его производят в корнеты. Желая продолжить свое образование, будущий полководец поступает в Николаевскую академию Генерального штаба, которая и в те времена готовила военных специалистов высшей квалификации. После успешного окончания академии Михаил Дмитриевич начинает свою деятельность в Туркестанском крае. В 1873 году подполковник Скобелев участвует в Хивинской экспедиции в составе Мангышлакского отряда. Изнурительная жара, ранения, постоянные боевые действия в тяжелых, непривычных условиях, громкая победа под Андижаном,

награждение орденом Св. Георгия 3-й степени, чин генерал-майора и назначение на должность военного коменданта Ферганской области. А вскоре он направляется на Балканы.

Турецкая война 1877 года принесла М. Д. Скобелеву мировую славу, создала ему вполне заслуженный авторитет крупнейшего военного специалиста. Бои под Ловчей, на Зеленых горах, под Плевной, воистину суворовский переход через Балканы покорили сердца его солдат, соратников-офицеров, сделали Скобелева народным героем.

И снова Средняя Азия, Михаил Дмитриевич — командующий Ахалтекинской экспедицией, вновь — победа и триумфальное возвращение в Петербург.

Особо нужно отметить, что последние годы своей короткой жизни М. Д. Скобелев посвятил одной проблеме — защите России от агрессивных поползновений Германии, которая превращалась в ее неизбежного противника. И как мы уже знаем, его прогнозы оправдались в 1914 и 1941 годах.

Утром 26 июня 1882 года москвичей поразила весть о внезапной кончине известного генерала. После траурной церемонии прощания с героем его тело было перевезено в село Спасское, где он и был похоронен рядом с могилами родителей.

Может быть наиболее полно уважение к покойному было выражено в краткой надписи на венке от Генерального штаба: «Герою-полководцу, Суворову подобному». И в этой оценке нет преувеличения...

Обидно, что в советское время слава генерала Скобелева стала блекнуть, так как появились новые критерии, новые оценки деятельности исторических событий и личностей. Но нет сомнений, что наш народ не забудет своего любимого героя и воздаст должное его заслугам и делам!

В. И. КНОРРИНГ

Антон Антонович Керсновский родился в 1907 году в Одессе, тринадцатилетним подростком эмигрировал вместе с Русской армией за пределы России. На военной службе никогда не был. В Белграде, не имея средств к существованию, развозил газеты и в свободное время занимался в архивах и библиотеках. Четырехтомный труд «История Русской армии», опубликованный в столице Югославии в 1934–1938 гг. был издан маленьким тиражом на средства, собранные русскими эмигрантами по подписке. Умер в крайней нужде в Париже в 1944 году от туберкулеза. Краткие сведения о нем будут приложены к четвертому тому издания, выходящего в настоящее время.

Кроме «Истории Русской армии» за границей А. А. Керсновским были написаны и опубликованы в Югославии книги «Философия войны», «Мировая война», готовившиеся к изданию «Русская стратегия в образцах», «Крушение германской военной доктрины в кампаниях 1914 г.», «Синтез военной мысли от древности до Наполеона и Фоша».

«Писать о подвигах прошлого не имеет смысла без твердой веры в подвиги будущего» — так начинается «История Русской армии», первый том которой был переиздан в нашей стране^{*}. «История Русской армии — это история жизни Русского государства, история дел русского народа, великих в счастии и несчастьи, — история великой армии великой страны» — такие строки написаны А. А. Керсновским в заключительном, четвертом томе.

Работа писалась после катастрофы Русской армии и с учетом «разносной» критики царизма демократической общественностью. Реабилитация русской военной истории и духовная поддержка русских офицеров в эмиграции были основными задачами автора.

Переиздание труда Керсновского дает возможность познакомиться с оригинальным взглядом на события и в нынешнее «смутное время» позволяет ощутить опору и обрести веру в будущее России. Оно тем более ценно, что сейчас делаются попытки переписать историю, сознательно исказить события, дискредитировать отдельных лиц («монархическая легенда» Сусанина, «садист» Петр Великий и т.д.).

Несправедливо было бы подходить к оценке «Истории Русской армии» с позиций науки конца XX в. Книга легкоуязвима с точки зрения современного профессионального историка. Ее отличают эскизность освещения материала, местами бездоказательная декларативность, погрешности в датах, указании численности войск и потерь, отсутствие справочного аппарата. К этим недостаткам можно было бы добавить и другие. Но тем не менее Керсновский написал яркий обобщающий труд на основе ис-

От Нарвы до Парижа

следований военных историков Д. Ф. Масловского, А. З. Мышлаевского и др.

Основополагающими установками в русской военной истории Керсновский считает predeterminedность России к великодержавию, строительство национально-гомогенной армии на принципе соблюдения интересов державы, а не на «аполитичности». «Военная доктрина — всегда национальна», — считает автор. Военное искусство разных стран отличается так же, как национальные характеры и дух народов. Русские побеждали, если придерживались своей военной доктрины. По Керсновскому, она включает: оригинальность стратегии и тактики, «преобладание духа (качества) над материей (количеством)», защиту высших духовных ценностей, освободительный характер войн России. Одним из положений военной доктрины автор называет «широкое использование частной военной инициативы». Полководцами — носителями русской военной доктрины были Петр Великий, Румянцев, Суворов, Скобелев, Врангель.

В книге удачно использован сравнительно-исторический метод — сопоставление кампаний из разных исторических эпох и разных полководцев, а также содержатся неизвестные широкому кругу читателей оценки русской армии современниками-европейцами. Русские полководцы дали мировой военной науке высокие образцы военного искусства не только в победных баталиях, но и в кризисных ситуациях, таких, как Швейцарский поход Суворова в 1799 году и отход Кутузова в Моравию в 1805-м.

Все разделы книги — «Птенцы гнезда Петрова», «От Петра до Елизаветы», «Семилетняя война», «Век Екатерины», «Павловские времена», «Наполеоновские грозы. Император Александр I» — построены по четкой схеме: цели

^{*} Керсновский А. А. История Русской армии: В 4 т. Т. 1. От Нарвы до Парижа. 1700–1814 гг. — М.: Голос, 1992. — 304 с.: ил.

103160, Москва, К-160,
«Военно-исторический
журнал»

России в тот или иной период, влияние личности монарха на армию, армейские преобразования, основные военные кампании, их альтернативы и перспективы, политические оценки войн. «Золотому» XVIII веку русской истории автор несправедливо противопоставляет XVII век — век «упадка государственности». Эпоху после первой Смуты (1604-1613 гг.) вернее было бы назвать «эмбриональным периодом» императорской России, тем более что сам Керсновский, отмечая преемственность русского военного искусства, пишет, что не было двух армий — «московской» и «императорской», была одна — русская.

Явно тенденциозна резко антинемецкая позиция автора («многовековая освободительная борьба» русской армии против германизма). Неверно и то, что в первые годы Семилетней войны русские испытывали робость перед пруссаками. Как раз к середине XVIII века сформировалась великая духом армия, с энтузиазмом отправлявшаяся на поля Восточной Пруссии, как раз тогда произошел переход от замшелого духа служивых XVII века («Дай Бог великому государю служить, а саблю из ножен не вынимать») к победному суворовскому: «Мы русские, с нами Бог!»

Мировой истории известен «гипноз ужаса», парализовавший волю противников при виде войск Чингисхана, Тимура, Карла XII (до 1709 г.), Наполеона (в 1805-1807 гг.). Таким же описывает Керсновский воздействие русской армии, когда гвардейская шлифовка давала единый корпоративный дух офицерству, а чудо-богатыри, случалось, ходили в атаку смеясь (!), когда несколько сотен русских граненых штыков рассеивали поляков, шведов и тысячные полчища персов, османов и подданных азербайджанских ханов.

В «Истории Русской армии» автор удачно называет кампанию 1805 года против Наполеона одной из самых красивых в военной истории, кампанию 1806-1807 гг. — самой поучительной (в то время наша армия еще оставалась «суворовской»).

Нельзя не согласиться с мнением Керсновского о том, что генеральное сражение под Бородином было преждевременным и его следовало бы давать в октябре 1812 года, когда наполеоновская армия была уже в достаточной мере «подточена». Справедлива и оценка русской артиллерии, ставшей со времен Шувалова и Аракчеева одной из лучших в мире.

Много внимания в книге уделяется армейскому духовному началу, поддержанию традиций российских полков, имевших Георгиевские знамена, штандарты, петлицы. В отдельные списки вынесены основываемые полки, полки, имевшие различные коллективные награды.

Издание снабжено богатым иллюстративным материалом: картами, схемами, портретами полководцев, царей, гравюрами с изображением батальных сцен.

Первый том «Истории Русской армии» А. А. Керсновского заканчивается описанием «апогея русской славы» — взятия Парижа в 1814 году, победы российских чудо-богатырей.

Надеемся, эта книга, написанная ярким, образным языком, с интересом будет встречена любителями истории нашей Родины, всеми читателями-патриотами.

В. А. АРТАМОНОВ,
кандидат исторических наук

Меня привезли с Лубянки в Лефортовскую тюрьму. Подвели к камере. Смотреть по сторонам не разрешалось. Приказали упереться лбом в стенку. Открыли камеру. Я вошел. В одиночке стояли три койки, но заключенный был один. У потолка висела маленькая электрическая лампочка, слабо освещая помещение. С койки встал бледный исхудавший человек. Улыбнувшись, представился: «Юлиус Бобровницкий из Польши».

Однажды, когда нас с Юлиусом вывели на прогулку, через щель в соседней камере я увидел генеральский лампас. Придя назад, сказал об этом сокамернику. Юлиус ответил, что это генерал Плюснин из Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Я вспомнил, что Плюснин в начале 30-х годов командовал одним из полков 31-й Сталинградской дивизии. В этой части летом 1931 года проходила военный сбор наша студенческая рота Сталинградского механического института. Плюснин — герой гражданской войны, имел два ордена Красного Знамени. Он очень любил студентов и частенько вечерами после занятий заходил к нам запросто побеседовать. Мы знали, что командование дивизии очень ценило его за опыт и знания.

Плюснин получил звание генерала до войны и преподавал в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Сидел с октября 1941 года.

Академия в первой половине октября 1941 года эвакуировалась в Ашхабад. Личный состав и имущество были погружены в железнодорожные вагоны, и несколько воинских эшелонов двинулось в Среднюю Азию. В одном из эшелонов в бывшем вагоне-ресторане собирались генералы академии, здесь они обменивались мнениями. В помещении висела большая карта СССР, на которой флажками отмечалась линия фронта.

Когда эшелон прибыл на место, из 29 генералов, посещавших бывший вагон-ресторан, 28 были арестованы. Вскоре их перевезли в Москву, и они оказались в Лефортовской тюрьме.

В конце следствия арестованным объявили, что во время войны их делом никто заниматься не будет, а затем займется Сталин. Оставалось только ждать. Шел 1944 год.

Однако и после окончания войны, Потсдамской конференции, Нюрнбергского процесса никто делом этих генералов, насколько я знаю, не занимался. О дальнейшей их судьбе мне ничего не известно. Может быть, кто-нибудь из читателей — свидетелей тех давних событий сможет что-либо рассказать о судьбе этих людей.

П. С. ЩИПАНОВ
(г. Химки)

Государственный герб

Сложилось мнение, что двуглавый орел — Государственный герб Российской империи. На самом деле со времен Ивана III двуглавый черный орел являлся государственной российской эмблемой. Но уже многие памятники XVI и XVII столетий доносят до нас новое изображение — орел, сопровождаемый четырьмя фигурами: льва, единорога, дракона и грифа. Позднее некоторые из них послужили основой для московского герба (всадник, поражающий копьём дракона). Затем к нему были присоединены гербы царств Астраханского, Казанского и Сибирского, а потом и всех главнейших областей и земель, вошедших в состав Российской империи.

Таким образом, прежде чем герб приобрел тот вид, в котором представлен на рисунке (с. 2 обложки), он прошел долгий путь развития, начиная с простых знаков и единичных изображений, впоследствии разрастаясь в целые исторические таблицы.

К началу XX века Государственный герб России, высочайше утвержденный 3 ноября 1882 года, стал эмблемой всей ее территории. В центре на щите помещен двуглавый орел с тремя коронами; средняя больше боковых и выше их. В правой лапе орла — императорский скипетр, в левой — держава, а на груди — щит с изображением московского герба, увенчанный шлемом св. Александра Невского, который держат два архангела. Фоном для щитодержцев и щита служит горностаевое поле. Щит же обрамлен Андреевской цепью, оканчивающейся куполом с короною и государственной хоругвью. Вокруг главного щита на дубовых и лавровых ветвях помещены пятнадцать других щитов с гербами — девять больших с коронами, поставленные прямо, и шесть поменьше без корон, расположенные наискось, по три с каждой стороны. Коронованные щиты заключают гербы царств: Казанского (на серебряном поле черный дракон с золотой короной на голове, крылья, хвост и язык красные, когти и клюв золотые); Астраханского (на лазурном — золотая корона с пятью дугами и зеленой подкладкой, под короной — меч, обращенный острием вправо, с золотой рукоятью); Польского (на красном поле серебряный орел с золотыми короной, клювом и когтями); Херсонеса Таврического (черный двуглавый орел на золотом поле, увенчанный золотыми коронами, имеющий на груди щит с изображением золотого восьмиконечного креста); Сибирского (два стоящих на задних лапах соболя, поддерживающих пятизубчатую корону, лук красного цвета, лежащий на поле, представляющем собой горностаевый мех, а ниже — две стрелы); Грузинского, или Кавказского (на центральном щите на золотом фоне изображен св. Георгий на черном коне, поражающий копьём зеленого дракона с черными крыльями), на щите главного герба Кавказа расположены гербы малых кавказских царств — Иверии (на красном поле скачущий серебряный конь, по углам три серебряные звезды), Картлийского царства (на золотом фоне зеленая гора, извергающая пламя, с двумя черными стрелами острием вверх), герб Кабардинской земли (в лазурном поле на серебряных стрелах, положенных крестообразно, изо-

бражен малый золотой щит с красным полумесяцем, обрамленный тремя серебряными шестиконечными звездами), герб Армении (красный коронованный лев на золотом поле), герб черкасских и горских князей (на золотом поле скачущий всадник на черном коне); далее — герб на одном щите соединенных древних русских великих княжеств — Киевского (св. архангел Михаил с пламенным мечом, серебряным щитом в серебряной одежде), Владимирского (на красном поле золотой стоящий на задних лапах лев с железной короной, в правой передней лапе — длинный серебряный крест) и Новгородского (на серебряном поле два стоящих на задних лапах медведя, поддерживающих золотое кресло с красной подушкой, над креслом золотой трисвечник с горящими свечами, снизу в лазурном поле две серебряные рыбы); и, наконец, — герб Финляндской княжества: золотой лев на красном поле, усеянном серебряными розами. На последнем коронованном щите — собственный герб его императорского величества, а над ним — главный герб с девизом «С нами Бог», щитодержцами и сенью.

Шесть меньших щитов без корон заключают гербы земель: северо-восточных окраин Европейской России; Литвы и Белоруссии; земель Европейской части России; юго-западных окраин; так называемого Остзейского края, или Прибалтийской русской окраины; Туркестана (их описание см. в ближайших номерах журнала).

Российское правительство в гербе отражало государственную политику, целью которой являлось, прежде всего, сближение присоединяемых народностей с русским народом, упрочение власти не только страхом, но и установлением добрых отношений между подданными. Такой путь, конечно, был наиболее удачным для водворения мира в стране. С миром же начиналось просвещение и развитие труда, культурное сотрудничество, улучшение быта. А улучшив свой быт, народ начинал высоко ценить правительство, власть которого в сознании масс упрочивалась.

Именно такой политикой русские правители привлекали к себе более, чем оружием, племена, занимавшие север, восток и юг тогдашней Российской империи.

Н. М. КАРАСЬ,
старший научный сотрудник
Музея истории г. Москвы

МЕТКИМ УДАРОМ

**Октябрь.
1943 год**

СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ

«Еще в конце сентября — начале октября Ставка Верховного Главнокомандования отдала фронтам директивы на развертывание наступления с решительными целями на всем советско-германском фронте... Войскам Западного и Калининского фронтов предстояло... сокрушить оборону противника в центре Восточного вала, отбросить врага дальше от Москвы и овладеть «Смоленскими воротами» — междуречьем Днепра и Западной Двины... От Брянска войска [Брянского] фронта устремились... в восточные районы Белоруссии... С 6 октября загромыхали бои в полосе от Невеля до устья Припяти... А в это время все еще грохотала битва за Днепр и полыхали бои на Правобережной Украине».

*Великая Отечественная народная.
Краткий исторический очерк. 1941-1945.
М.: Мысль, 1985.
С. 143-146.*

ШУТКИ НА ПРИВАЛЕ

(По страницам фронтовой печати)

Сила привычки

Дед Калистрат поймал немца, пытавшегося поджечь его хату, и принялся охаживать его дышлом. Вышла из избы жена Калистрата и говорит:

— Ты ж его наполовину в землю загнал. Будет.

— Жиночка, — ответил дед, — разве ты не знаешь, что я никогда ничего наполовину не делаю?

«За счастье Родины»

Хорошая плата

— Ты слыхал, Отто, обер-лейтенант говорит, что Донбасс не имеет для нас никакой цены?

— Возможно. Только наша дивизия заплатила за него шесть тысячами убитых, тремя тысячами раненых, восьмьюдесятью орудиями, сорока двумя танками и многим другим, не считая моей ноги и головы нашего командира полка.

«Фронтовая правда»

— Что вас заставило сдаться?
— Наследственность.
— ?!
— Мой отец в 1916 году сдался генералу Брусилову, а я в 43-м — вам.

Рис. Б. Клинка

Точный ответ

В немецкой школе:

— Скажи, Ганс, как будущее время от глагола «побеждать»?

— По-моему, господин учитель, будущего времени от глагола «побеждать» в немецком языке нет.

«Ленинец»

Отходчивый генерал

— Наш старик генерал вспыхив, как пироксилиновая шашка.

— Но он быстро отходит...

— Еще как! Сначала из Полтавы в Кременчуг, а потом и за Днепр драпанул.

«Родина зовет»

Гражданин Тарусы — гражданин России

В ТАРУССКИЙ СЕЛЬСОВЕТ

В целях увеличения фонда коллективно-общественных средств прошу Сельсовет принять в свое постоянное и безвозмездное пользование и распоряжение, числящийся за мной, фруктовый сад, полностью огороженный деревянной изгородью со всеми находящимися там деревьями и растениями.

Москва- "18" Марта 1933 г.

Гражданин г.Тарусы

Степанов Егоров/

Псевдоперестройка и последовавшие за ней процессы перехода к рыночной экономике подточили духовные устои общества. Коренная ломка нашего бытия обернулась для многих растлением сознания, отказом от идейных принципов и морали. Дух стяжательства и наживы поселился и в Вооруженных Силах. Нет необходимости перечислять вопиющие факты: средства массовой информации делают это ежедневно.

Атмосфера безнравственности и бесчестия, в которой проходит жизнь части руководящих офицерских кадров, не затронула однако массы рядовых офицеров. Они живут иначе, испытывая настоящие лишения, мучаясь отсутствием жилья, безденежьем. Их права человека и гражданина попираются. В таком позорном положении защитники Отечества не пребывали никогда.

В этой связи особого внимания заслуживает документ, который мы обнаружили в местном архиве. Публикуемое нами заявление в адрес Тарусского сельсовета написано генерал-майором Егоровым Павлом Григорьевичем, бывшим начальником штаба 28-й армии (командующий генерал-лейтенант В. Я. Качалов).

Менее двух месяцев П. Г. Егоров принимал участие в боях с немецко-фашистски-

ми захватчиками. Но и за этот короткий период сумел проявить свои лучшие качества и как офицер, и как гражданин своей Родины. После того как 5 августа 1941 года в бою у деревни Старинка на Смоленщине погиб командарм, руководство выходящими из окружения частями принял на себя начальник штаба армии генерал-майор П. Г. Егоров. Благодаря его энергичным усилиям удалось организовать переправу войск через Десну. Генерал П. Г. Егоров поставил штабу и войскам задачу на выдвижение, а сам остался на Соловьевой переправе, где руководил группой прикрытия, обеспечивающей выход из окружения личного состава, техники и тылов армии. Он погиб у деревни Утехино Рославльского района Смоленской области в открытом бою, до конца оставаясь верным военной присяге.

Помещенный выше документ красноречиво свидетельствует: для генерал-майора П. Г. Егорова понятие общественного блага не было пустой и напыщенной абстракцией. Он как жил, так и умер, не утратив высоких идеалов гуманизма, и служение общественному благу предпочел личному благополучию и шансу на личное спасение.

Публикация В. С. СТЕПАНОВА

ФОРМА ОДЕЖДЫ - МУНДИР ОТЕЧЕСТВА

Ахтырские
гусары.
1812 год.

1 — гусар в парадной строевой форме; 2 — доломан рядового; 3 — ментик рядового;
4 — пистолет кремневый образца 1797 года; 5 — пистолет кремневый образца 1813 года;
6 — лядунка-патронная сумка.

Художник В. Н. БОЛТЫШЕВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В первом полугодии 1994 года
цена одного экземпляра нашего журнала
по каталогу установлена 400 руб.

Индекс 70137.

Плата за прием подписки и доставку
назначается почтой.

Часть тиража реализуется по
свободной цене.

В случае возникновения затруднений
в оформлении подписки
сообщите в издательство
по телефону 941-39-52.

Индекс 70137

**ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

10 1993

1-96

70р.

ФРОНТОВОЙ ЮМОР

НА БЕРЕГУ ДНЕПРА